

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Учредитель — МВД России

Издатель — Главное командование внутренних войск

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420.

Главный редактор КИСЛЫЙ Ю.П.

Редакционная коллегия:

АРИБЖАНОВ Р.М. (зам. главного редактора),
АРТЮХОВ Е.А., епископ Ставропольский
и Владикавказский Феофан (АШУРКОВ И.А.),
БЕЛЬСКИЙ В.Ю., БОЛТИКОВ В.В.,
БЫСЕНКОВ И.С. (ответственный секретарь),
ВИННИК В.В., ГРЕКОВ В.И., ЕРМАКОВ П.И.,
КАЗАКОВ Н.Н., КАЛИНИН В.В.,
КАЛМЫКОВ Д.Д. (зам. главного редактора),
КАРПОВ Б.В., КОЛЕСНИКОВ С.С. (зам. главного редактора),
КОРОБЦОВ Д.В., ЛЕВКОВИЧ В.Г.,
МАКОВЕВ Т.К., НИКУЛЬШИН А.В. (зам. главного редактора),
ПАНЧЕНКОВ В.В., ПОРТНОВ С.А.,
СКРЯБИН В.Н., СОФРОНОВ И.Е., ТОНКОНОГОВ В.П.,
ЧЕПЯШЕВ С.К., ЮРЧЕНКО С.П.

Художественное оформление БОЛТИКОВ В.В.

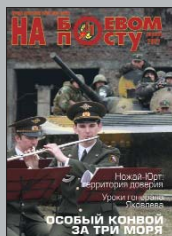
Верстка ИЛЛАРИОНОВА Е.Б.

Корректоры БОГДАНОВА Е.А., ГАВРИЛОВА Е.Ю.

Журнал имеет приложения:
газету "Ситуация"
и сборник учебно-методических материалов "Войсковой вестник".

При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

Редакция вправе сокращать и литературно обрабатывать принятые к публикации тексты. Редакция может публиковать материалы, не разделяя точку зрения авторов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов, имен собственных, неразглашение тайны отвечают авторы публикаций, за достоверность рекламных объявлений — рекламодатели, за качество печати — типография. Переписка с читателями ведется только на страницах журнала.

На 1-й странице обложки:

Фото
Виктора БОЛТИКОВА

■ Индекс

для подписки через
агентство "Роспечать" —

70 610

Сдано в набор 13.03.2007. Подписано к печати 02.04.2007.
Формат бумаги 60х90 1/8. Общий тираж изданий 15000.
Печать офсетная. Усл.печ. л. 8. Зак. №116.

Отпечатано в типографии редакции
журнала "На боевом посту" внутренних войск
МВД России
111250, Москва, Красноказарменная, 9а

Адрес редакции: 111250, Москва, Красноказарменная, 9а
Телефоны для справок: 361-81-71, 361-82-57
E-mail: vvpst2006@yandex.ru

© Журнал «На боевом посту», 2007

Епископ Ставропольский
и Владикавказский
ФЕОФАН,
член Общественной
палаты РФ,
член редколлегии журнала

В сей День Святой Пасхи, Его же сотвори Господь, сердечно приветствую всех, кто несет свой воинский долг во внутренних войсках, вечным пасхальным приветствием:

Христос Воскресе!

Воскресение Христово — это Праздников Праздник и Торжество из Торжеств. И для вас — наших воинов, берегущих покой и стабильность в нашем Отечестве, этот Праздник должен по-особому коснуться ваших душ и сердец. Ибо Воскресение Христово — это победа Жизни над смертью. Основная задача ваша — защита мирной жизни наших граждан. Непроста воинская служба, непрост путь воина, сложен и ответствен перед Богом и перед людьми. Но ответственность, она всегда идет бок о бок с благодарностью, с которой общество должно относиться к тем, кто его защищает, поэтому так важна в вашем нелегком ратном деле помощь Воскресшего Христа Спасителя.

В эти светлые дни Пасхи Христовой с южных окраин нашего Отечества, с седого Кавказа желаю всем — и высшему командованию, офицерам, прапорщикам, сержантам, и главному воину — рядовому солдату, чтобы Воскресший Спаситель мира сохранил вас в мире и добром здравии! Мир и согласие да будет в ваших и больших, и малых воинских семьях! Благополучие и Благословение Божие да пребывает не только в эти Пасхальные дни, но и во все дни жизни с вашими близкими, родными, семьями. Еще раз приветствую вас вечно пасхальным приветствием —

Христос Воскресе!

Воистину Христос Воскресе!

Многая и благая лета вам в добром здравии.

Оператор технических средств АСУ должен быть профессионалом высочайшего класса. От качества его работы зависит эффективное применение современной военной техники и вооружения. Выполняя задачи на пунктах управления, эти специалисты контролируют получение и передачу информации, занимаются её преобразованием. Внимательность, умение сконцентрироваться в нужный момент, хороший глазомер, координация, оперативная память — этими и другими качествами должен обладать оператор-технолог, оператор-диспетчер, оператор-наблюдатель, оператор-исследователь, оператор ввода информации. Сейчас идёт процесс оснащения внутренних войск новыми техническими средствами, основанными на современных технологиях. В связи с этим важность работы операторов значительно возрастает. В войсках ждут специалистов, знающих и любящих технику. Здесь они получают интересную работу.

**ПРИМИ РЕШЕНИЕ.
ВЫБЕРИ СЕБЕ ПРОФЕССИЮ!**

Во внутренних войсках
МВД России найдётся
место для человека,
владеющего любой
специальностью.

СОДЕРЖАНИЕ

КОМАНДИРЫ
**8 УЧЁБА ДЛЯ АРТИЛЛЕРИСТА –
КАК ПОРОХ ДЛЯ СНАРЯДА**

СЛУЖБА
**12 НОЖАЙ-ЮРТ:
ТЕРРИТОРИЯ ДОВЕРИЯ**

БОЕВАЯ УЧЁБА
**16 А “БЭТР” БЫЛ ОСТАВЛЕН
НА ДЕСЕРТ**

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
**18 ВОЙСКА ИДУТ ВПЕРЕД.
А ВОЕННАЯ НАУКА?**

ВОСПИТАНИЕ И ВОСПИТАТЕЛИ
**20 ЧУЖАЯ ДУША – ПОТЁМКИ?
ТОЛЬКО НЕ ДЛЯ ВОЕННОГО
ПСИХОЛОГА**

**ИНТЕРВЬЮ
НОМЕРА**

Начальник управления связи и АУВ ГКВВ МВД России –
заместитель начальника главного штаба внутренних войск
генерал-лейтенант Алексей МИРОШНИКОВ:

**НОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ –
ЗЕЛЁНЫЙ СВЕТ**

4

С ЛЕЙКОЙ И БЛОКНОТОМ
23 УРОКИ ГЕНЕРАЛА ЯКОВЛЕВА

КОЛЛЕГИ
**26 ХОШ КЯЛМИСИНИЗ
НА СТРАНИЦЫ
НАШИХ ИЗДАНИЙ**

РУКОВОДИТЕЛИ ВОЙСК
**28 “ЗАПРЕЩЁННЫЙ”
КОМАНДУЮЩИЙ**

ТЕХНИКА И ОРУЖИЕ
**30 СТАРЫЙ КОНЬ БОРОЗДЫ
НЕ ИСПОРТИТ**

ЖЕНСКИЙ РАЗГОВОР
**34 “МЫ НА ЗЕМЛЕ
ТАК ПО ТЕБЕ СКУЧАЕМ”**

ВЕРА
**36 БЫТЬ С ХРИСТОМ –
ВЕЛИЧАЙШЕЕ БЛАГО!**

ХОДИЛИ МЫ ПОХОДАМИ
**40 “ОМСК” УБИВАЛИ
В БАМУТЕ**

ИСТОРИЯ
**42 ОСОБЫЙ КОНВОЙ
ЗА ТРИ МОРЯ**

КУЛЬТУРА
45 ЗАВЕТНЫЙ ЖИВОЙ ОСТРОВ

ЛИТЕРАТУРА
48 ПОСЛЕДНИЙ ШАГ

**60 “ТЫ ПРИШЁЛ –
И НАСТАЛА ВЕСНА”**

62 САТИРА И ЮМОР

КНИЖНАЯ ПОЛКА
**64 ВО ИМЯ ДОБЛЕСТИ,
ДОБРА И КРАСОТЫ**

**64 КАЗАЧЕСТВО –
ЩИТ ОТЕЧЕСТВА**

Алексей Иванович Мирошников родился 30 марта 1952 года в посёлке Красный Яр Волгоградской области. Окончил Новочеркасское высшее военное командное училище связи и Военную академию связи. Прошёл должности командира радиовзвода, заместителя командира роты связи по политчасти, командира учебной роты, старшего помощника начальника связи и начальника связи дивизии. В 1990-1998 гг. проходил службу в ГУКВВ МВД СССР, ГУКВВ МВД России. В 1998 году назначен на должность начальника войск связи – начальника управления связи и автоматизированного управления войсками ГКВВ МВД России, с 2005 года – начальник управления связи и АУВ ГКВВ МВД России – заместитель начальника главного штаба внутренних войск. Награждён орденом “За военные заслуги”, медалью ордена “За заслуги перед Отечеством” I и II степени (с изображением мечей), медалью “За отвагу”, удостоен почётного звания “Заслуженный работник МВД”.

Начальник управления связи и АУВ ГКВВ МВД России – заместитель начальника главного штаба внутренних войск генерал-лейтенант Алексей МИРОШНИКОВ:

НОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ – ЗЕЛЁНЫЙ СВЕТ

– Товарищ генерал-лейтенант, информационные технологии стремительно идут вперёд. Поспевают ли внутренние войска за ними?

– Мы стараемся идти в ногу со временем и новым технологиям, как говорится, даём зелёный свет. Но, во-первых, не всё нам подходит, а во-вторых, у нас ограниченные финансовые возможности. Поэтому из многообразия выбираем са-

мое необходимое и стараемся прикрыть в первую очередь наиболее уязвимые места.

– Наши части выполняют специфические задачи. В чём отличие системы связи войск правопорядка, скажем, от минобороновской?

– В войсках используются как общевойсковые средства связи, так и радиостанции милицейского парка. Поскольку мы составная часть

Министерства внутренних дел, естественно, нам без них не обойтись. Точно так же, как не обойтись без средств связи военного назначения – наши подразделения выполняют боевые задачи, в том числе в Северо-Кавказском регионе.

В последнее время мы все больше и больше разрабатываем и внедряем собственные образцы техники связи. Три года назад ввели в эксплуатацию и уже получаем по гособо-

ронзаказу новые командно-штабные машины Р-142 НСА на базе КамАЗа. Толкнуло нас на её создание то, что мы не можем получить удовлетворяющую все запросы войск технику от Минобороны. Они нам предлагают свои разработки, в основном на бронебазе, как правило, с избыточным для нас количеством технических средств. При этом цена такой машины в 1,5-2 раза выше по сравнению с нашей.

Принципиальная новизна КШМ Р-142 НСА, которая заменит в войсках старую 142-ю кашэмку, заключается в том, что мы направили её техникой связи пятого поколения – цифровыми радиостанциями комплекса “Акведук”. Кроме того, там установлены другие типы общевойсковых и милицейских средств связи как с открытым, так и с маскированным режимом работы. Есть и оборудование для связи с вертолетами – станции “Айком”. В общем, спецпаратура уже другого класса, нежели в традиционной КШМ Р-142 на базе ГАЗ-66. Да и места для работы оперативного состава гораздо больше: в кунге уже нормально могут разместиться шесть человек, улучшена система жизнеобеспечения, электропитания. В комплекте два агрегата резервного питания (основной и запасной). К тому же КамАЗ обладает хорошей проходимостью.

В 2005 году мы закупили шесть КШМ Р-142 НСА, в прошлом – единнадцать. В этом году планируем поставить на вооружение войск ещё шесть машин. В первую очередь ими укомплектовали подразделения связи ГроУ: восемь машин были отправлены именно туда.

И это не всё. Сейчас заканчиваются госиспытания КШМ Р-145 БМА

на базе “Тигра”. Она обладает теми же возможностями, как КШМ Р-142 НСА. При этом в значительно меньший по габаритам автомобиль нам удалось и кое-что добавить. Так, мы подготовили место и кабельную разводку для установки аппаратуры радиоподвижной правительственной связи. Там есть спецпаратура, которая может работать как со средствами специальной связи тактического звена управления, так и вышестоящего звена, например с ГКВВ. Есть станции оперативной связи типа “Эрика” высокого и низкого диапазонов частот, ноутбук, станция спутниковой связи. Правда, импортная. Отечественные дороже стоят и у них большие габариты. Также планируем поставить систему ВИП – автоматизированную систему приёма и передачи данных, которая сейчас развёртывается в войсках.

– Где будут использоваться “связные тигры”?

– Если КШМ Р-142 НСА предназначена для обеспечения связи в звене округ – дивизия – полк, то 145-я машина пойдёт во все отряды спец-

наза и разведбатальоны внутренних войск. В последующем поступит на вооружение и в батальоны оперативного назначения. То есть в те подразделения, которые работают в непосредственном соприкосновении с противником.

Кроме того, в этом году мы будем модернизировать три командно-штабные машины на базе БТР-60 ПУ, так называемые “чайки”. От старой КШМ останется только корпус. Поставим камазовский движок, поменяем ходовую часть, наполним современным электронным фаршем. В результате получится новая машина. Две из них пойдут в Чечню, третья – в смоленский отряд спецназа.

– На сборе командиров специальных моторизованных воинских частей многие сетовали на отсутствие “городской” командно-штабной машины. Имеющаяся техника, мол, устарела и не позволяет организовывать устойчивую связь в крупных городах. Такие проблемы возникали и при обеспечении правопорядка во время празднований 300-летия Санкт-Петербурга, 1000-летия Казани, а также в период саммита “Большой восьмёрки”. Порадуете ли вы наши “милицейские” части?

– Для городских условий практически уже готова командно-штабная машина на базе “Газели”, которую мы рассматриваем как основное средство управления для специальных моторизованных воинских частей. В этом году, думаю, мы уже получим опытный образец. Может быть, для СМВЧ и “Тигр” подошёл бы, но выкрашенная в привычные бело-синие милицейские цвета “Газель” гармоничнее впишется в городской пейзаж.

– Во время учений приходится бывать на полковых командных пунктах. Сколько же там машин связи!

– Действительно, так оно и есть: радиостанция средней мощности – это машина, КШМ – машина, аппаратная спецсвязи – машина и электропитающая – тоже машина. Получается, что пункт управления – это автопарк машин связи, каждую из которых нужно ещё обслужить, заправить. Плюс ко всему нередко автомобили не доходят в назначенный район: где-то ломаются, застревают, не говоря уж о том, что и КП демаскируют!

Сейчас мы провели конкурс на разработку комплексной аппаратной связи для звена управления полк – бригада. Она тоже на базе КаМАЗа, но помимо средств каналаоборазования, средств спецсвязи установим туда коммутаторы открытой связи, чтобы это был полноценный полевой узел связи в миниатюре. Получится многофункциональная машина с возможностями нескольких нынешних. Это позволит сократить и количество обслуживающего её личного состава, что немаловажно в условиях реформирования войск. На будущий год мы планируем принять такую аппаратуру на вооружение.

– Однажды видел: возвращаясь со спецоперации, связист-спецназвец никак не мог связаться по 159-й радиостанции с базой, находящейся на удалении каких-то 5-7 километров. В профпригодности спецназовца я не сомневаюсь. Техника подвела?

– Комментировать причины отсутствия связи в данном случае не берусь. Но то, что проблема с переносными средствами связи существует – факт. Практически все они устарели.

Вместе с тем мы продолжаем оснащать подразделения станциями пятого поколения Р-168 “Акведук”. Ими будут “вооружаться” снайперы, эти станции поступят в отделения, взводы, роты, батальоны, полки. “Акведук” заменит морально устаревшие Р-105, 159, 107, 171, 111, 130, 173, 123.

– Между тем даже на соревнованиях взводов спецназа и разведвзводов в Новосибирске в прошлом году я практически не видел станций нового поколения...

– Если говорить о том, когда мы полностью перейдём на новый парк, то отмечу – пяти следующих лет нам вряд ли хватит. С одной стороны, у государства нет таких возможностей, чтобы в одночасье заменить устаревший парк радиостанций. Но пять лет – всё же не двадцать пять.

С другой стороны, можно эксплуатировать любую технику так, что через полгода она станет грудой металлолома, а если нормально к ней относиться, прослужит гораздо дольше.

– А какой средний возраст имеющихся радиостанций?

– Практически 50 процентов средств связи на автомобилях работает уже 18-20 лет, в то время как положенный срок их эксплуатации 10-12. По переносным станциям ситуация не лучше: вместо 8 лет они тоже работают лет 10-12. Но что делать? Я уже говорил, что пока нет возможности поменять всё и сразу. Именно поэтому проводим интенсивную работу, направленную на продление сроков эксплуатации, своевременный ремонт техники. Мы должны использовать по максимуму имеющиеся радиостанции, вместе с этим учить людей правильно и бережно их эксплуатировать.

– Что нового в стационарных узлах связи?

– Основное направление развития стационарной системы связи – внедрение цифровых каналов, поскольку необходимо передавать объёмные данные. Если мы раньше арендовали низкоскоростные каналы ТЧ, по которым можно было, грубо говоря, включить либо обычный телефон, либо один аппарат спецсвязи, то сейчас ситуация другая. Во всех округах установлены цифровые станции. Есть такое оборудование даже в некоторых дивизиях, бригадах и полках. Всё это посредством цифровых каналов объединено в единое номерное поле. Трубку снял, набрал номер и попал в необходимый округ, а в скором времени и в полк... Кроме того, по цифровому каналу и видеоконференции пропускаем, и подключаем АТС, и осуществляем передачу данных! В данный момент мы подключаем самарское и кировское соединения.

Насколько я знаю, в Минобороны такого пока ещё нет.

– А враги нас не услышат?

– Секретную информацию из наших линий связи они не получают.

Это на сто процентов! Вообще же создание системы засекреченной или шифрованной связи началось в 1991 году, и сегодня она охватывает все войска. Но мы не топчемся на месте: если телефонные засекреченные каналы сейчас работают пока по старинке – через коммутаторы, то от телеграфных аппаратов, работающих по засекреченным телеграфным каналам, мы уже отказались. Созданы автоматизированные рабочие места телеграфной связи. Раньше для того, чтобы передать телеграмму из Главка в воинскую часть, необходимо было сначала отправить её в округ, оттуда переправить в соединение и только потом в нужную часть. Теперь этого круга нет. Телеграммы автоматически идут непосредственно к адресату. Уменьшается время передачи, трудозатраты.

Активно внедряем новую технику спецсвязи и на наши командно-штабные машины: на них уже стоит аппаратура третьего поколения.

– Буквально за несколько последних лет в Главном командовании был развернут центр управления войсками, в нескольких округах – центры боевого управления. Как они работают?

– Центр управления войсками, центры боевого управления округов – элементы системы автоматизированного управления войсками. Развитие системы АУВ – веление времени. В 2001 году по приказу главнокомандующего мы начали работу по созданию информационно-телекоммуникационной системы внутренних войск. Развернули центр управления войсками в Главкомате, центры боевого управления в Северном-Западном, Московском, Северо-Кавказском округах, а также ЦБУ ОГВ(с) и 46-й ОБрОН. Здесь используются совсем другие принципы передачи данных, хотя тоже посредством защищённых цифровых каналов. Информация идёт по соответствующим протоколам. На “южном” направлении обмен данными осуществляется только в закрытом режиме. В короткое время мы можем получить карту решения, донесение, доклад, любую графическую информацию, видеоматериалы из воинских частей и соединения, подключённых к этой системе.

– То есть главнокомандующий может видеть, что происходит на конкретном объекте?

– Информационно-телекоммуникационная система будет пронизывать все направления служебно-боевой деятельности внутренних войск. В конечном итоге, когда мы полностью реализуем наши задумки, руководство войск сможет при необходимости “дойти” до огневых позиций отделения, взвода, до конкретного караула и даже поста, получить оттуда соответствующую информацию, реагировать на неё, давать целеуказания, распоряжения.

В этом году мы полностью подключим саровское соединение, развернём там ЦБУ, чтобы комдив получал информацию в реальном масштабе времени о состоянии охраны объектов, действиях караулов.

– Такое оборудование будет только в саровской дивизии?

– Нет. В прошлом году разработали, а в этом году заканчиваем государственные испытания так называемых терминалов. Это набор технических средств для частей, в которых входят устройства приёма цифрового канала, коммутации, средства цифрования и т. д. Такие терминалы, по сути, станут центрами боевого управления отдельных батальонов, полков. В этом году планируем оснастить ими отдельные батальоны 46-й ОБрОН.

– Планов – громадье! Но смогут ли наши специалисты работать на такой сложной технике?

– В кадровом обеспечении подвышки тоже есть. Младших специалистов готовим в трёх учебных полках связи: в Кстинино, Саратове и Орле. В дальнейшем орловский полк мы хотим сделать базовым, поскольку в городе есть большой научный потенциал – там располагается академия ФСО, по сути – академия связи. В случае необходимости сможем подключить к обучению наших специалистов, преподавательский состав вуза.

В прошлом году набрали курсантов на первый курс факультета автоматизированных систем управления Пермского военного института внутренних войск. Это решит острую проблему, с которой столкнулись в последнее время: у нас катастрофически не хватает специалистов, которые могут настроить аппаратуру, найти и устранить неисправность. Сейчас мы вынуждены заключать договоры с коммерческими структурами на обслуживание техники. Худо-бедно работать на ней люди научили, а вот если сбой программы или какие-нибудь другие неполадки – знаний у наших специалистов не хватает. Учитывая это, я запретил делать ремонт сложной аппаратуры своими силами. Лучше её отдать специалистам с высокой квалификацией, чем потом из-за какого-нибудь горе-мастера покупать новую.

– Где будут проходить службы выпускники факультета?

– В ближайшее время на базе ИВЦ и отделов АУВ округов будут созданы окружные центры АСУ. Задачей новой структуры станет обслуживание всех технических средств АСУ, локальных сетей, ЦБУ округов. Именно туда и пойдут выпускники факультета. Ну и конечно же, некоторых из них направят в главный центр АСУ в Москву.

– Два года назад все ГРОУ инспектировала межведомственная рабочая группа во главе с начальником главного штаба внутренних войск. Много недостатков было выявлено в организации взаимодействия подразделений, входящих в их состав...

– Создание единой системы управления и связи – очень трудоёмкий процесс, ведь в состав ГРОУ входят подразделения всех силовых структур. Примерная стоимость такой системы связи, по нашей оценке – 1,4 миллиарда рублей. Мы под-

готовили письмо в Правительство Российской Федерации с обоснованиями этой суммы. Пока ни копейки не выделено. Но жить надо. Поэтому изыскиваем возможности обеспечить группы всем необходимым за счёт текущего финансирования войск.

Для того чтобы обеспечить начальника ГРОУ закрытой связью, решили закупать специальные сотовые телефоны М-539. Они сертифицированы, имеют встроенный маскриптор. Единственный их недостаток – телефоны работают в сети только одного оператора сотовой связи. Но М-539 нас здорово выручает, ведь напрямую с места проведения спецмероприятия можно позвонить в кабинет главкома или министра. Эти аппараты нам очень помогли во время событий в Беслане и Нальчике...

Всем руководителям подразделений, входящих в состав ГРОУ, выдали 539-е телефоны, а также средства оперативной связи “Эрика”. Проводятся организационные мероприятия, разработаны единые радиодисеты, производится обмен радиоданными, позывными между частями и подразделениями внутренних войск, Минобороны и других силовых ведомств, имеющих однотипные радиосредства.

– Из множества задач, стоящих перед управлением связи и АУВ, перед всеми войсковыми связистами, какую бы вы все-таки выделили как основную?

– Задача такая: не ломая той системы, что есть, не сбрасывая со счетов возможности старой техники, повсеместно внедрять современные технологии. То есть параллельно переходить на новый парк средств связи, новые способы её организации и обеспечения. Ещё раз повторюсь: действительность такова, что мы не можем взять и поменять всё сразу. Так что будем беречь, что имеем!

Пользуясь предоставленной возможностью, со страниц нашего войскового журнала поздравляю всех воинов-связистов, специалистов АСУ, ветеранов войск связи с профессиональным праздником – Днём радио. Удачи и крепкого здоровья!

★
Беседовал
майор Вадим ВИННИК
Фото автора и
Владимира НИКОЛАЙЧУКА

УЧЁБА ДЛЯ АРТИЛЛЕРИСТА – КАК ПОРОХ ДЛЯ СНАРЯДА

Едва прозвучала команда “К бою!”, расчёт “зушки” бросился на землю и, активно работая локтями и коленями, ползком устремился к своей “мухобойке”. Старший лейтенант, следивший одновременно и за действиями солдат, и за стрелкой зажатого в руке секундомера, перехватил мой вопросительно-удивлённый взгляд:

– А что, в реальном бою, может, и таким способом придётся добираться до позиций.

Железная логика, не поспоришь! Зрелище было занятным, но, чтобы не комкать учебный процесс и надолго не отвлекать офицера, сразу задал интересующий меня вопрос:

– Где можно найти комбата “два”?

– Капитана Вязьмитина? Вот там, – офицер махнул рукой в сторону небольшого кургана со срезанной вершиной, – он со взводом управления занятие проводит. – И, глянув на стрелку, пересекающую какой-то установленный временной рубеж, вновь обернулся к деловито снующим вокруг установки бойцам: – Не уложились. Плохо. На исходную...

Из всех офицеров артиллерийско-зенитного дивизиона отдельной бригады оперативного назначения Приволжского округа внутренних

■ Выпускник Коломенского артиллерийского института даже понятия не имел, что существуют на белом свете внутренние войска. Не говоря уже о том, что у них есть своя артиллерия!

войск командир второй минометной батареи капитан Денис Вязьмитин заинтересовал меня не случайно: в прошлом году именно он стал победителем войсковых состязаний полевой выучке. В них наряду с офицерами-артиллеристами войск правопорядка участвовали их коллеги из Министерства обороны. Поэтому и не терпелось узнать: какой он, “лучший из лучших”?

НЕ ДАТЬ МОЗГАМ ПОКРЫТЬСЯ ПЛЕСЕНЬЮ

Уже в первые минуты нашего общения выяснилась интересная деталь: оказывается, три года назад выпускник Коломенского артиллерийского института даже понятия не имел, что существуют на белом свете внутренние войска. Не говоря

уже о том, что у них есть своя артиллерия!

– Нет, правда, даже не догадывался, что в МВД есть войска. – Денис немного смущённо улыбнулся. – Поэтому нескладно удивился, когда получил распределение именно сюда. А вообще хотелось пойти по стопам отца, стать десанником. Но, как на зло, в 1999 году, когда я закончил Ульяновское суворовское училище, Рязанский инс-

альной части...Честно говоря, больше нажимали на освоение других артсистем, более мощных. Сто двадцатимиллиметровый миномет изучали, можно сказать, в ознакомительном порядке. Так что досконально узнал его уже здесь. Благо всевозможной справочной литературы в дивизионе хватает.

Кстати говоря, офицер-артиллерист учится постоянно. В нашей профессии всё завязано на матема-

тику. Если в школе с ней не дружил, то в артиллеристы лучше не соваться. А уж если стал им, то тренируй мозги ежедневно, чтобы они не покрылись плесенью. Учёба для артиллериста – как порох для снаряда. Знаете с чего начинается у нас в дивизионе день? С получасовой летучки по решению огневых задач.

Причём офицеры решают их на время. С обязательным выставлением оценки каждому и последующим коллективным разбором всех ошибок. Плюс к этому еженедельно по четвергам проводится день артиллерийской стрельбы, когда к теоретическому решению огневых задач добавляется ещё и проверка умения каждого работать с артиллерийскими приборами. Да Главкомат ежемесячно конкурсные задачки подкидывает, их тоже решить надо и ответить к определённому сроку выслать. Так что регулярная тренировка мозгов – главное для артиллериста.

– На прошлогодних состязаниях победил благодаря таким вот постоянным “упражнениям для мозгов”? – спрашиваю я комбата.

— Нет, там немножко иное. В других же частях тоже все это проводится. Так что уровень подготовки соревнующихся, вышедших в финал конкурса, был примерно равный. Когда сдавали зачёты по огневой, тактической, специальной, физической подготовке, выполняли нормативы по развёртыванию артиллерийских приборов и работе с ними, лидера сложно было определить. Многие, что называется, шли ноздря в ноздю.

А вот на завершающем этапе, когда дело дошло до практического выполнения огневых задач, у большинства от напряжения сдали нервы. И ребята начали сыпаться на мелочах. У нас ведь в артиллерии как: чуть внимание ослабил, не сконцентрировался, посмотрел не на ту цифру в таблице — и всё, конечный результат вычислений уже неправильный, вся стрельба насмарку. Так что победа, по большому счёту, зависела просто от умения сосредоточиться в нужный момент...

Вот, оказывается, как все просто: ежедневные напряжённые трени-

Ведь в артиллерии как: чуть внимание ослабил, не сконцентрировался, посмотрел не на ту цифру в таблице — и всё, конечный результат вычислений уже неправильный, вся стрельба насмарку. Так что победа, по большому счёту, зависела просто от умения сосредоточиться в нужный момент...

ровки и способность собраться в нужный момент. И успех вам обеспечен! Кто ещё не знал об этом — рекомендуется попробовать.

ЧЕМУ НАУЧИМ, ТО И ПОЛУЧИМ!

Кроме постоянной работы над повышением личного профессионального мастерства, любому офицеру-артиллеристу приходится уделять массу времени и прилагать немалые усилия к обучению подчинённых. А уж комбату в особенности. Оно и понятно: артиллерийская система — оружие коллективного пользования, где от действия каждого номера расчёта зависит успех

всего подразделения. Это тоже прописные истины.

— Когда выполняли задачи на Северном Кавказе (как только речь зашла о подчинённых Вязьмитина, а не о нем лично, капитан заметен оживился. — Авт.), при формировании подразделений, убывающих для проведения плановой замены сослуживцев, приходилось дополнять их солдатами и сержантами из других взводов и расчётов. Так получилось: кто-то из своих боецов, кого-то по рекомендации психологов не брали, у кого-то время отпуска подошло.

Но, как ни странно, такое "перемешивание" личного состава пошло на пользу делу. Это очень сплотило людей: вместе порошу понохали, притёрлись друг к другу. Да плюс к этому освоили дополнительные воинские специальности. Причём учили сами своих товарищей, без лишнего понукания со стороны офицеров, прекрасно понимая: грянет бой — учиться некогда будет. Так что сейчас у нас в дивизионе процентов восемьдесят бойцов способны сработать за товарища, если тот по какой-то причине выпадет из обоймы.

Вообще солдата или сержанта можно научить всему, что требуется.

командир отмечает, какой расчёт был лучшим, а какой отстал, проводит детальный разбор, в чем недоработка тех, кто не справился с нормативом, что и кому из номеров расчета надо сделать, чтобы в следующий раз выглядеть не хуже остальных.

Отстающих в учёбе не наказывают. Офицеры и сержанты стараются понять, почему у солдата что-то не получается, побуждают его исправиться, подтянуться до уровня остальных. А то ведь как бывает: раз отругал бойца, два, и солдат сам себя запишет в "вечно плохих", махнет на всё рукой. Тогда с ним во много раз сложнее работать будет.

— Кроме того, бойцы должны знать, что их будущее, в том числе и материальное обеспечение, тоже зависит от отношения к занятиям, — продолжает капитан.

— А это как?

— Очень просто. Последние полтора-два года в часть стали приходить письма из мест, откуда призывались и куда после службы возвращаются солдаты. Особенно часто пишут из Татарстана, Чувашии, Оренбургской области. Начальники РОВД, командиры частей, что дислоцированы поблизости, даже директора некоторых предприятий запросы шлют: дайте характеристику вашему бывшему военнослужащему. Такие письма зачитываем перед строем с последующим разъяснением: хотите нормально устроиться на гражданке, получить достойную работу с приличной зарплатой — служите, как положено. Действует безотказно.

С теми бойцами, кто решил остаться на контракт в родном дивизионе, ещё проще. Сейчас поставлена задача на укомплектование контрактниками сержантских должностей. Перспектива для рядовых весьма заманчивая: дополнительная тысяча рублей к зарплате, более высокий статус. Во второй баталье уже сейчас половина сержантов служит по контракту. Все они его продлили. Но никаких особых секретов работы с ними у Вязьмитина нет.

— Я не разделяю сержантов на контрактников и тех, кто служит по призыву. Все они младшие командиры. И отношение к ним ко всем, как ко взрослым, сформировавшимся людям, к тому же своим ближайшим помощникам. Я не стесняюсь обращаться по имени-отчеству

к своим сержантам — и срочникам, и контрактникам.

Особенно когда надо отметить сержанта в лучшую сторону. Тем более если это делается на виду у подчинённых. Чтобы задумались кому надо: ага, к этому замкомвзводу комбат обращается "Олег Константинович" и за руку здоровается, а ко мне "товарищ сержант" и ближе, чем на три шага, не подпускает. Давай-ка и я свой взвод или расчёт до отличного подтяну, чтобы тоже быть не просто сержантом, а, скажем, Николаем Петровичем.

Бойцы, кстати, тоже мгновенно "секут", как к их сержанту комбат обратился. Они это отношение и на себя, на всё своё подразделение проецируют, мгновенно оценивая, в лидерах или проштрафившихся

теории подчинённых всегда найдется достаточно, надо только умело ими пользоваться, работать с бойцами.

Справедливость этих слов комбата подтверждали артиллерийский городок и учебный центр бригады, напоминая в тот день разворощённый муравейник. Минюметчики в который уже раз отработывали норматив по переводу своего вооружения из походного положения в боевое. Расчёты зенитных установок, не желая уступать сослуживцам в мастерстве, без устали "крутили карусель", оттачивая навыки в наведении своих "зущек" на различные цели. Бойцы из взвода управления вместе с офицерами колдовали над картой и у разворнутых приборов, проверяя по-

сегодня оказались. Ну и авторитет сержанта среди них соответственный.

А вот спрос с младших командиров уже дифференцированный: с контрактника, как с профессионала, — по полной программе, а со вчерашнего выпускника учебки... Того больше учить и контролировать надо. За его первые огрехи тот же замкомвзвода-контрактник в ответе: почему не помог, не подсказал вовремя?

Так что стимулов у каждого грамотного командира для любой ка-

лученные при решении огневой задачи вычисления. Непрерывно звучали команды и целеуказания, подхватываемые и передаваемые зычными голосами командиров расчётов. Полным ходом шла боевая учёба.

И, повинувшись людям, отзвываясь на каждое их действие, безжизненное "железо" становилось грозным оружием...

★
**Старший лейтенант
Анатолий КЛЮЧЕНКО**
Фото Николая ПЕТЕЛИНА

НОЖАЙ-ЮРТ: ТЕРРИТОРИЯ ДОВЕРИЯ

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

— Он вообще красавчик!
— Да-а, молодец, в разведку с нами ходит!

Разведчики, рассказывая о комманданте Ножай-Юртовского района, всё больше оживляются.

— Снега по колено или грязи по уши, он всегда с нами в горах...

— Помню, восемь километров до места шли и восемь обратно. Устали все. А он идет, как новенький, и подбадривает: «Держитесь, братцы... Ничего, немного осталось».

— У него как будто второе дыхание открывается. А если видит, падает пацан — нет сил, фляжку с чаем предложит: «Хлебни, братишка».

...В тот вечер в кабинете комманданта свет горел допоздна — полковник Старостин* планировал спецмероприятие. Хлопотливая у него должность. В Ножай-Юртовском районе на постоянной основе дислоцированы батальон 46-й бригады,

отдел внутренних дел, роты Минобороны и внутренних войск, укомплектованные военнослужащими из местных жителей, в пункте временной дислокации выполняет задачи ОМОН. Коммандант координирует действия всех этих подразделений.

Попыталась найти офицера утом, да где там, до первых петухов уехал с разведкой. Коротая время в ожидании комманданта, разглядывала плакаты в коридоре штаба. «Кто не бережёт солдата, тот не достоин чести им командовать» — Михаил Драгомиров. «Нет выше чести, чем носить русский мундир» — Михаил Кутузов.

Полковник Старостин возвращается к полудню. Дел по горло, но время для беседы всё же выкраивает.

— За последние несколько лет оперативная обстановка в Чечне улучшилась. — Он смотрит прямо в глаза. Взгляд вдумчивый, цепкий. — Стало спокойнее. Да, есть боевики, есть пособники, но количество их уменьшается. У нас в районе практически ежедневно проводятся оперативно-розыскные мероприятия.

В кабинет входит офицер.

— Товарищ полковник, разрешите доложить. Сапёры к выезду готовы.

— Чай пока пейте, — кивает мне коммандант. — А я ребят своих провожу.

Он выходит быстрым, легким шагом. Машинально оборачиваясь, провожая его взглядом. Настоящий полковник! Ловлю себя на мысли: с 2004 года (тогда познакомился с ним в коммандатуре Ачхой-Мартановского района) внешне офицер не изменился. Та же поджарая фигура, та же деловая манера говорить по существу, не растекаясь мыслью по древу. В строгости его черт, в целом, как монолит, облик — уверенность командира, знающего не только «что», но и «как» делать.

...2004 год. В Чечне постоянные спецоперации по поиску и ликвидации бандгрупп. Только отлаживается взаимодействие с местной силовой структурой, аббревиатура которой у многих вызывает чувство агрессивности и откровенного недоверия —

СБ. Не секрет, служба безопасности президента Чечни сформирована из амнистированных боевиков. Теперь в одной связке с военными должны идти люди, образ которых долгое время ассоциировался с понятием «враг». Чеченская драма разыгрывается по чрезвычайно щекотливому сценарию. Всем её действующим лицам требуется преодолеть психологический барьер. Сложное время собирать камни.

В столь деликатной ситуации мудрый ведал — ненависть порождает только ненависть, недаром местная поговорка гласит: «Если человек кинул в тебя камень, дай ему хлеба». Прозорливый предвидел: выбранный государством курс — единственный верный для прекращения кровопролития в Чечне. Иначе разговор продолжат пушки.

В феврале 2004-го в Ачхой-Мартановском районе проводится первое совместное мероприятие военнослужащих внутренних войск, сотрудников ОВД и службы безопасности президента. Тактика действий, при которой военные блокируют посёлок, а сотрудники СБ работают непосредственно «в адресах», оправдала себя. После спецоперации полковник Старостин сказал: «Даже один изъятый ими автомат, который не будет стрелять в нашу сторону, — это уже хорошо». Тогда он проявил себя зрелым руководителем. Объединить усилия военных и бывших боевиков для достижения единой цели — сверхсложная по тем временам задача. Решить её мог офицер, за многие годы службы овладевший не только военным искусством, но обладающий дальновидностью политика и гибкостью дипломата. Коммандант не просто справился — завоевал репутацию человека, которому можно доверять. На Кавказе это дорогого стоит.

Чечня невелика, все люди здесь на виду. В любом районе молва о новом назначении идёт впереди него. Было так и в 2005-м, когда полковник Старостин принимал должность в Ножай-Юрте.

...Проводив на выезд сапёров, коммандант возвращается, и мы продолжим разговор.

— В горах почти все друг друга знают. Горцы — открытый народ. Идешь к ним с чистой совестью — всегда тебя примут. Но если один раз поступил нечестно, к тебе отнесутся будут соответственно. — Он наливал чай. — Понимаете, люди здесь

требовательнее и жестче, чем на равнине. Жить тяжело — климат суровый, хлеб трудно достается. Я не первый год в горах служу. В 2001-м наша часть стояла в Гилянах. Мы никогда не обижали местное население, не проводили «диких» зачисток. Ни одного выстрела не было в сторону посёлка. Люди помнят это. Если всё де-

ит крепко сложенный человек в камуфляже. Улыбается. — Как дела ваши, как здоровье?

— Добрый день. — Коммандант крепко жмёт руку вошедшему. — Хорошо всё. Вот познакомьтесь, — обращается уже ко мне. — Офицер Минобороны, командир пятой роты второго полка спецназа имени Ах-

На КПП коммандатуры

лать правильно, в коммандатуру придёт местный житель и скажет: «На вас поставили фугас». Потому что фугас — это беспредель, а он здесь никому не нужен...

Боевого опыта полковнику Старостину не занимать. Он практик. Все тяготы солдатские испытывавший. Потому и тянутся к нему люди (как к любой сильной личности) и доверяют его слову. На боевых выездах полковник всегда рядом с солдатом. Но ведь не входит это в его должностные обязанности. Тогда почему? Ответ прозвучал неожиданно:

— Поймите, в горах нельзя ставить задачу по карте: сильно пересекаемая местность. По бумаге расстояние пять километров, а реально проходишь пятнадцать. На карте вижу лысый бутор, а на самом деле он кустарником порос. Разницу ощущаете? В среднегорье есть вообще непроходимые участки. А командир, чтобы людей сохранить, должен знать местность. Мой командный пункт в боевых порядках, всегда есть связь с другими группами и артиллерией.

Дверь в кабинет открывается. — Здравствуйте. — На пороге сто-

мада Кадырова.

Полковник приглашает гостя чаёвничать.

— Рамзан, корреспондент интересуется, как у нас в районе взаимодействия отлажено...

— Я так скажу. — Рамзан посерьёзней. — Если коммандант позвонит в три часа ночи, мои люди будут готовы к выезду. Сначала мы приедем, а потом спросим: «Куда пойдём?». Я вместе с ним в лес на спецоперации ходил, поэтому уважаю его. В Чечне нужно работать совместно. Боевики сегодня здесь, а завтра в другом месте. Не будет его разведчиков, мои люди его людей прикроют.

— У него народ стреляный, битый, — подключается коммандант. — Тактику бандитов и местность знают, в боях не раз участвовали. Все вопросы по проведению спецмероприятий мы решаем вместе. К примеру, планирую я операцию и говорю ему: «Хочу сделать так-то». Если не прав, он поправляет: «Нет, здесь не пройти, обрыв. Давай по этой тропе». Нам друг от друга нечего таить. Скажу больше, с чеченскими подразделениями работать легко. Люди наводят порядок у себя дома. Работают с го-

* Фамилия комманданта изменена

рящими глазами, им не нужен толкач!

– Верно, – подтверждает ротный. – Но стабильность в районе во многом зависит от слаженных действий всех силовых структур. У нас это получается. Попробуйте сейчас главе районной администрации сказать: “Выводим заставы из Гордали и Беноя”. Он будет против, потому что все мы заодно – очистить район от боевиков.

У бандгрупп, что окопались на юго-востоке Чечни, не было ещё такой тяжелой зимовки. При проведении совместных спецопераций им перекрыли кислород – найдена и уничтожена база, в схроне обнаружено четыре тонны (!) продуктов. Если раньше бандиты укрывали раненых в посёлках, сейчас путь им туда заказан. Жители-горцы всё больше идут на контакт с военными.

Кроме подразделения Минобороны, укомплектованного местными жителями, с 2006 года в Ножай-Юртовском районе дислоцируется шестая рота чеченского батальона “Юг” внутренних войск. Возглавляет её лейтенант Ваха Хункарбиев. Курирует подразделение комендатура.

ШЕСТАЯ РОТА

В расположении шестой роты встречает заместитель командира

– “Первый”, я “Центральный”, приём

подразделения по работе с личным составом лейтенант Бачаев.

– Паша, – представляется офицер и, отвечая на мой удивлённый взгляд, добавляет: – Верно, не чеченское имя. Но все зовут меня Пашей. Так проще.

На занятиях по общественно-государственной подготовке

...В августе 2006 года на территории 46-й бригады проводился строевой смотр личного состава формируемых батальонов “Юг” и “Север”. По результатам смотра лучшей стала шестая рота. Немалая заслуга в том “замполита”. Он привык быть первым. До прихода в войска Бачаев возглавлял подразделение антитеррористического центра в Грозном. В прошлом году рота заняла первое место по результатам служебно-боевой деятельности и дисциплине.

2000-й оказался поворотным в судьбе Бачаева. После амнистии он стал сотрудником службы безопасности президента. Потом – ОМОН и антитеррористический центр (АТЦ). Половина военнослужащих подразделения прошли этот путь. Они взрослые люди, под сорок лет. Другая половина – молодые призванники, многим из них война не позволила даже доучиться в школе. Офицеры комендатуры помогли военнослужащим получить среднее образование. Они договорились с преподавателями, и парни окончили вечернюю школу. Но и это не всё. Четыре контрактника поступили на заочное отделение юридического факультета Чеченского государственного университета. В республике налаживается жизнь без войны. Люди увереннее смотрят в завтрашний день, мыслят на перспективу. Они искренне верят, что в Чечне наступит долгожданный мир. Тогда мож-

но будет сняты погоны и уйти на гражданку. Но сейчас служить по контракту в шестой роте мечтают все мальчишки Ножай-Юртовского района.

– Нам звонят родители и просят взять детей на службу, – рассказывает Паша Бачаев. – Знают, у нас железная дисциплина.

Солдаты по призыву, ставшие контрактниками, пришли в подразделение не желторотыми юнцами. Многие из них боевое крещение прошли в антитеррористическом центре. Они выдержали жесткие схватки с врагом. За полгода в боестолкновениях с бандитами только рота, которой в АТЦ командовал Бачаев, потеряла 76 человек. Там, где ежедневно бойцы идут след в след за боевиками, дисциплина должна быть спартанской.

Теперь оперативная обстановка в Чечне изменилась. В шестой роте одна санитарная потеря. При проведении спецоперации в Веденском районе около Тезен-Калы рядовой Идрис Сайгатов наступил на мину нажимного действия. До сих пор в подразделении вспоминают, как эвакуировали солдата. Погода выдалась скверная, снег вперемежку с дождем, слюкоть. Но на каждом контрольно-пропускном пункте выделяли бронегруппу для сопровождения раненого – до самой Ханкалы. Военным бортом солдата перевезли в госпиталь Ростова-на-Дону, а потом в

Москву. Сегодня он учится ходить за ногу – на протезе.

– Тогда я убедился: войска моих людей в беде не бросят, – говорит “замполит”.

Кто бы поверил, что этот лейтенант, серьёзно сказавший мне: “Я – чеченский солдат, разве это не одно и то же, что солдат российский” – бывший радужевский бригадный генерал...

Вспомнились слова полковника Старостина: “Разговора о недоверии между нами быть не может. Когда я ставлю задачу на выезд, задают один вопрос: “Солярки много заливать?” На спецоперации в горы ходят две группы разведчиков и две группы чеченской роты.

Работают чеченцы и самостоятельно. Мобильные группы уходят в разведку и на день, и на три недели. Каждый боец тащит на себе 70 килограмм груза. Идут медленно, на месте тщательно маскируются. Они знакомы с тактикой боевиков, поэтому настороже. Стелется тропинка вдоль откоса – жди мину. Трухлявый пенёк на пути – удобное место для маскировки заряда...

Взводных, лейтенанта Усмана Оцаева и Алхазура Юсупова, представил Паша Бачаев. Пока “замполит” обсуждал вопросы предстоящей спецоперации с офицером шестой роты Минобороны, беседуем с Усманом. Он хоть по образованию и учитель младших классов, но в совершенстве овладел другой наукой...

– Осенью прошла информация, что в районе Дарго находится база боевиков, – рассказывает он. – Там труднопроходимые места, поэтому

мы выехали проводниками веденских разведчиков. Между скалами всегда сложно идти: проходы узкие, а сверху можно группу гранатами закидать. А мы знаем старые тропы. Есть скрытые от постороннего глаза дорожки вдоль обрывов. С высоток обстрелять невозможно. По этим самым безопасным тропам и ведём разведчиков. Шли мы на юг по ущелью километров восемь, потом по руслу реки Аксай и метров 150 наверх по склону. Места красивые! Букочный лес, деревьям лет по двести. В первую войну там точно никого не было. Базу нашли: баня, обшитая досками, железные печки, посуды полно, как в столовой. Много медикаментов и продуктов, только мяса сушёного килограмм 30. Года три эта перевалочная база простояла. Осмотрелись мы и увидели свежие дрова: недавно ушли боевики. Потом артиллерия эту базу уничтожила.

– Местные мы, – продолжает другой взводный, лейтенант Алхазур Юсупов. – Знаем каждый куст, каждый камень на пути. Нас можно забросить в любую точку Чечни без оружия и боеприпасов. Задачу выполним и вернёмся. Первая чеченская кампания научила нас воевать. Сейчас мы офицеры внутренних войск, а значит, должны уметь правильно, по уставу проводить теоретические занятия с личным составом. Но этому нас никто не учил. Пришлось садиться за парту. – Алхазур берёт в руки сборник учебно-методических материалов “Войсковой вестник”. – Читаем это издание, много нового узнаём, хорошо помогает. Спасибо вашей редакции. Паша все занятия

контролирует. Офицеры комендатуры приезжают, работают с нами. Знаете, мне учёба не в тягость. До 94-го я учился в Питере на юридическом факультете. Следовательно хотел стать. На четвёртый курс перешёл – война началась. Уехал в Чечню и ушёл воевать в лес. Так и не закончил обучение.

Как сложилась бы жизнь этих людей, не будь войны?.. История не знает сослагательного наклонения. Сегодня они – военнослужащие внутренних войск. И у них огромное желание сделать жизнь в республике мирной и счастливой. В 2000 году в Ножай-Юртовском районе восстановили и запустили единственный тогда в Чечне асфальтовый завод. В мае прошлого года на международной выставке в Москве ножай-юртовская минеральная вода “Чхоран Хи” завоевала золотую медаль. Цех по розливу воды в Беной-Ведено выпускает 500 бутылок в час. В районе верят, что будет восстановлен райпищекомбинат, где когда-то по фирменной рецептуре готовили знаменитое ореховое варенье. С восстановлением всех этих предприятий появится возможность трудоустроить людей, которым давно опостылела война.

– Мечтаю, чтобы мой сын никогда не заряжал оружие боевыми патронами, – говорит Алхазур. – Вот моя истина.

Я верю в непреложность этой истины. Я верю, что зарастут в Чечне тропы войны. И подчинённые командира шестой роты лейтенанта Вахи Хункарбиева будут выходить в горы лишь на тактические занятия.

А “БЭТР” БЫЛ ОСТАВЛЕН НА ДЕСЕРТ

Звонящую тишину бескрайнего русского поля нарушил приглушённый гул дизельных моторов. С хрустом ломая скошенными лобовыми броневыми листами прочный наст и проваливаясь ребристыми колёсами в нетронутый полигонный снег, ползли три бронетранспортёра...

В Приволжском округе внутренних войск шёл пятый день сбора наводчиков пулемётов БТР.

Завершены теоретические занятия по мерам безопасности, проверка знаний материальной части вооружения. Выверены прицелы, проверен бой пулемётов башенных установок. Совершён многокилометровый марш на полигон Московского военного округа. Здесь можно выполнять учебные стрельбы из вооружения БТР без каких-либо ограничений и условностей.

Теперь всё зависело от слаженных действий и взаимопонимания экипажей боевых машин.

Первая короткая басовитая очередь крупнокалиберного пулемёта вспоролла воздух. Забелённый лист фанеры вздрогнул от мощного, сокрушительного удара тяжёлой

пули, окутавшись серебристым облаком потревоженной изморози.

— Попадание! Ещё! И ещё! Отлично! — Руководитель занятия заполняет графы оценочной ведомости. Повернувшись к замершим в строю бойцам в чёрных ребристых шлемах, отрывисто бросает: — Загрузить боеприпасы, — и запускает секундомер.

С места срываются очередные три экипажа. Быстрее! Ещё быстрее! Надо уложиться в норматив: занять места в боевой машине, отрегулировать “под себя” сиденье и налобник прицела, установить связь с руководителем стрельбы, доложить о готовности. Успели! Но тут же, без какой-либо паузы звучит: “К бою!”.

Рядовой контрактной службы

Сергей Сорокин действует уверенно: с виду неторопливыми, но отлаженными движениями укладывает набитые патронами стальные ленты в патронприёмники. ПКТ заряжен быстро. С КПВТ приходится поводить. Соскользнув с сиденья, Сергей двумя руками цепко хватая ручку стального троса и с силой рвёт её вниз. Щелчок затвора возвещает о том, что крупнокалиберный пулемёт заглотил первый патрон. Оружие заряжено!

А водитель уже ведёт бронетранспортер к рубежу открытия огня, стараясь делать это как можно плавнее для облегчения работы наводчика.

Поднялись мишени. Огоны! На стальной пол БТРа горохом посы-

пались горячие гильзы. Кисло пахнуло порохом. Прильнув к окуляру прицела, Сергей откинул рукоятку башенного стопора. Подкручивая легко вращающиеся рукоятки механизма наведения, большим пальцем нажал кнопку электростарта. На какое-то мгновение ростовые мишени расплылись в сетке прицела. Пытаясь восстановить зрение, солдат с силой зажмурился. И тут же в мозгу невольно всплыла картинка из не такого уж далёкого прошлого...

— Сорокин, готовься, идём на Джалку, будем прикрывать сапёров. — В голосе командира взвода, недавно прибывшего в Чечню, чувствовалось волнение. А он почти равнодушно пожал плечами: обычно их экипаж сопровождал инженерно-разведывательный дозор на другом маршруте. Но здесь любая дорога не подарок. На Джалку так на Джалку.

Ранним утром выстроились в боевой порядок, пошли. Начали работать. Через пару часов напряжённого изучения зелёнки через прицел у него появилась резь в глазах. Ага, остановка. Кажется, сейчас будет и ему работа — сапёры обнаружили свежевскопанную землю. Старший дозора решил прочесть подозрительное место пулемётными очередями. Машина была отведена на безопасную дистанцию, и он начал наводить оружие на цель.

Первая же очередь из КПВТ взрыла податливый грунт. В прицеле отчётливо видно, что тяжёлые

новился.

— Эй, в башне! — пробрился через броню злобный крик взводного. — Ты что, ослеп там? Сиди спокойно! Сейчас я тебя наведу!

Башня помимо его воли пришла в движение. Как в кино, в окуляре прицела замелькали вспышки бандитских выстрелов. Стремительный калейдоскоп картинок резко остановился. Он увидел здорового бородастого детину, в чёрном джинсовом костюме, с зелёной повязкой на голове, с пулеметом Калашникова в руках. Господи, как близко-то!

— Видишь? — донеслось снаружи. — Да! Спрыгивайте с брони!

Поймав бородачу в перекрестье, он утопил кнопку электростарта...

...Ростовая мишень, прошитая несколькими пулями, плавно опустилась в глубокий сугроб. Сорокин повернул башню, загнал в сетку прицела оставшуюся “группу пехоты” и длинной очередью расправился с ней. “Бронетранспортёр” оставил на десерт, всадив в него четыре пули из предоставленных шести патронов. После чего, сбив шлемофон на затылок, со вздохом облегчения откинулся на спинку сиденья. Всё!

Руководитель стрельб, наблюдавший за выполнением упражнения с операторской вышки, принял доклад, отыскал в ведомости фамилию наводчика и вывел напротив неё жирную пятёрку.

— Рядовой Сорокин. Хороший парень. И наводчиком классным стал. А вот, помню, когда я ещё был у него командиром взвода, пошли мы как-то на Джалку...

**Подполковник
Николай ПЕТЕЛИН**

Стремительное и качественное обновление российского общества объективно требует развития и совершенствования правоохранительной системы государства, важной составляющей которой являются внутренние войска МВД России. В свою очередь, реализация мероприятий их дальнейшего строительства невозможна без серьёзного научного подхода к решению разнообразных и многоплановых задач, возложенных на войска правопорядка, накопления ими собственного высокого научного потенциала.

С какими проблемами сталкивается военно-научный комплекс внутренних войска? Насколько эффективно происходит внедрение научных разработок в повседневную жизнедеятельность соединений и воинских частей, в учебный процесс войсковых вузов? Служат ли они действенным подспорьем командирам и органам военного управления различных уровней? По какому пути должно развиваться научное обеспечение деятельности внутренних войска?

Ответы на эти и другие вопросы старались найти руководители войсковых научных подразделений во время сбора в Главном командовании внутренних войска.

Ядром военно-научного комплекса и головным научно-исследовательским учреждением внутренних войска является Центр оперативнотактических исследований (ЦОТИ) при ГКВВ МВД России. Именно на него возложено планирование, организация и руководство научным обеспечением строительства, развития, подготовки и применения войска, создание научной продукции и материалов прикладного характера по проблемам совершенствования их служебно-боевой деятельности.

Если рассматривать абсолютные показатели деятельности Центра за три с половиной года его работы, то эти цифры выглядят весьма внушительно. Достижения у коллектива есть, и весьма солидные. Но в своих выступлениях многие из участников сбора, и в первую очередь заместитель главнокомандующего по военно-научной работе генерал-полковник Валерий Баранов, справедливо отмечали, что тематика прикладных исследований и научных работ, выполненных в ЦОТИ, в ряде случаев имела чисто теоретическую направленность и мало отвечала насущ-

ВОЙСКА ИДУТ ВПЕРЁД. А ВОЕННАЯ НАУКА?

ным потребностям войска. А между тем серьёзного научного подхода к своему решению требуют как нынешние, так и перспективные проблемы повседневной жизнедеятельности войска правопорядка.

Сегодня явно недостает научных разработок, касающихся правовых основ деятельности различных воинских частей внутренних войска. Мало исследований по тактике действий войсковых подразделений в ходе проведения специальных операций и спецмероприятий. Практический опыт в войсках накоплен колоссальный. Но масштабы и темпы его изучения и обобщения, внедрения того лучшего, что удаётся найти при этом, никак нельзя признать удовлетворительными!

Вообще не проводятся научные изыскания в организации службы воинских частей по охране важных государственных объектов в новых условиях, характеризующихся, в том числе, и повышенной вероятностью проведения террористических ак-

тов. Министерства и ведомства, чьи объекты охраняют войска, не торопятся заказывать такие исследования, судя по всему, их устраивает наличие на периметре наших военнослужащих. Научного обеспечения этого вида деятельности внутренних войска нет. Почему-то не проявляют активности в этом вопросе войсковые научные подразделения, они не спешат вооружить командиров и органы управления серьёзными знаниями и обоснованными рекомендациями по этому вопросу.

Без должного внимания представителей военной науки до сих пор остается практически весь спектр вставших перед войсками проблем, связанных с сокращением срока службы по призыву и переходом на контрактный способ комплектования. Как перестраивать применительно к новым реалиям систему подготовки специалистов? Какие изменения должны произойти в работе командиров по организации морально-психологического обеспе-

чения? Серьёзных научных исследований по данной проблематике до сих пор не проводилось. Поэтому те командиры, кто решает эти вопросы на практике, сейчас вынуждены работать вслепую, интуитивно, опираясь лишь на собственный жизненный и служебный опыт.

Самой серьёзной критике со стороны генерал-полковника В. Баранова подверглось состояние фундаментальной исследовательской работы по истории войска правопорядка. Вернее, практически полное её отсутствие. Стыдно сказать: последний раз докторская диссертация по истории внутренних войска была защищена в середине 70-х годов прошлого века! И всё, с той поры больше не было соискателей. Неужели эта сфера никому с тех пор не интересна? Ведь до сих пор, чего греха таить, в массовом общественном сознании продолжает преобладать представление о войсках ВЧК-ГПУ-ОПТУ-НКВД-МВД как о «ценном псе тоталитарного режима», сформировавшееся благодаря псевдонаучным фантазиям некоторых деятелей литературы и кинематографии в первые годы демократических преобразований в стране. Как мы можем довести до людей историческую правду о своих войсках, их далеко не безоблачном, но действительно героическом прошлом, если сами его толком не будем знать, не научимся популяризировать эти знания?

Не могут похвастаться отсутствием проблем и недостатков в своей работе и научные подразделения военных институтов, факультетов и кафедр внутренних войска в военных учебных заведениях Министерства обороны и ФСБ России, являющиеся еще одним компонентом войскового военно-научного комплекса.

Например, гражданские вузы уже давно научились зарабатывать сами для себя средства, получая заказы на проведение научно-исследовательских работ от сторонних организаций. В ряде регионов они обеспечивают собственной научной деятельностью до семидесяти процентов своего бюджета! Активно сотрудничают в этом направлении научные подразделения вузов Министерства обороны и предприятия российской военно-промышленного комплекса. Научные же подразделения институтов внутренних войска подобных достижений пока не имеют, продолжая, с одной стороны, уповать на поступление средств из госу-

дарственной казны, а с другой – не переставая жаловаться на скудное финансирование своей деятельности. Забывая или не желая осознать при этом, что в стране уже давно утвердились рыночные отношения, в том числе и в научной сфере. Идёт борьба за заказчика, за его деньги. Вот и попробуйте доказать, что вы – лучше, ваш научный потенциал – выше, что вы способны провести предлагаемое исследование качественнее, полнее, глубже, быстрее конкурента!

Одним из недостатков в работе, на который указали представителям войсковых вузов, было то, что преподавательский состав не стремится получить учёные степени и звания. «Должно быть стыдно, – резюмировал генерал-полковник В. Баранов, – когда на собеседование в Главкомат прибывает кандидат на должность начальника одной из ведущих кафедр, не имеющий не то что докторского, а даже кандидатского звания!» И тут же поставил задачу: впредь на такие должности будут назначаться лишь кандидаты наук. А если претендент идёт из войска, то это должен быть офицер, способный через два-три года работы в вузе защитить кандидатскую диссертацию.

Развивая мысль о прикладном характере научной продукции, подготовляемой на кафедрах и в вузовских научных подразделениях, участники сбора отметили важность формирования во всех компонентах войскового военно-научного комплекса собственных баз данных. А в перспективе – создание в ЦОТИ при ГКВВ единого банка научных работ курсантов и слушателей, дипломных и диссертационных работ, выполненных на электронных носителях информации. Это позволит в дальнейшем избежать дублирования исследуемых проблем, сделать научные результаты, полученные в одном вузе или на кафедре одной из военных академий, доступными для других с целью создания более совершенной научной продукции. И в конечном итоге должно качественно улучшить научное обеспечение служебно-боевой деятельности внутренних войска. Первые практические шаги в этом направлении уже предпринимаются.

В 2004 году в целях дальнейшего совершенствования системы научного обеспечения служебно-боевой деятельности войска и проведения

научно-исследовательской работы непосредственно в войсках в округах были созданы военно-научные группы. Но, как отмечалось на сборе, эти подразделения пока не смогли скоординировать серьёзно проявить себя. В чем причина столь долгой раскачки?

Организационно военно-научные группы включены в состав оперативных отделов окружных штабов. С одной стороны, это открывает им прямой доступ к огромному объёму информации, так необходимой для проведения исследовательской работы. Но с другой – начальники оперативных отделов зачастую используют офицеров военно-научных групп, мягко говоря, не по профилю. И такое положение вещей, судя по высказываниям участников сбора, характерно практически для всех округов. Оправдана ли такая позиция?

Ведь в каждом из оперативнотерриториальных объединений внутренних войска проводится немалое количество командно-штабных тренировок и учений, в том числе с привлечением специалистов взаимодействующих министерств и ведомств. Они дают богатый материал для размышления, изучения действий органов управления и войсковых подразделений. Кто-то же должен его обобщать, анализировать? Кому, как не офицером военно-научных групп, этим заниматься!

Организационно-штатная структура внутренних войска продолжает совершенствоваться. Задачи, выполняемые ими на современном этапе, требуют по-новому взглянуть на проблемы, закономерности и тенденции развития тактики, оперативного искусства внутренних войска, взвешенного и строго научного подхода к решению разноплановых проблем.

Максимально приблизить наравленную всей проводимой в этих условиях военно-научной и научно-исследовательской работы к насущным потребностям войска, сделать её целью выработку практических рекомендаций по совершенствованию и улучшению качества служебно-боевой деятельности – вот приоритетная задача военно-научного комплекса внутренних войска. ★

Полковник
Игорь СОФРОНОВ
Фото Николая ПЕТЕЛИНА

ЧУЖАЯ ДУША – ТОЛЬКО НЕ ДЛЯ ВОЕННОГО ПСИХОЛОГА – ПОТЁМКИ?

Всякий знает, что для поделок из железа нужно знать свойства железа. Но весьма немногим приходит в голову, что для того, чтобы что-нибудь сделать из человека, надо прежде всего знать свойства человека и с ними соотносываться...

Генерал от инфантерии
М. И. ДРАГОМИРОВ

– Ты почто, сын, станицу позоришь, род наш казачий срамишь?..

Крепкий, высокого роста мужчина в казачьей форме перед строем солдат и офицеров автомобильной роты специального моторизованного полка внутренних войск отчитывает молодого солдата. Фуражка набекрень, убелённая сединами голова, погоны хорунжего, многочисленные награды на груди и ручной работы нагайка за голенищем – вид для Москвы необычный.

Косо изогнув левую бровь, очертив зубы под висящими черными усами, он неторопливо достал из-за пазухи свернутую в трубку бумагу, скреплённую церковной печатью, развернул её, задумался – будто что-то цапнуло в его душе. Трижды перекрестившись, казак обвел взглядом солдатский строй и неторопливо, чуть протяжно зачитал:

– По настоянию казачьего атамана и с благословения местного духовенства за проступок, порочащий высокую честь донского казака, раб божий Павел Казаков наказан двадцатью ударами нагайкой. Прилюдно...

Сделав акцент на последнем слове, он строго взглянул на юношу: тот стоял в оцепенении, боясь шелохнуться.

Рука хорунжего потянулась к сапогу, нагайка взмыла вверх. К казаку подошёл офицер, что-то шепнул на ухо, и кожаная плеть нырнула за го-

ленище сапога. Однако через пару минут вновь обнажилась, сделала витиеватый круг над головой солдата и резко хлестнула об асфальт, издав пронзительный, словно выстрел, хлопок, вызвавший у бойца мелкую дрожь. Бледный, растерянный, он не знал, что делать и как себя вести: капельки пота скользнули по щеке, на глаза навернулись слёзы. Заметив это, казак насупился, погладил усы, для острастки ещё несколько раз “пальнул” нагайкой об асфальт, а затем ловким движением руки отправил её под хромовую защиту...

Вспоминая этот эпизод, начальник группы по работе с личным составом полка майор Константин Карлышев улыбается. Ещё бы, ведь именно он, будучи замполитом автороты, где служил провинившийся солдат, инициировал приезд донского казака в Москву.

– После полугода службы, – рассказывает офицер, – рядовой Павел Казаков ушёл в самоволку. Поднаоели ему солдатские будни, и он отправился отдохнуть на озеро, что недалеко от части, полюбоваться лебедями, коих там было очень много. Набрал лимонада, булочек и расположился на живописном берегу. Отсутствовал всего несколько часов, но этого оказалось достаточно, чтобы его хватились в роте и начали искать. Ни о чём не подозревающий солдат, отдохнув, возвращался в часть, как на полпути был перехвачен патрулём.

Спускать негативный факт на тормозах в полку не стали, и Карлышев предложил командиру написать письмо родителям Павла. Сказано – сделано: петицию сочинили, и, чтобы другим неповадно было, офицер зачитал её на общем собрании роты солдатам и отправил в Ростовскую область.

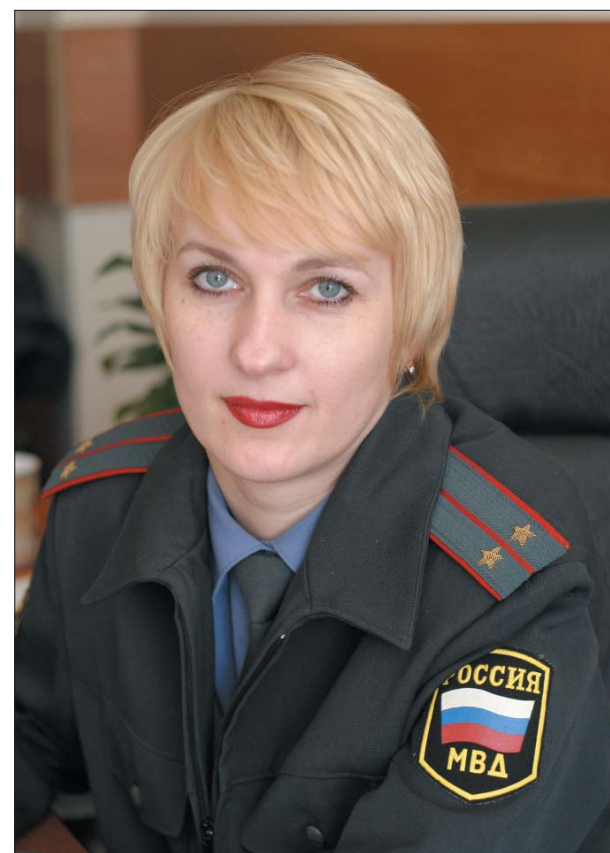
Реакция с берегов Дона не заставила себя ждать: уже через неделю на КПП полка с грозным видом при полном параде (не хватало только шашки и коня) появился Казаков-старший, чтобы повлиять на сына.

Дорогого гостя встретили радушно: провели по территории, показали казарму, клуб, спортзал, накормили в столовой. Казак был всем доволен, но дал понять офицерам, что в Москву-то он приехал не на экскурсию, а исполнить волю станичников публично выпороть сына. В полку сначала опешили, а потом крепко призадумались, как себя вести, ведь по уставу такого наказания нет. В итоге стороны пошли на компромисс: в целях профилактики ритуал наказания провести, но нагайку использовать только для “стрельбы об асфальт”.

Донской казак рядовой Казаков давно в запасе, но до последнего дня службы он вспоминал приезд отца как страшный сон. Чтобы искупить вину, сам вызвался переложить тухлявый пол в расположении автороты, чем надолго оставил о себе добрую память.

– Я думаю, не пришлось бы устраивать “публичную порку”, – продолжает майор Карлышев, – будь в то время у нас толковый психолог. Ну, устал боец, закурился, в увольнении долго не был, его “переклинило”, и он не нашёл ничего лучшего, как самовольно оставить часть. В таком подавленном состоянии ему нужна была квалифицированная помощь, которую оказать никто не мог, хоть расшибись: не было тогда в полку штатного офицера-психолога. Зато, когда он появился, ситуация в корне изменилась.

Почти год назад должностное помощника начальника группы по работе с личным составом – психолога

полка приняла лейтенант Елена Бородек, которая с ходу окунулась в работу. За короткое время она успела “вправить мозги” многим нерадивым солдатам, в том числе и тем, которые на гражданке считались “трудными” и не поддающимися воспитанию подростками. Ещё во время учёбы в Минском государственном педагогическом институте Елена успешно освоила курс психологии и педагогики и все последующие годы развивала и оттачивала методы работы с людьми.

Призывники в полк приходят разношерстные, многие до армии выпивали, а то и наркотики пробовали. А ведь служба у них особая, ко многому обязывает. Солдаты в гражданской форме у москвичей на виду. По сути, офицерам необходимо сделать из вчерашних пацанов самостоятельных воинов, способных нести патрульную-постовую службу не хуже сотрудников милиции. А это значит, и законы они должны знать назубок, и уметь общаться с людьми.

По мнению командиров, за два года службы это ещё можно сделать, а вот

когда призывники будут служить полтора, а затем один год, офицерам туго придётся. Ведь за такой короткий период солдат нужно хорошо узнать, влезть, что называется, в их душу. Вот для этого в любой воинской части и должен быть психолог, способный толково организовать работу.

– Знакомство с призывниками начинаю с изучения их личных дел, – рассказывает Бородек, – Мне нужно знать, с кем придётся работать: из какой семьи солдат, чем занимался до армии, его образование? Самые, казалось бы, незначительные эпизоды их доармейской жизни могут быть важны, чтобы лучше понять человека. В таком деле мелочей нет. Для этого и проводят тестирование новобранцев.

Однако тест – он и есть “проба, проверка”, после которой не помешало бы лучше узнать человека во время непринуждённой беседы, проявить к нему интерес, ведь мы видим, насколько громаден дефицит общения, внимания к подчинённым, как нуждаются в нём военнослужащие.

По возможности я стараюсь каждому из них уделить максимум внимания.

– Не нами подмечено, – говорит майор Карлышев, – что женщине-психологу с солдатами общаться проще. Особенно в первые дни службы, когда парни готовы рассказать о себе абсолютно всё. В это время они психически не подготовлены к смене обстановки, на них давит новизна ощущений, сугубо мужской коллектив, необходимость подчиняться командиру. И вот представьте себе: в такой обстановке они видят перед собой женщину, с которой можно спокойно поговорить. Уверю, они изольют ей свою душу. В это время работы у психолога неуворот. Как говорится, куй железо, пока горячо.

Ведь чаще как бывает? Уже через неделю-другую солдат адаптируется к новой обстановке, войдёт в колею, “закроется” для посторонних, замкнётся в себе. И тогда всё, ничего от него больше не добиться.

– Действительно, – соглашается Бородек, – именно в первые дни от солдат можно узнать много чего интересного о них же самих.

Елена раскладывает на столе бумаги с графиками, записями, таблицами. По сути, в них отражён весь социально-психологический портрет полка.

– Тревожная тенденция последних лет, – говорит она, – растёт число призывников из неполных семей. Сейчас в полку служат 63 солдата, выросшие без отцов, 9 – без матерей, и 8 – круглые сироты. К ним подход особый, ведь многие видят во мне не столько офицера, сколько женщину, а кто-то даже маму. Это, согласитесь, дорогого стоит и ко многому обязывает... А вот, кстати, один из моих “сынчков”, – улыбаясь, говорит Елена и кивает в сторону солдата, робко открывшего дверь кабинета. – Заходи, Эдик, присаживайся. Какие проблемы? Небось справку принес?

Знакомимся. Высокий, стройный парень – рядовой Эдуард Офимкин – призван из Свердловской области. Ему не было и пяти лет, когда после тяжёлой болезни умерла мама, а через два года не стало и отца. Спасибо родной тётке, не было б её, со шпаной связался бы. Эдуард успешно окончил школу и поступил на факультет строительных материалов Уральского государственного технического университета. Диплом о высшем образовании получил в июне прошлого года. А там пришла повестка из военкомата, и

через неделю он был уже в Москве. Хотел служить в ВДВ, но волею судьбы оказался во внутренних войсках.

Спрашиваю, не трудно ли ему, какие планы на будущее.

— Чего скрывать, поначалу растерялся. Вроде 23 года стукнуло, а чувствовал себя мальчишкой. Спасишь командирам, помоги. Да и товарищ лейтенант, — смотрит он на Лену Бородюк, — очень поддержала. От неё-то я и узнал, что мне, как сироте, положены дополнительные деньги. Вот, справку из института для этого и принёс.

А что касается будущего, то с милцией я уж точно его не связываю. Как только за год "сапоги сношу", уеду домой. Там хорошая работа ждёт. Да и девушка моя небось соскучилась, большие планы вместе с ней строим. Я же строители — улыбается Офимкин....

— Хороший солдат, толковый, — говорит Елена, — да и образование выше. Таких в полку немного, всего 25 человек. Большинство со средним и средним специальным образованием. Но есть и такие, у кого за плечами лишь начальная школа. Приходится учить их, объяснять, казалось бы, элементарные вещи.

— Общая картина состояния дел в полку будет неполной, — с досадой продолжает Бородюк, — если не вспомнить солдат, призванных с многочисленными психическими отклонениями. Сегодня их более ста человек, причём 13 склонны к самоубийству, а 7 — к суициду.

К таким военнотружущим — особое внимание. Как только Бородюк выявляет солдат из "группы риска", по её рекомендации за ними сразу же закрепляют наиболее опытных бойцов или младших командиров. Их задача — контролировать каждый шаг подопечных, не сводить глаз ни днем ни ночью.

— На учебном сборе весной прошлого года, — говорит Елена, — мне удалось "вычислить" солдата, склонного к суициду. Узнала об этом во время беседы, когда он проговорился, что его брат когда-то пытался покончить жизнь самоубийством, но был вовремя остановлен. Тогда же боец рассказал мне и о том, что дома его ждёт девушка.

Проходит время, и я вижу — что-то неладное с парнем творится, ведёт себя подозрительно. Пригласила к себе, нашла чаю, предложила конфет, начинаю разговор по душам.

Смотрю, оттаял мой собеседник, расслабился. И как на духу выложил, что получил от девушки письмо, в котором она сообщила, что встретила другого. Как могла, утешила солдата, сказала, что свет клином на ней не сошелся, а значит, и жалеть не о чем.

И всё же после того разговора Елена рекомендовала командиру роты установить за горе-воином наблюдение. И не ошиблась: через пару дней он в комнате для умывания попытался порезать себе вены на руке. К счастью, товарищи вовремя это заметили, остановили его и сразу же отправили в санчасть. Через неделю к нему приехала мать. Поблагодарила Елену за работу и несколько дней присматривала за сыном.

Со временем солдат осознал глупость и бессмысленность своего поступка. Прошёл год, и сейчас командиры им не нарадуются: исполнительный, подтянутый, с огоньком в глазах. А ведь всё могло закончиться трагедией....

Но не всё в работе психолога Бородюк бывает так гладко, говорят же: чужая душа — потёмки.

Как-то она беседовала с новобранцем, и в ходе непринуждённого, даже немного шуточного разговора о прелестях гражданки тот проболтался, что до службы посещал игорные заведения. Якобы наблюдал за другими. Слово за слово, и психолог неожиданно огорчила его вопросом в лоб: а сколько денег просадил лично ты?

— Было дело, — простодушно, даже с гордостью, ответил тот, — десять тысяч рублей как-то проиграл. Расстроился, но игру не бросил. Пять тысяч отыграл. Через неделю вернулся за второй половиной, но в итоге остался и без первой....

И тут же рядом с фамилией потенциального игрока появился жирный крест. Тем самым Елена поставила крест на патрульно-постовой службе для любителя халавы, ведь толку от него всё равно не будет: постоянное желание раздобыть деньги и поиграть — сродни наркотической зависимости. Об этом Бородюк доложила командиру полка полковнику Игорю Любимову, и тот распорядился использовать солдата на хозяйственных работах и в суетном наряде. Надо сказать, тут солдат преуспел: стал лучшим дневальным, а вскоре ему присвоили звание сержанта, и он возглавил отделение.

Тем не менее соблазн помериться силой с одноруким бандитом оказал-

ся выше его сил, и через год сержант не сдержался. Он был дежурным по роте, когда личный состав находился на полевом выходе, но перед этим несколько солдат отдали ему на сохранение свои скромные накопления. Это было нормальной практикой: мало ли где в поле можно потерять деньги? Но в тот день сержанта словно "перекинули": навязчивая идея приумножить "капитал" подобно занозе впиалась в сердце. Сменившись с дежурства, он уличил удобный момент, покинул часть и отправился в ближайший зал игровых автоматов. Играл недолго, но результативно... для игорного заведения: через полчаса пяти тысяч кровных солдатских рублей в его карманах уже не было. Когда опьяняющий дурман прошёл, младший командир понял, что натворил, и решил броситься в бег. Благо в последнюю минуту хватило ума передумать, и с повинной головой вернулся в роту.

Не без помощи родителей деньги сослуживцам он вернул, а вот доверие их потерял надолго. Как и одну лычку на погонах. На собрании сержантов долго казаясь, просил прощения, обещал исправиться. Через полгода звание восстановили, сейчас сержант пытается вернуть доверие солдат. Елена уверена, в том, что произошло, есть и её вина: выявив игромана в первые дни службы, в дальнейшем она что-то недоглядела, упустила его из виду. После случившегося неоднократно беседовала с сержантом и пришла к выводу, что, испытав большой психологический стресс, все игорные заведения он будет обходить стороной очень долго....

— Ведь что главное для психолога? — завершает разговор заместитель командира полка по работе с личным составом подполковник Бахыш Исмаилов. — Не только обладать информацией о том, что творится в полку, но и уметь этой информацией распорядиться для пользы дела. Лена Бородюк своё дело знает, и когда командир полка принимает важные решения, он обязательно советуется с ней. А разве это не лучшая оценка работы полкового психолога?

Но, думается, не менее ценна для Елены Бородюк благодарность солдат и их родителей за участие в жизни каждого из них.

★
Подполковник
Сергей ПОРТНОВ
Фото автора и
Владимира НИКОЛАЙЧУКА

УРОКИ ГЕНЕРАЛА ЯКОВЛЕВА

В мартовском номере журнала мы опубликовали один из фрагментов воспоминаний полковника в отставке Вадима Васильевича Асташина — "Необыкновенный орден". Целиком его воспоминания планируем поместить в книге, посвящённой 50-летию журнала "На боевом посту". Сегодня же знакомим вас с ещё двумя фрагментами рукописи ветерана.

ОЧЕРЕДЬ ЗА СЧАСТЬЕМ

Работал в редакции журнала Александр Николаевич Петров, полковник, начальник отдела информации, мой друг. Талантливый журналист и ещё, я бы сказал, юморист от Бога. Человек наблюдательный, схватывающий проблемы на лету.

Сидим как-то мы с ним в кафе, а напротив за столиком — две пары, совсем ещё зеленухи, лет по шестнадцать. Девочки в коротких юбочках, ноги на ногу и смолят какие-то очень уж тошнотворные сигареты. А мальчики, наоборот, не курят, кашляют и чихают, давясь от введившего дыма.

— Смотри, смотри, — говорит Саша, — готовая юмореска "Всё перевернулось в мире сущем".

Через неделю смешная сценка под таким названием прозвучала по радио.

Свои юморески Александр Николаевич печатал во многих изданиях, и конечно же, в журнале "На боевом посту". Они звучали в передачах "С добрым утром" и "Опять двадцать пять".

Я уж не говорю, что поступление информации в журнал Саша поставил на поток. Она была разнообразна, интересна, всегда актуальна и на хорошем уровне.

И вот однажды на заседании военного совета войск обсуждался какой-то вопрос с приглашением офицеров редакции. Зал заседаний тогда находился на третьем этаже. Это было узкое длинное помещение с небольшим возвышением в глубине, наподобие сцены, и двумя рядами столов по обе стороны прохода.

Саша, как всегда на любых совещаниях, занял место за передним столом. Что вполне естественно, ведь ему надо было готовить информацию в журнал. И вот когда начальник войск Иван Кириллович Яковлев уже подводил итоги, все заметили, что Петров спит. Увидел это и генерал. Он прекратил выступление и стал в упор рассматривать нарушителя дис-

циплины. Мы замерли: сейчас начнётся "избиение младенцев".

— Я тут, видите ли, распинаюсь, а он спит. Такое неуважение! Товарищ подполковник (Петров пришёл к нам майором, и ему только что присвоили очередное воинское звание. — В.А.), извольте объясниться, почему себя так ведёте?

Саша вскочил как ошпаренный, задержал плечами, заморгал, видимо, ещё не проснулся окончательно. И вместо того чтобы покоситься голову на плаху положить, изрёк вообще невообразимое:

— Я всегда сплю, когда нахожусь в помещении, похожем на вагон электрички. Условный рефлекс.

Это уже был дерзкий вызов. Похоже, Петров играл ва-банк пан или пропал.

До нашего журнала Александр Николаевич работал в газете воздушной армии и жил в Клину. И когда у нас образовалась вакансия начальника отдела информации, главный редактор Фёдор Кузьмич Гавриков, знавший Петрова по совместной работе, пригласил его на эту должность. Быстро оформили перевод. Но при этом тыловики (как потом оказалось, в стоворе с полуправленческими кадрами) поставили условие: в течение двух лет не писать рапорт на жильё, иначе будем рекомендовать начальнику войск не брать вас в журнал.

Он согласился. А куда деваться....

— Я слушаю вас, продолжайте, — сурово сказал Яковлев. — Пока я не понял, где это вы успели так утомиться.

Пришлось рассказать о ежедневной четырёхчасовой дороге в оба конца и о табу на квартиру.

— Он сочиняет о нас фельетон или как?

В зале наступила тягостная тишина, а с мест поднялись Гавриков и Евстигнеев, начальник отдела войскового тыла.

— Петров говорит правду, — сказал Гавриков.

— С квартирами было трудно... Но я надеялся, что ситуация вскоре разрядится, — начал оправдываться Евстигнеев.

— С квартирами всегда трудно. Но коли мы взяли офицера на службу, надо было поставить его в очередь на жильё без всяких оговорок, — отрезал начальник войск. И, уже заметив потеплев к Петрову, спросил: — И давно вы путешествуете из Клина в Москву?

— Скоро два года...

— А сколько времени обычно у нас ждут квартиру? — последовал вопрос Евстигнееву.

— По-разному. Год-полтора.

— Значит, если бы вы не брали с него совершенно незаконную подписку о... — Яковлев сделал паузу, очевидно, подбирая нужное слово, — то очередь его уже подошла бы?

— Пожалуй...

— Вы сделаете вот что, — Яковлев обернулся к Петрову, — возьмите у Евстигнеева два смотровых ордера и выберите квартиру по душе. Вы заслужили этот выбор. А утром доложите, не было ли на вас нового давления... Однако больше не спите, хотя бы на заседаниях военного совета.

Я понимаю, что рассказ получился не столько о моём товарище по работе в журнале, сколько о генерале Яковлеве. Ну что ж. Вот такой был у нас начальник войск — человек жёсткий, требовательный, но справедливый.

О ЖУРНАЛЬНОМ СИТЕ

В журнале «На боевом посту», когда во главе внутренних войск стоял Яковлев, я проработал семнадцать лет. За это время меня на ковёр вызывали пять раз. В среднем через три года. И вместе с главным редактором, и с начальником отдела Михаилом Васильевичем Горбовым, и одного. В трёх случаях это было связано с публикацией «крамольных» статей.

Конечно, Иван Кириллович был человеком суровым, жёстким, но он никогда не рубил сплеча и не делал скоропалительных выводов, не разобравшись в сути вопроса. Мой скромный опыт общения с этим неаудирным человеком позволяет сделать именно такой вывод. В результате разбирательства всякий раз оказывалось, что в статье нет никакой крамолы, а просто иной взгляд на проблему, взгляд автора, может, и спорный, но имеющий право на су-

ществование. Показательна в этом отношении одна «беседа», наиболее опасная для меня. Она произошла в пору активного внедрения инженерно-технических средств в охрану объектов.

Заградительно-сигнализационным системам был дан зелёный свет. Часовых снимали с вышек, службу теперь несли способом оперативно-го дежурства. То есть люди находились в караульном помещении в режиме ожидания, а при поступлении

А.Н. Петров.

Фото 1993 г.

сигнала в составе тревожной группы стремительно выдвигались на перехват нарушителя в запретной зоне. На больших объектах допускалось патрулирование запретных зон или смешанный способ охраны. Выросла культура боевой службы, исчезла ее монотонность, значительно снизилась психологическая нагрузка на солдат, поскольку на постоянных объектах они теперь не видели заключённых. Но... кое-где отчетливо проявилась и оборотная сторона медали.

Дело в том, что первые сигнализационные системы были несовершенны. Проблема ещё усугублялась нехваткой специалистов по обслуживанию техники, низкой их квалификации, особенно в первичном — ротном звене. Нередко случались сбои в работе ИТСО, а число ложных срабатываний доходило до десятка за смену. Не успела тревожная группа возвратиться в караульное помещение, как надо опять бежать в ночь... Не служба, а мука.

Как раз в это время мы и опубликовали размышление командира роты из Ярославля о роли техники в со-

вершенствовании системы охраны. Вывод офицер делал нелицеприятный: «Техника в том состоянии, в каком она находится сейчас, не помощник, а обуза. Возвращаемся к охране с вышек, благо их не спилили».

Этой статье не повезло сразу. Перед печатью ее набор рассыпали, поспешно собрали «как было», но корректуру не сделали. В результате два абзаца поменялись местами. В общем-то, на нарушение логики многие не обратили внимания. Но его заметил начальник войск (я уже говорил, он читал журнал внимательно). И формально мой вызов к нему был связан с этими ошибками.

Едва я появился в дверях, генерал спросил, не дожидаясь, когда подойду к столу:

— Скажите, как тут надо читать? Где начало, где конец?

Я начал было объяснять, что во всём виновата типография.

— А, — бросил он равнодушно, — типография, редакция — все едино... Присаживайтесь, поговорим о вещах более важных... Как вы умудрились напечатать вредную статью? Она же против техники, против нашей технической политики. А как же директива о технизации войск? Её отменять, что ли, по вашей прихоти? А не легче ли заменить того ротного на вас? На месте разберётесь, что к чему, а через год доложите: техника вам друг, а не обуза.

Сердце мое похолодело, а лицо, напротив, запылало. Но, сработавшись с духом, сказал, стараясь не заикаться:

— Вы можете меня назначить кем угодно и послать куда угодно. А что будет, если через год я доложу вам совсем не то, что вы ожидаете услышать? Нет, эта статья не против техники, а за технику, но такую, которая не давала бы боев, технику надежную, отлаженную, нормативно обслуживаемую. И одному командиру роты с такими задачами не справиться. Будь у него хоть семь пядей во лбу. А какова тогда роль всей инженерно-технической надстройки, которая сосредоточена при штабах полков и выше?..

Яковлев выслушал, не перебивая, но с моими доводами согласился не сразу.

— Э тот опус Андрианов читал?

Генерал-майор Г.В. Андрианов, начальник отдела ИТСО штаба войск, умница, в технических вопросах дока, спокойный и рассудительный человек, был тогда членом редколлегии журнала. Впрочем, когда

Выездной «круглый стол». Минск 1977 г.

им и не был, всё равно консультировал все наши материалы на инженерно-техническую тему. Помню, по поводу той статьи он говорил: «Подгоняет нас ротный, заставляет быть с ним в одной упряжке». Поэтому с полным основанием я и ответил начальнику войск:

— Читал.

— И он разделяет вашу точку зрения?

■ — Вы можете меня назначить кем угодно и послать куда угодно. А что будет, если через год я доложу вам совсем не то, что вы ожидаете услышать?

— Скорее, я согласен с его мыслями.

— Проверим.

Когда вошёл Андрианов, он повторил, только более детально то, что сказал на редколлегии.

— Ладно, давайте разбираться, что делать с этой техникой дальше. На критику-то надо реагировать.

Мне показалось, что начальник войск улыбнулся.

Яковлев на войне был танкистом и до прихода в войска имел воинское звание генерал-лейтенанта танковых войск. В технике он разбирался досконально, а общие принципы ее обслуживания были применимы и к ИТСО. Так что разговор между генералами пошел профессиональным, замесили цифры, термины... Я слушал предельно внимательно, но понял лишь одно: речь шла о технике нового поколения и выработке

стройной системы ее обслуживания. Заметив мою безучастность, начальник войск кивнул — свободен! И бросил вдогонку:

— Сито, вы понимаете, сито необходимо! Не всё тащите в журнал, что попадает под руку. Отсеивайте. Публикуйте то, что на пользу делу.

Тот разговор у начальника войск имел продолжение. Пытаясь поглубже разобраться в технических воп-

рошениях, мы в редакции стали внимательнее относиться к занятиям по инженерно-технической подготовке. Приглашали к чтению лекций офицеров — специалистов ИТСО. Взяли в отдел боевой службы нового сотрудника — инженера по образованию Юрия Геннадьевича Тяткова. В общем, много полезных открытий для себя сделали.

Оказывается, мало даже и того, чтобы ИТСО исправно работали. На начальном этапе их эксплуатации у некоторых все равно будет проявляться к ним недоверие. Это связано с инерцией мышления, слабо развитым чувством нового, нежеланием взять на себя дополнительные заботы. От одних привычек надо переходить к другим, а это хлопотно.

Мы так прониклись этими около-техническими проблемами, что решили провести «круглый стол». На

обсуждение пригласили эксплуатационников и разработчиков техники, представителя завода-изготовителя ИТСО и военного психолога. Выявились большое количество психологических тонкостей, учитывать которые необходимо, если хотим добиться гармонии во взаимодействии человека и техники. Одни психологические нюансы надо иметь в виду на стадии разработки и проектирования ИТСО в СКБ, другие — при их обслуживании, предполагая удобство этой работы, третьи — при действиях по сигналам. Получается глубокое и тонкое переплетение инженерной психологии и психологии боевой службы.

Проблема «человек и техника» была известна давно танкистам, ракетчикам, артиллеристам, и только для солдат и офицеров, взаимодействующих с ИТСО, она оказалась тайной за семью печатями. Надо было эту тайну открывать путем привития любви к технике и уважения к людям, ее эксплуатирующим.

Шикарный получился «круглый стол». Его материалы дискуссионного характера имели широкий резонанс. А начальник войск, встретив Гаврикова как-то на обеде, заметил:

— Что ж, молодцы. Хвалю за то, что нашли своё место в пропаганде техники и психолого-технических знаний.

Вадим АСТАШИН,
полковник в отставке,
заслуженный работник
культуры РФ

Хош кялмисиниз на страницы наших изданий

Хош кялмисиниз, азиз достлар! Добро пожаловать, дорогие друзья! Эту фразу на азербайджанском языке в редакции журнала "На боевом посту" начали учить ещё в январе этого года. Именно тогда офицеры центра международных отношений ГКВВ МВД России сообщили главному редактору о намерении представителей внутренних войск МВД Азербайджана приехать с официальным визитом весной 2007-го в редакцию нашего журнала.

У вот в марте выученное журналистами-наблюдателями приветствие прозвучало уже как свидетельство свершившегося факта: делегация Главного управления внутренних войск МВД Азербайджанской Республики перешагнула порог редакции. Начальника отдела кадров – заместителя начальника управления пресс-службы ГУВВ МВД Азербайджана подполковника Тарану Мамедову и офицера отдела международного сотрудничества лейтенанта Малахат Нуркишиеву приняли с полагавшимся по русскому обычаю радушием. Они ознакомились с редакционно-издательской деятельностью, приняли участие в расширенном заседании редколлегии

журнала. Закономерным итогом редколлегии стало подписание двустороннего протокола, согласно которому мы теперь будем обмениваться информацией о самоотверженном и образцовом исполнении воинского долга нашими военнослужащими.

Этот акт – ещё одно доказательство того, что помимо расширения географии международного сотрудничества российских войск правопорядка ширится и круг вопросов, по которым взаимодействуют силовые правоохранительные ведомства. И если первоначально взаимный интерес сторон вызывали прежде всего система подготовки личного состава, вооружение и спецтехника, которые войска применяют в ходе выполнения поставленных задач, то теперь офицеры-специалисты не прочь ознакоми-

сь с достижениями своих коллег в разных видах обеспечения служебно-боевой деятельности войск и аналогичных структур.

Так, в 2005 году российские "краповики" проходили двухнедельный курс выживания в бразильском учебном центре, в прошлом году группа офицеров управления ГКВВ МВД РФ знакомилась с особенностями организации МПО во внутренних войсках МВД Азербайджана. Кстати, именно тогда и родилась идея ответного визита в редакцию журнала "На боевом посту".

О том, что такие узконаправленные контакты в силу своего конкретного характера могут принести не меньшую пользу, чем многоцелевые, говорилось и во время бесед с азербайджанскими коллегами в редакции, и на совместном заседании редколлегии, в работе которой приняли участие заместитель главного командующего внутренними войсками МВД России – начальник управления по работе с личным составом генерал-лейтенант Сергей Топчий, начальник центра международных отношений Главкомата полковник Игорь Рычков, заместитель начальника отдела по работе с личным составом Приволжского округа внутренних войск полковник Алияр Абдуллаев, редактор газеты Московского округа внутренних войск полковник Александр Михалёв.

– Чем конкретнее цели наших визитов, тем лучше мы узнаём друг друга, тем больше возможностей внести в свою работу всё самое передовое, что есть уже в аналогичной деятельности у наших коллег, – сказал, выступая на заседании редколлегии, генерал-лейтенант Сергей Топчий. – То, что азербайджанская делегация приехала к нам познакомиться с особенностями организации информационного обеспечения выполняемых российскими войсками правопорядка задач, лишний раз свидетельствует о том, какое огромное влияние на умы и сознание граждан, военнослужащих оказывают сегодня средства массовой информации. Журналисты посредством печатного слова в наше время способны сформировать позитивное общественное мнение по разным вопросам жизнедеятельности, помочь решить ту или иную проблему, которая мешает нам двигаться вперёд.

Понимая это, Главкомат уделяет огромное внимание сотрудничеству с центральными и региональными СМИ, развитию войсковых изданий. Недаром в составе редакции журнала "На боевом посту" появился отдел неперидических изданий, выпускающий помимо служебной художественную и публицистическую литературу; отдел радиопрограмм, рассказывающий россиянам о внутренних войсках на радиоканале "Звезда FM"; киностудия, которая готовит документальные фильмы о войсках правопорядка.

Согласился с мнением генерала Топчия и подполковник Гусейнов. Он рассказал о том, что сам впервые ощутил силу печатного слова в далёкие восьмидесятые, когда ещё служил срочную в казанской конвойной воинской части. Тогда в многотиражке появилась заметка о том, как он, будучи часовым, предотвратил побег осуждённого. Её читали все: сослуживцы, родственники, знакомые. С тех пор вырезку из газеты с той заметкой Гусейнов хранит в семейном альбоме.

– Сегодня мы выписываем журнал "На боевом посту", газету "Ситуация", сборник "Войсковой вестник", – подчеркнул, выступая на заседании редколлегии, руководитель азербайджанской делегации. – С интересом читаем каждый номер. Ведь внутренние войска МВД Азербайджана выполняют схожие с российскими войсками правопорядка задачи. У нас общие корни. Наши

офицеры старшего поколения заканчивали одни с вашими офицерами военные училища. Нас многое роднит.

– Наша газета "Аскер" ("Солдат") тоже пишет о мужестве и самоотверженности воинов, – продолжила мысль подполковника Насира Гусейнова подполковник Тарана Мамедова. – Газета появилась в непростое время. Войска только-только становились на ноги, вместе с тем решали сложные задачи по противодействию экстремизму, терроризму и организованной преступности. Нелегко было нашим журналистам. От них требовалось не только профессиональное владение пером, но и умение грамотно проанализировать складывающуюся политическую ситуацию, дать справедливую, объективную и бесстрастную оценку событиям и деятельности войск, стоящих на страже законности и правопорядка.

Выступившие на заседании члены редколлегии журнала выразили готовность к тесному сотрудничеству, обмену информацией. Это решение и было закреплено в подписанном в завершение редакционной коллегии двустороннем протоколе.

С нетерпением будем ждать публикаций азербайджанских коллег. Хош кялмисиниз на страницы наших изданий.

**Полковник
Ринад АРИБЖАНОВ**
Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

"Запрещённый" командующий

Имя этого человека хорошо известно в пограничных и внутренних войсках. Аркадий Николаевич Аполлонов, 100-летие со дня рождения которого мы отметили в этом году, командовал и теми и другими, будучи заместителем наркома (министра) внутренних дел по войскам во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. Его знают отечественные физкультурники, поскольку он по своей должности много внимания уделял Центральному совету "Динамо" и развитию спорта в войсках, а с апреля 1948 года по 1951 год возглавлял Комитет по делам физической культуры и спорта при Совете Министров СССР.

Родился Аркадий Николаевич Аполлонов 5 марта 1907 года в городе Балашове Саратовской губернии в семье железнодорожного рабочего – осмотрщика вагонов. Окончив единую трудовую школу, пошёл чернорабочим на железнодорожную станцию, где трудился и отец.

Чернорабочий... Так именовалась первая и самая низшая ступенька профессии пролетария. Но и сё тогда получить и закрепиться на ней было сложно. После 1923 года Аркадий оказался безработным. Было ему в ту пору всего-то 16 лет.

Однако ребята, рано познавшие, что такое труд, быстро взрослеют. Уже в следующем году Аполлонов поступает в Саратовскую пехотную школу. По её окончании в 1927 году его направляют в войска ОГПУ, и четыре года он командует взводом в 34-м дивизионе.

Пылливый ум помог определиться в дальнейшей службе.

Появляется в те годы в войсках химическая служба. В течение 1931–1932 гг. комвзвода Аркадий Аполлонов осваивает новую, достаточно интересную специальность на курсах усовершенствования комсостава (КУКС) химслужбы. И после их окончания едет в родной Саратов, где открылась 4-я школа погранохраны и войска ОGPU – выпускника КУКСа Аполлонова назначают на должность начальника

штаба химдивизиона, а затем командира-руководителя химического дела. После нескольких лет работы преподавателем его утверждают кандидатом для поступления в Военно-химическую академию имени К.Е. Ворошилова. Но в 1936-м положение изменилось – войска гораздо больше нуждаются в строевых командирах, и Аркадий Николаевич поступает в Военную академию имени М.В. Фрунзе. В 1939 году после досрочного выпуска получает высокий пост заместителя начальника Главного управления пограничных войск НКВД СССР. В том же году ему присвоили звание комбрига.

Такой головокружительный служебный взлёт Аркадия Аполлонова объясняется скоропалительной сменой командных кадров, особенно в высшем звене, вызванной сталинскими репрессиями.

Вместе с Аполлоновым закончили академию и были назначены на руководящие посты М.И. Сладкевич (назначен заместителем начальника войск НКВД СССР по охране железных дорог, в период Великой Отечественной войны – заместитель начальника внутренних войск НКВД СССР, генерал-лейтенант), С.И. Донсков (впоследствии командовал внутренними и конвойными войсками МВД СССР).

Эти и другие офицеры составили молодую плеяду командиров и полит-

работников, которым пришлось с ходу набираться опыта, учиться и, в конце концов, довелось руководить войсками и военными учреждениями.

Назначенным на высокие посты молодым комбригам, как и Аполлонову, пришлось нелегко. Не хватало опыта, кругозора, умения принимать ответственные решения. Но наступили новые времена, и они не терпели простоя. Надо было быстро приспособиться к непривычной обстановке, разбираться во множестве проблем, требующих незамедлительного разрешения.

И без того немалый объём обязанностей заместителя начальника Главного управления пограничных войск резко увеличился с началом советско-финляндской войны. К тому же действовать уже пришлось в боевой обстановке, в роли помощника командующего сначала 9-й, затем 14-й армии по тылу. Это была не интендантская, а совершенно другая сфера деятельности, связанная с организацией охраны армейского тыла специально выделенными частями войск НКВД. Надо отдать должное: Аполлонов с честью выдержал боевое крещение – справился с возложенными на него обязанностями, получив опыт в руководстве новой службой, которая вскоре стала одной из важнейших в войсках НКВД.

ИСТОРИЯ

В годы Великой Отечественной войны Аркадий Николаевич участвовал в обороне Москвы. На его плечи легла весьма сложная работа по руководству многообразной деятельностью пограничных и внутренних войск организации охраны тыла действующей Красной Армии, формированию и перестроению частей и соединений, материально-техническому снабжению войск, их надлежащему использованию. Аполлонов поддерживал постоянный контакт с фронтовым командованием. Решал не только текущие вопросы организации боевой службы, взаимодействия с наступающими или обороняющимися частями, привлечения войск НКВД к боевым действиям. Ему приходилось не раз вмешиваться в нередко возникающие конфликтные ситуации, когда дело касалось попыток отдельных военачальников использовать пограничные и внутренние войска не по их назначению.

Аполлонов выполнял поручения Совета народных комиссаров, Государственного комитета обороны, координировал деятельность войск, будучи заместителем наркома (министра) внутренних дел СССР (с марта 1942 г. по апрель 1948 г.) и замминистра государственной безопасности СССР по войскам (с декабря 1950 г. по август 1951 г.).

Одним из важнейших поручений, данных Аполлонову, стало обеспечение общественной безопасности на территории Восточной Пруссии в мае-июле 1945 года в должности уполномоченного НКВД СССР. Под его руководством здесь выявляли подпольные фашистские организации, пресекали деятельность враждебных сил, акты бандитизма, нарушения общественного порядка.

Аркадий Николаевич возглавлял внутренние войска и в первые послевоенные годы, когда шла интенсивная борьба с вооружёнными формированиями националистического подполья в западных районах Украины, Белоруссии, в республиках Прибалтики.

В это же время он решал множество вопросов послевоенного строительства войск, уделял большое внимание охране границ, курировал пожарную охрану, местную противовоздушную оборону, военно-учебные заведения.

Кроме того, Аркадий Николаевич теснейшим образом был связан с советским спортом. В течение многих лет он возглавлял Центральный совет

добровольного спортивного общества "Динамо", вписавшего не одну славную страницу в историю отечественного физкультурного движения. В 1948–1950 гг. Аркадий Аполлонов являлся председателем Комитета по делам физкультуры и спорта при Совете Министров СССР.

В 1951-м Аполлонов становится слушателем Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова.

В декабре 1953 г. генерал-полковник Аркадий Николаевич Аполлонов был уволен в отставку по болезни. Ему было тогда 46 лет.

...Что-то не совсем понятное произошло в его судьбе – необычно ранний закат столь успешной карьеры. Хотя прослужил Аполлонов без малого три десятка лет, возраст для его ранга был всё же явно не пенсионный.

Имя этого человека на долгие годы забыли, его избегали даже упоминать в литературе, словно и не было такого военачальника. Например, в солидном издании, посвящённом истории пограничных войск, Аркадий Николаевич не назван в числе их руководителей, хотя почти всю войну и ряд лет после неё фактически возглавлял пограничные и внутренние войска в ранге заместителя наркома (министра) по войскам. В одном из недавних очерков об Аркадии Николаевиче сказано, что он "находился в негласной опале". Похоже, что так. Но ведь официальный цензурного запрета не было. В книге "Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов 1941–1945" (М., 1968) опубликовано 24 документа, подписанных Аполлоновым. В сборнике документов и материалов "Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг." (М., 1975) его фамилия встречается 17 раз. А вот в энциклопедию он не попал. Почему?

Частично ответ даёт документ, подготовленный управлением кадров ЦК ВКП (б):

"С переходом на мирный период т. Аполлонов... ослабил внимание к вопросам укрепления политико-морального состояния личного состава и воинской дисциплины. В 1946 г. личный состав войск совершил большое количество воинских преступлений и аморальных явлений. В среднем за квартал нарушения дисциплины среди офицеров войск составляют 13%.

Тов. Аполлонов не уделяет должного внимания руководству политотделами войсковых управлений, слабо занимается воспитанием руководящих кадров, не ведёт решительной борьбы с проявлением мелко-

собственнических настроений со стороны отдельных руководящих работников войск и сам способен использовать служебное положение в личных целях. Так, в 1945 году в Краснотуркменском лагере военнопленных для него была изготовлена по заниженным расценкам дорогостоящая мебель...".

Вот это, несомненно, и ослабило, а позднее пошатнуло служебное положение и авторитет Аполлонова. Есть и другое мнение. Очевидно, что Аполлонов стал одной из жертв перетасовки руководящих кадров, начавшейся в МГБ СССР после отстранения от должности 4 июля 1951 г., а затем и ареста главы этого ведомства В.С. Абакумова. Так началась затейная И.В. Сталиным очередная кадровая чистка центрального аппарата госбезопасности. 9 августа того же года в МГБ пришел новый министр, С.Д. Игнатьев, а 17 дней спустя, согласно постановлению ЦМ СССР, пять заместителей прежнего министра, в их числе Аполлонов, были освобождены от занимаемых должностей.

Но с чем связана последующая опала Аркадия Николаевича Аполлонова – генерал-полковника, депутата Верховного Совета СССР, кавалера многих орденов, после 1953 года?

Здесь две причины: первая – длительное время он был заместителем Л.П. Берия, вторая (и, пожалуй, главная) – на нем лежал груз правовой и моральной ответственности за осуществление депортации ряда народов Кавказа, Крыма, калмыков, части населения Прибалтики, Западной Украины и других областей Советского Союза.

Такова драматическая судьба одного из руководителей советских пограничных и внутренних войск. В ней, как в зеркале, отразились противоречия той эпохи. Бывает, что человек сам является хозяином своей судьбы, но случается и так, что он становится жертвой либо пленником определенных обстоятельств. В жизни Аркадия Аполлонова воплотилось и то и другое. Может быть, он зря поменял в своё время фамилию: по-настоящему, с рождения, Аркадий Николаевич – Боголюбов...

Заместитель
главнокомандующего
внутренними войсками
МВД России
по военно-научной работе
генерал-полковник

ИСТОРИЯ

НА Б ЕВ ОМ
ПО СТУ

“МЫ НА ЗЕМЛЕ ТАК ПО ТЕБЕ СКУЧАЕМ”

Невыносимая боль утраты у Надежды Владимировны Танохиной со временем переросла в уверенность, что её сын выполнил свою великую миссию на земле. Не напрасными оказались его смелые мальчишеские поступки, боевое спецназовское крещение и смерть. В бою. За Родину...

Надежда Владимировна совсем не улыбается. В её печальных глазах затаилось горе. Но стоит ей начать рассказывать о Саше, светлеет все вокруг. Женщина словно окунается в прошлое, и это согревает её изнутри, возвращает что-то безвозвратно ушедшее...

Саша Танохин отправился служить после окончания первого курса института. Пришёл домой однажды и объявил, что бросает учёбу и идёт в армию, потому что не правильно это, когда за учёбу платят родители. “Отслужу, – сказал он, – и сам заработаю”. Ему не возражали, не уговаривали, знали, раз решил, значит, всё продумал. Мнение сына мать и отец всегда уважали. Потому не было никаких “охов” и вздохов. Служить – так служить.

– Отец Саше всегда говорил, что надо пройти армию, чтобы стать настоящим мужчиной, – просто и очень искренне говорит Надежда Владимировна.

Все лето до призыва Саша готовил себя к службе. Он ежедневно приходил к отцу на работу (тот трудился в охране), брал бронжилет и бегал в нём по 15 километров. Кроме этого, качался на тренажёрах. К тому же с детства занимался самбо, потому всегда был в себе уверен.

Мама вспоминает и будто вновь проживает всё заново. Ей хочется рассказывать о Саше, чтобы слушали и узнали, какой у неё сын. Она им гордится.

– В третьем классе он увлёкся моделями. Позже его заинтересовали мотоциклы, потом – автомобили. Случались аварии, жуткие аварии, но за-

канчивались они невероятно счастливым, – она замолчала, что-то обдумывая. – Видимо, так уйти из жизни ему было не суждено.

На слове “так” Надежда Танохина делает акцент. Для неё теперь, когда Саша не стало, всё, что происходило в жизни сына, имеет особый смысл.

Его призвали 25 ноября из Новоанганска Нижневартовского района Тюменской области. На проводы к нему собралась почти половина посёлка. Столько молодёжи, и всё так прилично. Служить Александра Танохина направили в Нижний Тагил в отряд специального назначения Уральского округа внутренних войск. Конечно, дома за него переживали, он это знал и потому часто присылал письма.

– Писал обо всём: сколько отжимается, с кем подружился, о том, что в первый же месяц службы пришлось за себя постоять, зато теперь к нему уже относятся с уважением. Сашин папа старался с детства внушить сыну мысль, что нам никогда не должно быть стыдно за него. Он это очень хорошо усвоил. А если что-то не получалось, сильно переживал. Так было, когда не смог с первого раза сдать экзамен на кравцовый берет...

Печальные глаза матери как будто вновь прочитывают каждую строчку из тех писем. В них её сын ещё живой и здоровый, справедливый и искренний, любящий и любимый. В комнате на видном месте его фотография: Саша в парадной форме, в кравцовом берете, на фоне российского флага. Молодой, красивый. И только в уголке портрета – траурная лента. Реальность, которую Надежда Танохина осознаёт скорее умом, но не сердцем.

...Их семья приехала в Новоанганск в 1984 году. Уже здесь родилась дочь Катя. Саше было полтора года. Надежда и Сергей с мирной русской фамилией Танохины учили своих детей истинным ценностям: справедливости, бескорыстию, честности и преданности Родине. Им Саша никогда не мог изменить. Поэтому не усомнились он в пра-

Всегда кажется, что разговаривать с матерью о её погибшем двадцатилетнем сыне – беречь незаживающую рану. И потому трудно бывает найти слова, подобрать правильные вопросы. Ещё труднее – написать о матери, пережившей такое горе. Она вспоминает только о сыне, практически ни слова не говоря о себе.

вильности своего выбора: ни в 2001 году, когда решил идти служить, ни в 2003-м, когда, уже командиром отделения, поехал в Чечню. “Это мои ребята, – сказал он тогда матери, – и я не могу их оставить!”. Она его поняла. Возражать не стала, хотя сердце разрывалось от нехорошего предчувствия.

– Он нашёл себя в армии и очень гордился, что служит в спецназе. – Надежда Владимировна вспоминает последний раз, когда видела сына живым: – Мы с мужем приехали в Нижний Тагил четвертого февраля, а пятого их торжественно провожали в командировку в Чечню. Вечером в гостинице сидели втрём до позднего, не могли наговориться, а утром было трудно вставать. Но Саша привычно проснулся рано и торопливо стал одеваться. Почему-то я вспомнила рассказ Николая Носова “Заплатка”, который часто читала ему в детстве: “У Бобки были замечательные штаны, зелёные, и так любил ими Бобка хвастаться...”. Потом замолчала, а Саша неожиданно продолжил: “Смотрите, – говорил он ребятам, – какие у меня замечательные штаны, солдатские!” – Она замолчала, но лишь на мгновение. – Саша ушёл из жизни солдатом, настоящим воином. Мы гордимся им.

Кажется, Надежда Владимировна и сейчас с сыном. Там, на окраине Грозного 30 мая 2003 года. С того дня она ведёт новый счёт времени, когда осколок гранаты, выпущенной противником из АГС, смертельно ранил её сына, предательски попав между листов бронжилета.

Помнит тот день и Саша Медведев. В отряде у Саши было два закадычных друга: Танохин и ещё один невысокий такой парень, которого звали просто Иваныч. Медведь (так в отряде называли Медведева) служил санитруктором. 30 мая ему не удалось спасти раненого тёзку, и тот скончался у него на руках. Похоже, это до сих пор не даёт ему покоя. Медведев сегодня часто приходит к Танохиным домой. Здесь его принимают как сына. Обычно общаются за большим круглым столом. За ним Саша Танохин встречал свой последний Новый год. Семья только-только перебралась в Тюмень. Он приехал домой в отпуск. В те дни и купили тот самый крутой стол, о котором всегда мечтала Сашина мама, а вместе с ним и видеокамеру. Саша тогда снимал родных и гостей, ему очень хотелось увидеть, какими все они станут через пять лет, и сравнить.

– В мае будет четыре года, как Саша не с нами... – Надежда Владимировна на мгновение замолкает, а потом, будто вспомнив, произносит: – Катя наша вышла замуж. И в память о Саше, она ведь у нас осталась одна, взяла двойную фамилию. Теперь она Танохина-Миронова. В конце мая ей рожать. Врачи говорят, будет сын. И мы все очень хотим, чтобы так и случилось.

Земляки называли именем Александра Танохина улицу в родном далёком сибирском посёлке Новоанганске. Уже два года подряд в мае в Новоанганске проводятся соревнования по борьбе самбо, посвящённые его памяти. Организует его Сашин тренер, четырёхкратный призёр чемпионата мира по самбо среди ветеранов Григорий Спивачук.

В ноябре прошлого года Надежда Владимировна Танохина ездила в Москву на встречу с министром внутренних дел генералом армии Рашидом Нургалиевым. Она благодарна Уральскому округу внутренних войск, что не забывают сына, не забывают семью, не забывают её.

Но только глаза женщины всегда остаются грустными. Может быть, внук, который – это тоже судьба! – должен родиться ровно через четыре года после гибели Саши, сможет вернуть ей радость жизни? Так хочется, чтобы эта ещё молодая женщина улынулась.

Мать, потерявшая единственного сына на войне, мечтает о внуке. Не каждая женщина её поймёт, потому что не каждая способна вырастить сына настоящим мужчиной и защитником своего Отечества. Сержант Александр Танохин, командир штурмового отделения взвода специального назначения, сумел постоять за интересы своего государства. Вот только опорой для матери стать не успел.

– Саша всегда стремился быть нужным людям, – вновь вспоминает о сыне Надежда Владимировна. – Значит, он выполнил своё предназначение...

Откуда эта женщина черпает свои душевные силы, как ей удаётся сохранять оптимизм и веру в людей, силу духа и любовь к жизни? Ни обид, ни озлобления, ни сетований на трудности. Напротив, каждое её слово пронизано любовью к людям, благодарностью и признательностью каждому, кто проявил хоть каплю участия.

Родина не забыла о своём защитнике. Посмертно Александр Танохин награждён орденом Мужества.

Боевые друзья передали семье Саши его кравцовый берет – символ силы, смелости, верности России. Ежедневно в группе отряда, где он служил, на вечерней поверке произносят его фамилию.

В ноябре прошлого года Надежда Владимировна Танохина ездила в Москву на встречу с министром внутренних дел генералом армии Рашидом Нургалиевым. Она благодарна Уральскому округу внутренних войск, что не забывают сына, не забывают семью, не забывают её.

Но только глаза женщины всегда остаются грустными. Может быть, внук, который – это тоже судьба! – должен родиться ровно через четыре года после гибели Саши, сможет вернуть ей радость жизни? Так хочется, чтобы эта ещё молодая женщина улынулась.

★
Старший лейтенант
Алла АВДЕЕВА
Фото автора и из
семейного архива ТАНОХИНЫХ

Памяти сержанта
Александра Танохина
посвящается...

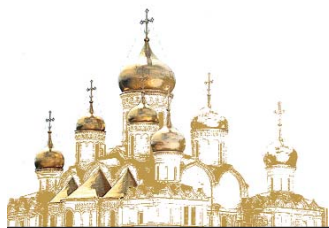
Разговор с сыном

Горит свеча, мерцает огонёк.
Нестойко пламя, словно жизнь людская.
“Летко ли там тебе? Ответь, сынок!
Мы на земле так по тебе скучаем!”
Стекает по свече горячий воск,
Как будто сын чуть слышно отвечает:
“Мне многое увидеть довелось,
Но я без вас здесь тоже так скучаю!
Я об одном жалел: не успел
Так много вам сказать – отсюда видно.
Я не успел сделать массу дел...
Но за всё то, что было, мне не стыдно.
Ребята-сверстие, ваш наказ,
Что перед армией давали, я запомнил.
И если хоть кого-то в жизни спас,
То долг мужской свой на земле
исполнил.

Спасибо, что вы помните меня
Таким, как был, родных не забывая.
И за турнир, в котором ребята
Мужской характер в схватках добывают.
Мам, я жалел только об одном,
Что не успел порадовать вас внуком
И не смог когда-то вам с отцом
Плечо подставить, протянуть вам руку.
Пап, умоляю, больше не казни
Себя за то, что не учил стигать!
В том, что случилось, нет твоей вины:
Удел мой – вечно молодым отдаваться...
Пап, ты такой надежный, как гранит –
Я так хотел быть на тебя похожим!
Не долго, но я был таким, как ты...
И ничего важнее быть не может!
Я слышал, Медведева, ты все пишешь!
Себя жалел, всех родных отринув!
Ведь ты же, гад, за нас двоих живёшь!
Выходит, зря я твой осколок принял?
Конечно же, не зря, я пошутил.
С Ивановичем вы были мне родными.
Я лишь хочу, чтоб ты достойно жил,
А сыну своему дал НАШЕ имя.
Пап, жалостно Медведев не калечь!
Я знаю – Саня заменил вам сына,
Но от невзгод насильно не оберечь...
Он должен сам понять, что он – мужчина!
Сестрёнка, я так счастлив за тебя!
Все то, что не успел я – ты успеешь.
Ты, так же, как и я, родных любя,
Сама опорой стать для них сумеешь!
Мгновенья нашей жизни метроном
Считает быстро, может, даже слишком.
Могу мечтать я только об одном:
Чтобы Катюха родила мальчишку!”
В отне вырастает для жизни газ...
Пойми, Россия, что-то происходит
Со всем не по-людски, когда от нас
ТАКИЕ парни в двадцать лет уходят...

Подполковник
Владимир БОХАН
февраль 2007 год, Екатеринбург

БЫТЬ С ХРИСТОМ – величайшее благо!

Пасха –
главный праздник
Православной церкви.
“Христос Воскресе!” –
провозглашает
духовенство в эти дни
во всех храмах.
“Воистину Воскресе!” –
радостно, хором
отвечают прихожане.
Хочется надеяться,
что среди них
в этот день будут
и военнослужащие,
и члены их семей.

Звучит пасхальное приветствие особенно торжественно, особенно победоносно. Ведь проповедь Воскресения Христова – проповедь живых свидетелей. До наших дней сохранилось несколько десятков письменных подтверждений этого удивительного события. Помимо апостолов, об этом говорили и известные учёные, и писатели того времени. Некоторые из них специально наблюдали за Гробом в ту ночь и стали очевидцами невероятного до-селе факта, когда мёртвое стало живым! Стать свидетелями, соучастниками этого торжества и призывает церковь всех своих чад, среди которых есть немало людей в погонах.

Пасха – событие всемирного, национального масштаба, поэтому в России она по праву является всенародным, общенациональным праздником, объединяющим всех её граждан, причём независимо от конфессиональной принадлежности. Знаю, что среди россиян, исповедующих ислам, есть семьи, где на Пасху тоже красят яйца, пекут куличи. Почему?

Воскресение Христово – это прежде всего победа над страхом смерти – то, что так важно в наши дни. Говоря о роли православия, Президент России В.В. Путин назвал традиционную веру наших предков одним из основных гарантов безопасности и независимости государства, наряду с ядерным оружием. Помнить об этом, хранить свою веру, традиции – наш священный долг. Было бы здорово, если в этот день военнослужащие приняли участие в богослужениях, а к солдатскому столу подавали крашеные яйца и куличи. В этом я не вижу нарушений чьих-либо прав, ведь мы всего лишь возвращаемся к нашим традициям.

Воскресший Господь сказал своим ученикам: “Вы примите силу и будете мне свидетелями... даже до края земли”. Апостолы, просвещённые Святым Духом, с радостью возвещали эту Истину всему миру! И это ещё одно чудо. Силами всего лишь нескольких человек – ближайших учеников Христовых, Свет Его Воскресения стал неудержимо разливаться по всей земле, изгоняя страх смерти и делая

жизнь – настоящей Жизнью, возвращая ей утраченный смысл. Ведь всё связанное с Христом, все Его слова и обещания “жизни вечной” имеют смысл только в Свете Его славного Воскресения. Потому что, если бы Христос не победил смерть, то для чего тогда Он вообще приходил на землю? Ради чего страдали его последователи, претерпели ужасные гонения и лютую смерть десятки тысяч мучеников? Если Христос не Воскрес и всё Его учение – обман и ложь, то, как писал апостол Павел, мы, христиане, “самые несчастные люди!”

Но Святая Церковь вот уже 2000 лет свидетельствует: “Христос Воскресе!” Явным подтверждением этого события является ежегодное сошествие Благодатного Огня на Гроб Господень именно в день Православной Пасхи и по молитвам православного архиерея!

Однако очень важно при таком торжестве не пропустить ни одного слова Евангелия, которое говорит нам: “В мире был, и мир... Его не познал. Пришёл к своим, и свои Его не

приняли”. Как же так? Как можно, будучи очевидцами этого события, отрицать его? И кто тогда эти “свои”?

Перед крестными страданиями Господь сказал апостолам: “Один из вас предаст Меня”. Они весьма оцепенели и начали говорить Ему: “Не я ли, Господи?”

Не стоит ли и нам с вами сегодня со смирением спросить у Господа: “Не я ли?” Не я ли своей жизнью являю нелюбовь к Христу, порой просто предавая Его? Не я ли ежедневно проявляю равнодушие и холодность к Нему? Не я ли игнорирую Его слова, обращённые ко мне? Не я ли оскверняю сквернословием свои уста, которыми произношу Его имя, возношу пасхальное приветствие? Не я ли по малодушию молчу, когда попирается правда, и не препятствую злу, хотя этого от меня требует мой долг христианина и воина? Не я ли вспоминаю о Нём только тогда, когда мне бывает плохо, и не хочу делить с Ним радость воскресных богослужений? Если только не кривить душой, трудно ответить на этот вопрос отрицательно.

Господь всех нас зовет на свой праздник, незирая на чины, звания и заслуги: праведных и последних грешников, воздержанных и ленивых, постигшихся и непостигшихся. Его голос звучит для всех с одинаковой любовью. Нет сейчас на земле уголка, где бы никогда не слышали про Христа. Он всё глубже и глубже входит в наше сердце, но ровно на столько, насколько мы Его туда впускаем. Ведь все мы имеем удивительную способность закрываться от Него, всё глубже уходя в бездонную пропасть греха, вплоть до Богоотвержения. Он не принуждает нас, Он хочет, чтобы мы любили Его свободно, добровольно; хочет, чтобы мы искали Его, звали на помощь в молитвах ежедневно, ежеминутно, благодарили за каждый прожитый день. Но, увы, как часто люди поступают наоборот, уклоняясь от Него и всё больше увязая в тине новых и новых грехов, бормоча в ответ лишь какие-то жалкие оправдания. “Не я ли, Господи?”

Но Христос Воскресе! Это самая лучшая проповедь, самое лучшее подтверждение Его победы над смертью, добра над злом, правдою над ложью! Почему же мы, имея такое очевидное и славное свидетельство, продолжаем жить, как ни в чём не бывало, ничуть не меняясь к лучшему? По-прежнему продолжаем врать, клеветать, осуждать, превозноситься, завидовать, лениться, сквернословить...

О, если бы только это! Нам нечего ответить на эти справедливые упреки совести, и мы оказываемся лжецами, потому что, являясь формально христианами, а значит, свидетелями этого величайшего события, живем так, будто его не было! Как будто оно нас лично не касается. “Не я ли, Господи?”

Бог есть любовь. Он милостив и не желает никому зла. Он принёс в мир свет Истины и отдал людям всего Себя. Но мы так холодны, так равнодушны к Нему и неужели нам не нужна Его бесценная жертва? Мы не ищем Света, стараясь укрыться “в тени” собственных предрассудков, оправданий и домыслов о каком-то личном, “карманном” боге, с которым вполне можно договориться. “Если бы судили сами себя, то не были бы судимы”, – с горечью констатирует апостол Павел. Выбрав вместо истинного Света “тьму”, люди своими делами обращают Бога в Судью, потому что Бог есть Свет, а тьма и Свет несовместимы. И если в наших душах, после Христова Воскресения продолжает пребывать тьма неверия, то виноват ли Бог в том, что мы не идем к Свету? “Не я ли, Господи?”

Тянет во тьму и отвращает от Света лишь до тех пор, пока делаешь зло, совершаешь грех. Но стоит хотя бы раз во имя Христа удержаться от греха или сделать что-нибудь доброе, как сразу почувствуем желание приблизиться к Свету. И пусть за спиной много сделанного зла, но тот, кто ради Христа перестал совершать новое, тот уже не боится Света, что он высветит его старые грехи. Кто светом Божиим высветил в себе зло и сам беспощадно осудил его в себе, тот уже оправдан!

Будем твёрдо верить, что из любой тьмы можно с Божьей помощью выбраться. Будем надеяться, что всякая душа, которая еще не растворилась во тьме, еще не погибла. Ведь для того и явился в мир Свет, чтобы побеждать даже самую страшную тьму.

Пусть примером такой веры станут нам наши славные предки. Великий русский полководец Александр Суворов учил: “Молись Богу, от Него победа!”. Всей своей жизнью он свидетельствовал значимость этих слов. Александр Васильевич был непобедимым именно благодаря своей пламенной вере в Господа: он никогда не пропускал утренних и вечерних молитв и неукошительно требовал этого от подчинённых: строго, даже находясь в походах, придерживался постов, был воздержан в пище и неприхотлив в быту, довольствуясь минимальным удобств. Хорошо известно его благочестие и любовь к простому солдату. Получив отставку, Суворов подал прошение императору постричься в монахи, а уже на смертном одре он со смирением, достойным великого человека, произнёс свое завещание: “Долго я гонялся за славой земной, но покой лишь у престола Божия!”

Христианство – это не школьная дисциплина, не вызубренный наизусть урок, необходимый только для того, чтобы заставить людей лучше выполнять свои земные обязанности. Наоборот, все наши земные дела имеют смысл лишь тогда, когда они совершаются во имя Христа, для того, чтобы достичь Христа, потому что Он – Истина, Он – Вечная Жизнь и Вечное Благо.

Христос Воскресе, мои дорогие! Взором, полным милосердия и силы, Он смотрит на всех нас и ждет, когда же мы наконец ответим Ему взором веры и надежды. “Не я ли, Господи?”

От всей души поздравляю командование внутренних войск, всех военнослужащих, ветеранов, членов их семей со светлым праздником Христовой Пасхи, желаю вам скорее прийти к Свету, приобретя через это главное богатство на земле, а вместе с ним здоровье, счастье и вечную радость.

Христос Воскресе!

★
Протоиерей
Вячеслав РЕЗНИКОВ,
настоятель храма
Покрова Божьей Матери
поселка Тарасовский
Московской епархии

НАВСТРЕЧУ 200-ЛЕТИЮ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

ПЕРВЫЙ КОМАНДУЮЩИЙ

У императора Александра I не было сомнений, кому доверить командование особым родом войск – созданной весной 1811 года внутренней стражей. Разумеется, сей важный пост должен занять “государев человек” генерал-адъютант граф Е.Ф. Комаровский. Именно он разработал и подал царю проект о реорганизации всей существовавшей на тот момент малоэффективной военно-охранительной системы. Кому же, как не ему, и руководить “военной внутренней стражей”, заступившей на охрану “тишины и спокойствия” в государстве Российском.

Будущий первый командующий внутренней стражи родился 18 ноября (по старому стилю) 1769 года в семье потомка польского шляхтича Федота Афанасьевича Комаровского, служившего чиновником канцелярии императорского двора.

Дворянский отрок, согласно существовавшему в высшем обществе обычаю, в раннем возрасте был “записан на военную службу сверх комплекта” сержантом лейб-гвардии Преображенского полка – детища Петра I. Формально числясь на службе, он обучался в одном из лучших в столице частных учебных пансионов, по окончании которого получил весьма приличное по тем временам всестороннее образование. “Грамоте по-русски, по-французски и по-немецки читать и писать умею и разные части математики знаю”, – значилось в послужном формуляре Комаровского. Гражданской службе Евграф Федотович предпочёл военную карьеру и поступил в кадетскую роту лейб-гвардии Измайловского полка.

Сержанту Комаровскому посчастливилось “состоять для курьерских посылок” при влиятельнейшем царе-

дворце А.А. Безбородко, который занимал пост канцлера и являлся фактическим руководителем российской внешней политики. Благодаря этому подарку судьбы, молодой гвардеец объехал столицы большинства европейских государств – Вену, Париж, Берлин, Лондон. Бывая за рубежом, Комаровский не терял времени даром – изучал принципы государственного и особенно военного, а также полицейского устройства в Европе.

В августе 1792 года Комаровский получил первый офицерский чин – прапорщика лейб-гвардии Измайловского полка. Спустя всего семь лет он уже полковник и личный адъютант великого князя Константина – второго сына императора Павла I.

В 1799 году русские войска под командованием А.В. Суворова отправились в Итальянский поход против французов. При переходе армии Суворова из Италии в Швейцарию Комаровский командовал сводным гренадёрским батальоном. Вместе с чудо-богатырями переходил Альпы. Сражался с французами у Сен-Готарда и Чёртова моста.

Вступивший на престол Александр I, разглядевший в Комаровском незаурядные организаторские способности, зачислил его в свою свиту, произвёл в генерал-адъютанты и назначил помощником столичного генерал-губернатора по полицейской части.

...Во главе внутренней стражи Е.Ф. Комаровский находился восемнадцать лет. За это время превратил “войско внутреннего употребления” в совершенную военную структуру с четко определёнными задачами и стройной системой управления. За верную службу был отмечен многими орденами и произведён в чин генерала от инфантерии.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
Апрель

В этом месяце:

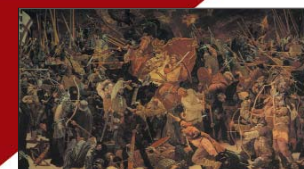
5 апреля

• 1932 г. – Постановлением Совета народных комиссаров СССР на войска ОГПУ возложена задача организации противовоздушной обороны охраняемых ими транспортных и промышленных объектов, в связи с чем было сформировано 38 зенитно-артиллерийских и зенитно-пулемётных дивизионов в составе частей по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности. В наши дни артиллерийско-зенитные подразделения выполняют задачи в составе оперативных соединений и частей внутренних войск МВД России.

12 апреля

• День воинской славы России: разгром войска Тевтонского монашеского ордена дружиной и новгородским ополчением под предводительством князя Александра Ярославича (Невского) на Чудском озере.

16 апреля

• 1934 г. – Учреждено звание Героя Советского Союза. Первыми среди военнослужащих внутренних войск его были удостоены участники советско-финляндской войны 1939-1940 гг.: А.Г. Лужецкий, И.М. Кобзун (8-й мотострелковый полк войск НКВД) и Г.В. Кузьякин (3-й мотострелковый полк войск НКВД). Последним Героем Советского Союза во внутренних войсках стал офицер софринской бригады оперативного назначения Олег Бабак, погибший 7 апреля 1991 года в Нагорном Карабахе, у села Юхары-Джибиكلي.

18 апреля

• 1923 г. – Учреждено спортивное общество “Динамо”. Немало динамовцев, мировых чемпионов и рекордсменов, проходили и проходят службу во внутренних войсках.

26 апреля

• День памяти погибших в радиационных авариях и катастрофах. Свыше 14 тысяч военнослужащих внутренних войск приняли участие в ликвидации последствий беспрецедентной аварии, произошедшей в этот день 1986 года на Чернобыльской атомной электростанции.

28 апреля

• 1891 г. – Разработана 3-линейная (7,62-мм) пятизарядная винтовка системы Мосина – знаменитая впоследствии “трёхлинейка”, находившаяся на вооружении русской, а затем Советской армии больше 60 лет. В годы Великой Отечественной войны она стала грозным оружием снайперов, подготовленных в подразделениях внутренних войск НКВД СССР.

30 апреля

• 1904 г. – Нижние чины конвойной стражи России получили право быть награждёнными серебряной медалью “За усердие”.

НАМ ДОРОГА НАША ИСТОРИЯ

КАЛЕНДАРЬ

АПРЕЛЬ 2007

“ОМСК” УБИВАЛИ В БАМУТЕ

Бамут был раздолбан вдрызг. На солнцепёке, на краю заросшего бурьяном огорода стоял танк “семьдесятдвойка” с коротким русским словом “ОМСК” на башне и раненой пушкой – ствол из крепкого металла был рвано укорочен. Рядом на костерке коптился-закипал чайник.

– Чайком угостишь, брат? – спросил вышедшего из полуразрушенного дома мужичка в тельнике.

– Это запросто.

Выяснилось, что у приданных оперативному полку 100-й ДОН братишек-танкистов настроение не самое лучшее: мало того, что во вчерашнем бою лишились пушки, так ещё и законного денежного содержания два месяца не дают.

Дожидаюсь, пока заварится чаёк, познакомились, закурили, разговорились. Механик-водитель сержант-контрактник Владимир Антонов сразу расположил к себе. Он, видно, с первых минут разговора просёк, что интерес у меня к его персоне не праздный, что не ласы-баласы пришёл я точить, но вызвать нечто для истории этой непонятной во многом войны. Стал он рассказывать живо, без утайки:

– Вчера утречком, где-то часов в пять – начале шестого, поступила команда выехать на дорогу в помощь заставе: там “духи” взвзванный БТР обложили. Чтобы времени не терять, рванули мы напрямки. Успели один выстрел сделать, прикрыв БТР, башню развернули, потому что с домов, с флангов “духи” поливали огнём. Оттуда вспышка – и нам в ствол, хорошо хоть не в башню... Что-то противотанковое – РПГ или ПТУР. Чуть не полстола оторвало, попали прямо туда, где ресивер стоит.

Мы из танкового батальона 205-й бригады, весь экипаж из Омска, здесь два месяца...

– А почему контракт?

Ответ, признаюсь, меня поразил.

– Первое – заменил сына. – Антонов выдержал паузу и, будто прочитав в моих глазах немой вопрос, пояснил: – 19 мая моего сына призвали

в армию. Чтобы он сюда не попал, я договорился его отправить на Дальний Восток служить, а сам – сюда. Второе – надо где-то зарабатывать. Я два с половиной года без работы. Шабашничал где удавалось: и трактористом, и плотником, и штукатуром, и монтажником – на всё соглашался. Детей-то у нас с женой четверо...

И тут чисто случайно узнаю, что есть теперь такая служба – по контракту. А я сына в военкомат привёл. Спрашиваю у старшего их команды: что, куда, как, почём? А он: “Сначала в учебку, мол, направим, а потом в Чечню”. Я его спрашиваю, как все родители делают, дескать, как сына от этого “отмазать”. Он говорит: “Если кто-то из семьи будет в горячей точке, значит, больше никого туда не пошлют”.

Поехал в облвоенкомат договариваться о контракте. Там, правда, мне предложили в Омске остаться инструктором по вождению – я ведь в Афгане в танковом батальоне спецназа служил, по сопровождению колонн.

От Омска я отказался, так как слово уже дал, что поеду в Чечню. А для меня слово – это закон. Ну и всё – оформил документы, потом очередную партию новобранцев привёз на сборный пункт. В списках нахожу сына – отправлен на Дальний Восток, в ВВС...

– Значит, четверо детей... – повторяю – переспрашиваю, представляя его жену, с тремя малыми на руках, старший-то сын и муж надели военную форму по разным причинам: один, чтобы исполнить священный долг, другой – чтобы заработать денег для раздачи долгов и прокормления семьи...

– Евгений, которого призвали, у меня старший. – Голос нового моего знакомого теплее и, кажется, даже чуть дрожит от нежных сердечных воспоминаний. – Ещё один – школьник, и двое дошколят, дочке – пять, меньшому – четыре.

В жизни надо что успеть: посадить дерево, построить дом, да чтобы подпорок к старости было четыре, а лучше – пять. Я четыре подпорки себе обеспечил: что со мной случится, за-

мена экипажу стопроцентная есть – три сына. А дочка, если что, санитаркой пойдёт. Это всё, конечно, шутка – лучше бы им сюда не попадать.

А вот что я сюда попал – просто счастливый случай...

Я пришёл, чтобы пацаны этого мрака не видели. Мальчишки, контуженные здесь, сейчас хорохорятся, а лет через десять-пятнадцать им аукнется. Как у меня получилось...

Закипел чайник. Мы попили крутого, чёрного, любимого и в холод, и в жару напиток. Последними словами Антонова были: – Бывайте здоровы, товарищ полковник! Может, свидимся ещё!

Его убили... через два дня после той встречи в Бамуте. Там снова был бой. Поскольку танк стоял без орудия, сержант Антонов отправился в окоп к бойцам-взвзванным, чтобы помочь сынкам. Тридцативосьмилетний русский мужик не спрятался ни под брёвном, ни за кирпичной стеной. “Духовской” гранатой ему оторвало ногу.

Об этом мы с фотокором Олегом Смирновым узнаем через месяц. В походном блокноте остался омский адрес, по которому Владимир просил выслать его фронтовую фотку, если получится. Фотка-то получилась, но альбом вместо дембельского вышел траурным. Наталья Антонова, вдова с четырьмя детьми, получит сто двадцать окладов механика-водителя танка – бешеные деньги. С ума сойти!

Пожалуйста в письме, что никак не придёт обещанная за солдатский подвиг награда мужа. Пришлось звонить “наградникам” из Минобороны, обращаться за содействием к коллегам из газеты 58-й армии. Они опубликовали историю простой и героической жизни сержанта Владимира Антонова.

Спустя какое-то время от Антоновых пришло письмо. Мы узнали, что орден Мужества семье наконец-то вручили, в местном военкомате. А ещё, как самый достоверный документ, мы прочитали последнее пись-

мо танкиста. Мурашки пробежали по спине – Владимир описывал те самые два ночных боя, что выпали в Бамуте и нам с Олегом Смирновым. Причём в последнем мы были с Антоновым в какой-то сотне метров друг от друга – в разных батальонах одного и того же полка.

“Пишу не для того, чтобы ты переживала, а чтобы очистить свою душу от недомолвок. Думаю, что лучше горькая правда, чем сладкая ложь. 22.07 (1995 год. – Б.К.) всю ночь до утра шёл бой. Наш танк пострадал, прямым попаданием оторвало ствол. Было жарковато. А на следующий день стало совсем жарко. Наш экипаж воевал вместе с пехотой (полк оперативного назначения ВВ. – Б.К.). Бой длился с 11 вечера до 8 утра. Если б ещё полчасика, они бы нас смяли: патроны на исходе, гранаты кончились. Мой автомат стал синий – два с половиной цинка расстрелял. Теперь ждём, когда опять пойдут. Но боеприпасов нам подкинули, должно хватить. Лично у

меня сейчас два цинка и семь гранат. Утром рассказали, что на то место, где я сидел с пулемётчиком, навалилось слишком много, а ушло мало. У меня, наверное, волосы поседел, когда задним числом представил себе эту картину. Ты, моя родная, и вы, маленькие, не переживайте за меня – тогда мне будет спокойней. Я знаю, как вы меня любите и ждёте, так что благодаря вашей любви и живу. Сейчас буду перечитывать ваши два письма, глядя на фотокарточки. Пиши, я очень жду...”

Вот и мы с Олегом двенадцать лет спустя перелистываем тот бамутский блокнот, разглядываем памятные снимки.

В памяти чётко отложилось сказанное танкистом Антоновым, вчерашним безработным из Омска: “А что сюда попал – просто счастливый случай!”

★
Борис КАРПОВ,
полковник запаса
Фото Олега СМЕРНОВА

ОСОБЫЙ КОНВОЙ за три моря

В самом начале сентября теперь уже далёкого 1973 года начальник штаба 2-го батальона 236-го конвойного полка внутренних войск МВД СССР майор Николай Морковкин, как обычно, находился в расположении своей части и привычно занимался повседневными делами – планировал проведение занятий с личным составом, готовил документы на отправку плановых караулов. Если бы начштаба сказали, что спустя всего несколько дней он с несколькими сослуживцами и табельным “макаровым” под штатской одеждой окажется за тысячи километров от места дислокации полка на противоположной стороне земного шара, Морковкин подумал бы, что его разыгрывают...

Майор Н. Морковкин и лейтенант Р. Гурчиани у входа на территорию виллы, в которой они проживали, и сама вилла.

Рутинную работу майора прервал пронзительный телефонный звонок. В трубке послышался встревоженный голос комбата:

– Николай Николаевич, срочно зайдите к командиру полка.

“Наверное, опять какая-нибудь экстренная вводная”, – пронеслось в голове майора, поспешившего на вызов начальства. И в своём предположении он не ошибся – вводная действительно оказалась экстраординарной...

Переступив порог кабинета командира полка, Морковкин про себя отметил, что его хозяин полковник

Евгений Мальцев выглядит чрезвычайно озабоченным. Разговор с подчинённым он начал совсем не так, как всегда. Не поинтересовавшись о состоянии дел в батальоне, сразу объявил, что майору, как наиболее опытному офицеру полка и умелому организатору службы конвоирования подследственных и осуждённых, предстоит возглавить специальный, вернее, особый караул.

– Это будет необычный конвой, – многозначительно добавил полковник, – за рубеж.

Куда и когда предстоит ехать, командир полка не уточнил. Вместе с

тем слегка опешившего от неожиданности майора предупредил, что для выполнения особо важной задачи ему уже прямо сейчас следует выбрать себе помощника из числа передовых и морально устойчивых офицеров батальона. Кроме того, необходимо отобрать трёх наиболее подготовленных и надёжных караульных – из состава военнослужащих срочной службы.

В конце разговора комполка заметил, что служебное задание личному составу караула предстоит выполнять в гражданской одежде. Ну а так как вещевая служба полка не име-

ет в наличии штатского платья, то его придётся брать из собственного гардероба. А значит, солдаты-срочники должны быть москвичами.

Подытоживая своего рода предварительный инструктаж, полковник намекнул, что всё услышанное следует пока держать в секрете от сослуживцев и от членов семьи.

Необычное распоряжение командира полка, разумеется, озадачило майора Морковкина. Но не настолько, чтобы полученная вводная смогла бы выбить из привычного ритма штатной работы немало повидавшего на своём веку офицера-конвойника.

Своим помощником Николай Николаевич предложил назначить лейтенанта Роена Гурчиани – командира передовой роты. Караульных тоже подобрали без проблем – весь личный состав батальона отличался высокой дисциплиной и добросовестным исполнением служебных обязанностей. Выбор пал на москвичей – ефрейтора Кашаева, рядовых Бузанова и Храменкова.

Дня через два-три весь состав караула вызвали на инструктаж к начальнику штаба внутренних войск генерал-лейтенанту Б.И. Чугунову. От него узнали, что командировка предстоит на Кубу. Цель – доставить под конвоем двух граждан СССР, осуждённых на двадцать пять лет каждый за убийство двух кубинцев. Далее генерал, следуя незыблемым идеологическим постулатам того времени, напомнил, что советские граждане, тем более военнослужащие, находясь за границей, должны вести себя достойно – быть бдительными, дисциплинированными, не поддаваться на провокации и не опозорить неблагоприятными поступками честь и достоинство великой страны.

Около недели ушло на оформление загранпаспортов и утряску всевозможных межведомственных формальностей. Перед убытием караула представитель МИДа провёл с военнослужащими долгую и утомительную беседу. Он напомнил, что Куба – дружественное СССР государство, ставшее под руководством неггисамо “команданте Фиделя” на социалистический путь развития. Но, несмотря на это, советскому человеку на острове Свободы следовало быть бдительным и осторожным, накрепко запомнить, что делать нельзя и что можно. Причём из наставлений мидовского чиновника вы-

ходило, что “нельзя” в несколько раз было больше “можно”.

Гражданскую одежду каждый выбрал из своего домашнего гардероба. При этом обязательное условие – однотонный костюм, белая рубашка и галстук – было неукоснительно соблюдено.

Несмотря на конфиденциальность поездки, её маршрут почему-то был открыто обозначен в несекретном приказе командира полка по строевой части от 17 сентября 1973 года: “Полагать убитыми... в служебные командировки: а) в особый караул Москва – Гавана (Республика Куба)... (далее перечислялись фамилии пятерых военнослужащих)”. Видимо, служебный вояж за рубеж на самом деле не представлял такого уж большого секрета, как это преподносилось на инструктажах.

После объявления приказа личный состав особого караула вооружили пистолетами Макарова с двумя снаряжёнными магазинами и выдали каждому по оперативной кобуре – для скрытого ношения оружия. На служебном автомобиле отвезли в столичный аэропорт “Внуково”. Там вручили загранпаспорта и авиабилеты. Регистрацию и посадку на самолёт с оружием прошли без проблем. Об этом заранее позаботились соответствующие органы. Самолёт Аэрофлота взмыл в небо и взял курс на остров Свободы.

Спустя какое-то время неожиданно выяснилось, что авиалайнер будет делать промежуточную посадку для дозаправки и смены экипажа в столице Марокко – Рабате. При этом все пассажиры должны покинуть самолёт и пройти в здание аэропорта. Следовательно, вновь личный досмотр. Найдут оружие, арестуют. Международный скандал неизбежен. Что делать? Начальник караула понял, что его команда из-за недоработки должностных лиц, отправлявших вооружённых людей за рубеж, попала в критическую ситуацию...

Морковкин попробовал переговорить с командиром экипажа и упросить его принять на хранение оружие на всё время полёта. Но тот категорически отказался. Тогда стали лихорадочно искать выход из практически безвыходной ситуации. Посоветовавшись между собой, майор и лейтенант решили воспользоваться одной простой “военной хитростью”...

Тем временем самолёт совершил посадку в Рабате и стал выруливать

на стоянку. Пассажиры засобирались на выход. И только пятеро из них, как ни в чём не бывало, оставались на своих местах.

По распоряжению майора члены караула незаметно сняли оперативные кобуры с оружием и спрятали их в объёмные карманы, находившиеся на спинках впредстоящих кресел. Затем двое бойцов получили приказ вести наблюдение за лётным полем в иллюминаторы по левому и правому борту. Если к самолёту начнут приближаться полицейские либо служащие аэропорта, всем следовало притвориться якобы захмелевшими от спиртного и заснувшими во время полёта. Авось пронесёт...

Но никто из сотрудников аэропорта даже не хватился нескольких пассажиров, оставшихся на борту самолёта. Тем временем лайнер отбуксировали на дозаправку, затем вернули на прежнее место для посадки. Вскоре воздушный корабль взлетел и взял курс через Атлантику – на Кубу. Замаскированные военнослужащие облегчённо вздохнули – пронесло...

Полёт длился около двенадцати часов и завершился благополучно. В аэропорту Гаваны караул встретил представитель советского посольства. Провёл к отдельному выходу, где личный досмотр не производился.

Автомобиль доставил караул в здание дипмиссии. Там оружие сдали на хранение. После чего на этой же машине уставших от длительного перелёта военнослужащих привезли на виллу с бассейном во дворе, принадлежавшую некогда какому-то американскому миллионеру. Здесь солдатам и офицерам в непривычно шикарной обстановке предстояло прожить около двух недель в ожидании советского сухогруза “Ленинский комсомол”. На нём-то и должны были доставить осуждённых в Союз. Все это время они питались в столовой воинской части, расквартированной неподалёку. Что характерно, военнослужащие части хоть носили униформу Революционных вооружённых сил Кубы, но разговаривали по-русски.

На следующий день пошли знакомиться с Гаваной.

– Как вы думаете, с чего мы начали осматривать незнакомый город? – спросил Николай Николаевич во время нашей беседы и сам же ответил: – Конечно, с местной тюрьмы.

Гаванский застеноч оставил у советских конвоиров тяжёлое впечат-

Военнослужащие особого караула на улицах Гаваны.

ление. В мрачном каземате диктатор Батиста содержал самых опасных врагов режима и злостных преступников. Приговорённых к смертной казни в те времена не расстреливали. Их скормливали акулам. Рядом с застенком имелось что-то вроде небольшого бассейна с морской водой, кишевшего голодными морскими чудовищами. Несчастных подводили к краю бассейна и сталкивали в воду. Через мгновение от них ничего не оставалось... Br-r-r!

После такой «экскурсии» пошли прогуляться по улицам Гаваны. Экологические пальмы, тропические солнце, голубое небо и красивые девушки быстро развеяли мрачное впечатление от местной тюрьмы.

Две недели солдаты и офицеры провели в Гаване словно туристы. Каждый день гуляли по городу, плавали в огромном общественном бассейне с морской водой, набирались впечатлений, чтобы было о чём рассказать по возвращении домой. Наконец в посольстве сообщили:

— Будьте готовы, сухогруз завтра приходит в порт.

На торговом корабле каюты для перевозки пассажиров не предусмотрены. Однако на корме нашлось два небольших помещения. В одном разместились караул, а другое после переоборудования должно было стать камерой для арестантов.

Майор Морковкин и лейтенант Гурчиани тщательно осматрели каюту для заключённых. В ней, как на грех, оказалось аж четыре иллюминатора, через которые человек мог без особых усилий вылезти наружу.

Поэтому с внутренней стороны к иллюминаторам пришлось приварить электросваркой стальные полосы. Получилось некое подобие тюремных решёток. Входную дверь оборудовали глазком для наблюдения за преступниками и врезали надёжный замок.

В день отплытия кубинские блюстители порядка доставили двух человек в наручниках и сопроводительные документы в опечатанном конверте, вскрывать который категорически запрещалось. Однако караулу все равно стало известно, что жестокое преступление — убийство двух кубинцев — было совершено ими в нетрезвом состоянии. Вместе выпивали, потом что-то не поделили...

С арестантов сняли кубинские наручники и тут же надели свои, отечественные. Они надёжнее. Затем осуждённых завели в каюту-камеру, где в соответствии с инструкцией провели тщательный обыск: всю одежду буквально по сантиметру прощупали. Ничего запрещённого не выявили. Преступников освободили от стальных «браслетов» на всё время плавания. Снаружи у двери выставили круглосуточную трёхменную вооружённую охрану.

Плавание проходило в обычном режиме. Только в центре Атлантического океана корабль попал в сильнейший шторм, продолжавшийся более двух суток. Огромные волны бросали немалых размеров морское судно вверх-вниз, словно щепку. Конвоиры впервые испытывали на себе все «прелести» морской болезни. Ощущение не из приятных. От постоянного головокружения и

невыносимой тошноты невозможно было ни стоять, ни сидеть. Только лежать, глотая воздух и цепляясь руками за металлические поручни кроватей. Даже часовые у камеры вынуждены были нарушать устав и нести службу не иначе как лёжа на матрасе.

Наконец «Ленинский комсомол» прошёл Гибралтар — пролив, разделяющий Европу и Африку. Плавание по Средиземному и Черному морям стало для негласных пассажиров сухогруза истинным наслаждением. Все свободное от службы время они проводили на палубе и любовались морскими пейзажами, словно сошедшими с картин Айвазовского. В одесском морском порту необычных путешественников ждал встречный караул от местного конвойного полка. Бойцы в краповых погонах усадили арестантов в специальный автомобиль, именуемый на конвойном сленге автозаком, и увезли в следственный изолятор.

А особый караул в середине октября скорым поездом Одесса — Москва прибыл в столицу. Сослуживцы, не видевшие своих коллег около месяца, удивлённо расспрашивали их, где это они отдыхали и так здорово загорели.

Военнослужащих, успешно выполнивших сложную и ответственную задачу, никак не отметили. Видимо, сочли, что поездка на Кубу за счёт государства уже являлась своеобразным поощрением.

Дальнейшая судьба вынужденных путешественников на острове Свободы сложилась по-разному. Сам майор Морковкин спустя год после командировки на Кубу уволился в запас по выслуге лет. Его бывший помощник, лейтенант Гурчиани, окончил Академию МВД СССР, дослужился до подполковника. Военную службу завершил в 1988 году командиром отдельного военно-строительного батальона внутренних войск. Офицеры давно уже на заслуженном отдыхе, но по-прежнему поддерживают дружеские отношения. Правда, из-за преклонного возраста встречаются не часто, но обязательно перезваниваются по телефону, поздравляют друг друга с праздниками, вспоминают подробности той необычной командировки за океан...

★
Николай СЫСОЕВ,
полковник запаса
Фото из личного архива
Н. МОРКОВКИНА

*Господи Иисусе Христе,
Сыне Божий,
помилуй мя грешного.*

Иисусова молитва

ЗАВЕТНЫЙ ЖИВОЙ ОСТРОВ

Эти два фильма вышли на экраны почти враз, и уже киномены и кинокритики предвкушали их соперничество на раздаче Никитой Михалковым «Золотых орлов» от Киноакадемии. Но ожидаемой борьбы двух лент и двух киногорупп за первенство не получилось — «Остров» взял шесть призов по основным номинациям, «Живой» — ничего. А ещё, в угоду теперешним рыночникам, подсчитали миллионы, которые Павел Лунгин с «островной» своей командой «отбил» в первые же недели показа — сумма получилась впечатляющая.

Главное же достижение, неожиданное и радостное, в том, что «Остров» душевно приняла Русская православная церковь, лично Патриарх.

Заметно было то, что вокруг «Острова», несмотря на незаурядность этого кинопроизведения, не было докучливой шумихи, как чуть ранее с «9-й ротой», оказавшейся, по большому счёту, громкой хлопашкой с разноцветными конфетти. И с восторгом нашими ответами Голливуду — двумя «круглосуточными» «Дозорами». Для таких экранных вещей один мой знакомый придумал однажды меткий эпитет — «киноварь» (сернистая ртуть — ярко, но ядовито).

Умный, поучительный, стало быть, созидательный фильм нельзя сделать без серьёзной литературной основы. Мысль закладывает автор сценария. А уж доводят её до зрителя режиссёр, оператор, своим талантом или хотя бы незаурядными способностями заставляющие играть нужными красками актёров, которых тоже надо выбрать с дальним умыслом.

В «Острове» всё это сложилось как по провидению. Драматическая история (сценарий Дмитрия Соболева) отца Анатолия (артист Пётр Мамонов) проста как мир: волею фронтowych смертельно опасных обстоятельств молодой морячок по принуждению фашистов стреляет в своего товарища. Налицо — грех предательства и трусости. Анатолий, мелкая душа, ползал перед супостатами на коленях. Выманивал жизнь себе и пистолет, чтобы убить сослуживца, не погнушался взять. Шкипер Тихон с презрением плюёт в предателя, прежде чем после выстрела упасть за борт.

Знаки-символы-вешки расставлены по всему фильму. Поначалу православные братья-монахи спасают Анатолия. Он и остаётся в предельной этой обители, чтобы... Скрыться от правосудия? Нет, наоборот — чтобы

обречь себя на долгие годы покаянных молитв и тяжкого физического послушания. Больше тридцати лет катает он тачку с углём, топит котельную, согреть православную обитель. И возносит молитвы, покаянные молитвы. Даже в неурочные минуты, редкие светлые минуты, под звон колокола он расцветает по собственному канону:

Господи, помилуй, Господи, прости.

Помоги мне, Боже, на моем пути.

Я так слаб душою,

телом тоже слаб,

И страстей греховных

я преступный раб.

Игумен отец Филарет (артист Виктор Сухоруков) называет его проказником. Отец Иов (артист Дмитрий Дюжев) старца-кочегара любит, но подозревает в неприязни к себе отца Анатолия. Считают его тронутым умом, чудак. Да всё не так, отцы и братья-островитяне! Главный персонаж лунгинской картины сродни юродивым Христа ради. Эти святые, избравшие свой особенный, очень редкий и очень сложный путь спасения, отличались полным пренебрежением ко всем благам жизни, эти подвижники не боялись говорить правду

в глаза даже сильным мира сего, радовали и утешали людей благочестивых и богобоязненных. За подвиги самоотречения Бог награждал их дарами мудрости и прозорливости.

На дворе 1976 год — время советское, атеистическое. А на дальний северный остров едут и едут паломники — страждущие и немощные. Отец Анатолий наставляет (запрещает растерявшейся молодежи делать аборт), провидит (утешил вдове тем, что муж её жив, а вовсе не убит на войне), исцеляет (поставил мальчика Ваню на ноги) и отчитывает бесноватых (вернул к нормальной жизни дочь своего нежданного Тихона).

А как он своих собратьев по обители, которые и образование его, и само и должностью повыше, вразумляет и иносказательно научает — это ж любо-дорого поглядеть-послушать! Отец Филарет, батюшка незлобивый и по-детски наивный, признаётся после “урока”, данного ему Анатолием, когда тот спалил архиерейские мягкие сапоги, утопил греческое тёплого одеяло да чуть не уморил дымом в кочегарке самого игумена: “Смерти испугался, маловерный. Добродетелей во мне мало, а грехов много...”

Отец же Иов был просто изведен грехом зависти — он, видите ли, тоже хотел посвятить себя служению людям, а миряне православные издалека едут непременно к отцу Анатолию. Хочет Иов, чтоб старец Анатолий помолился за него, спрашивает чуть ли не в отчаянии: “Ну что тебе сделать?” Ответ отца Анатолия не требовательный, но приторно-жалостный: “Прости меня!”

“Прости меня!” — просит он и испосланного ему адмирала Тихона Петровича, бывшего шкипера, преданного и расстрелянного. И когда тот отвечает умиротворённо, искренне: “Давно простил”, наш старец произносит с великим облегчением слова, едва ли не последние в своей жизни: “Тихон, иди с миром. Господь с тобой!”

Вот суть православной веры: истинное покаяние и искреннее прощение. Умирать не страшно. Страшно пред Богом стоять.

Если поначалу отец Анатолий горько сетовал: “Меня тут чуть не святым сделали, а какой я святой? Меня за грехи удавить мало! Мира нет в душе...”, то в конце фильма и в конце жизни своей земной признался он: “У меня в душе ангелы поют”. Это оттого, что живым увидел он бывшего шкипера и нынешнего вице-адмирала Тихона, на которого по малодушию когда-

то руку поднял.

“Остров” — фильм-притча, фильм-научение, фильм-проповедь. Вот почему его полезно было бы показать нашему воинству в солдатских клубах, а ещё лучше — поротно или повзводно в комнатах информирования и досуга, там поуютнее будет, душевнее, доходчивее...

“Живой” сделан менее живым — пусть звучит тавтологично, но, по-моему, это так. Постулаты истинной православной веры в этой картине не просто размыты — они порою оспариваются. Осмеиваются. Подвергаются сомнению, пусть и персонажами-призраками. Да и не призраки это вовсе — это души неприкаянные бродят, дожидаясь сорокового дня.

Прём шкатулки с двойным дном, с раздвоением личности главных героев, с их снами-видениями — не нов. Здесь желание помудреть завело авторов (и зрителей) в путаную двойную игру, где каждый будет рассуждать по своему разумению и без толкового нравования, запросто может пойти по неверному пути в искании истины, по пути греховному, пагубному. И вслед за безногим солдатом, у которого “крыша слетает”, может и молитвенник в грязь швырнуть, и более тяжкий грех совершить.

Авторы “Живого” (сценарист Игорь Порублёв, режиссёр Александр Велединский) не первыми взялись за пресловутую тему чеченского (или постчеченского) синдрома. Были уже талантливы сработанный “Мой сводный брат Франкенштейн”, боевичок-стрелялка “Война”, душеспасительный сериал “Карусель”.

В “Живом” пытаются ответить на те же мировоззренческие, религиозные вопросы, что и в “Острове”.

Вот, к примеру, диалог Кира и его тёзки молодого батюшки отца Сергия:

— А что будет, если человека убили?

— На войне?

— А какая разница?

— Есть разница.

— А если не на войне убили, а так просто, что тогда делать?

— Каяться.

Считают ли подтверждением покаяния тот факт-символ, что безногий отчаявшийся солдат ставит рядом с могилами своих боевых товарищей крестик из прутьев, а вместо могильной плиты оставляет там визитную карточку тыловой крысы, майора “финика”, зарубленного шашкой за лихонство? Как тут не вспомнить трагически высокий финал “Острова” — братья-монахи везут тяжёлый, сруб-

ленный из крепких плах крест, который будет стоять на стальных ветрах над могилой отца Анатолия? Вся жизнь нёс тот грешник свой тяжкий крест, и вымолил покаяние, и заслужил лучшей доли Там.

А для неприкаянных пока душ Игоря и Никиты из “Живого” “Там холодно и хочется курить”. И “мирняка”, то бишь бабулек, померших в преклонных летах, Там нет, только военные...

“Там” — это для них пока не в раю.

— Ах вот почему нас в рай не пускают, — рассуждают они, — долги надо вовремя отдавать...

И дальше:

— Сегодня какой день?

— Тридцать восьмой.

— Значит, ещё два дня.

— Мы, типа, совесть его?

А когда, едучи в Москву, Кир попросит их в тамбуре вагона: “Парни, простите меня!” — они со смехом потребуют: “На колени!” Он их дерзость-игру не примет и услышит злое, скабрезное: “Ну мочканул ты этого “финика” и чё дальше? Мы за деньги воевали — и убиты, а ты идейный — и живой! Живой?! Ну и гуляй, баб трахай! А совесть свою в жопу засунь!”

На промёрзшем острове поучения отца Анатолия всегда мудры, хотя по форме зачастую экзцентричны. Узнав, зачем неразумная и растерянная деваха приехала к нему и уже готова была на колених просить его благословения на аборт, старец взвизгивает:

— За благословением на убийство приехала? И меня в ад тнешь? На колених надо Богу молиться, а не передо мной стоять! А ну, пошла вон с м о с к о в о с т р о в а !

Да, это воистину е г о остров, его намоленная обитель, где и грех страшный совершил, и каялся десятки лет, и с прощением преставился, чтобы покаянно, но уже без страха и смятения в душе предстать перед Богом.

Сама мирская жизнь рок-музыканта и актёра Петра Мамонова — житейская весьма показательная. “Страстей греховных раб”, он сумел уйти от бесовских заклинаний-камланий, которые у “Звуков Му” назывались “музыкальным творчеством”, он завязал с дурманящим зельем, уехал подальше от тлетворных мегаполисов. Получая стипендию “Золотого орла” за лучшую роль из рук гламурного династичного кинодеятели Фёдора Бондарчука, Пётр Мамонов языком старца Анатолия сказал, обращаясь к сидящему в зале расфранченному кинобондому:

— Не тудя я понал, я здесь не молился, дома молюсь. Все так восни-

ются, устроили мне какое-то идолопоклонство, а мы ведь сделали очень простое кино, и только на общем фоне оно выделяется. Я не понимаю, почему люди смотрят фильм “Остров” и плачут в кинотеатрах, а то, что происходит вокруг нас, никого не волнует. А вы всё игнорируете, но эта ваша беспечная жизнь приведёт к тому, что мы все будем учить китайский язык. Мой внук наверняка будет подсобным рабочим на нефтяной вышке, которой будет управлять китаец.

А мы каждый год убиваем четыре миллиона будущих Суворовых и Пушкиных. Девки! Давайте рожайте! Товарищи мужчины, давайте уже не заходить на порносайты, а делом заниматься!

Зрителям, среди которых были в основном академики, чиновники и номинанты, ничего не оставалось, как на этот взрыв неконформизма ответить аплодисментами. Скорее нервными, чем восторженными. Сложилось впечатление, что после выступления “старца” всем хотелось церемонно поскорее завершить... (“Коммерсантъ”, 29 января 2007 г.).

О том вечере решил рассказать ещё и потому, что в телеверсии вручения “Золотых орлов” речь старца-Мамонова не вошла, её напечатали (правда, с разночтениями) “Завтра”, “Культура”, “Коммерсантъ”. Почему урезали мамоновскую правду-матку? Да потому что он, невзирая на лица, по гламуру — наждаком. Оч-чень нелипеприя-атно звучали слова бывшего шоумена.

Очевидец, бывший в тот день на “Мосфильме”, рассказал о кулуарно-фуршетных пересудах на мамоновско-островные темы. “Придурок, — кривили губы эстетствующие дамочки и молодящиеся, напомаженные до голубизны мужчины, — да он сам полстраны на иглу посадил! Тоже — нашли гения, пророка в родном замызанном Отечестве...”

А между тем в последние несколько лет, по мнению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, очевиден огромный интерес наших сограждан к произведениям о духовности. Ярким примером Патриарх назвал фильм “Остров”.

Скептики скажут: “Ну, нашли остров, а дальше что? Сколько надо таких островов, где тишь, да гладь, да Божья благодать?” Утопия, дескать, мечтания, а благими намерениями, мол, дорога в ад выложена...

“Утопия” Томаса Мора — об острове, где всего пять городов. Утопия —

идеальное государство — не материальное, но именно о с т р о в. Утопия подразумевает в числе прочего именно гармоническую, духовную передачу человека.

А у нас нынче под какие такие нужды, для каких таких целей присматривают острова? Где-то у Лазурного побережья прикупает “семья” островок с замком-крепостью, там на каком-нибудь камне или стволе дерева процарапают от бездуховного безделья классическое шпанисто-амурное “Таня + Валия”. На Мальдивы едут для сладострастных утех. На Кипр — чтобы денежки наворованные положить в банчок. К Курилам присматриваются уже японцы. Недавний гость нашей редакции епископ Сахалинский и Курильский владыка Даниил рассказал о настоящей экспансии на русский Дальний Восток разномысленных сектантов, агрессивно готовящих почву для вторжения рейдеров, захватчиков.

Есть возле Владивостока, его видно с материка, остров Русский. Крепкий бастион здесь когда-то был — с гарнизоном доблестным, арсеналом мощным и задачей быть днём и ночью на страже. Теперь же всё в упадке. Несколько лет назад в гарнизонные тыловики (читай выше о вооруже-финансисте) на острове Русском морили голодом матросиков-срочников, шумное было дело. Теперь погнались другую волну — сделать из Русского отдельно взятый остров-рай, чтобы в 2012 году провести там международный экономический форум. Чтобы, значит, не только в Куршевеле оттягивались нефтяные и газовые, алюминиевые и никелевые короли.

На острове в Белом море, где снимал свой фильм Лунгин, была построена небольшая, но всамделишная, освящённая церковь. Там идут теперь службы, а послушником остался один из православных съёмочной группы — сам дорогу к своему храму нашёл. Там жизнь тихая, мирная, одухотворённая...

Там, где человек погряз в грехах, привнесённых так называемыми “цивилизацией” (с “мировой паутиной”, смрадным выхлопом чудовищных мегаполисов), “рыночными отношениями” (спекуляция-бизнес, обман-предпринимательство, “если ты такой умный, почему же ты такой бедный?”), сильным мира сего всё дозволено. Высокий чиновник протаранил на своём танке-внедорожнике легковушку, погубил пять (!) человеческих жизней и... откупился. А в фильме “Живой” такой же чёрный джип заставил поставить

знак вопроса над сбитым одноногим солдатом Кириллом — живой ли? Во всяком случае уходят они по дороге, ведущей со стороны гор в неведомое, втроём, неприкаянные пока души русских солдат.

На лакированном (как роля или дорогого дерева гроб) борту убийцы-внедорожника стилизная надпись “SURF” — любитель скользить едет. Скользит на волнах под парусом, скользит, может быть, по альпийским склонам — по жизни, в общем, скользит.

А такие, как честно отвоевавший Кир, — помеха движению-скольжению. И остаётся воин Сергей, сбитый “хозяином жизни”, лежать на обочине, устремив глаза (живые ли?) в небо. Не там он Бога искал — звал к нему, глядя на ядовитую останкинскую иглу. Осенял себя крестным знаменем добрый по сути своей человек, но грешил то и дело — и против Бога, и против ближнего, и против себя самого.

Как тут не вспомнить многомудрого старца Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря архимандрита Иоанна (Крестьянкина), ушедшего от нас год тому назад. Праведник внул: “Господь пришёл ради грешников, чтобы их спасти, а нам, чтобы спастись, осталось только искренне осознать, что мы те самые грешники и есть. И ради наших грехов жизнь вокруг становится невыносимо тугой, и каяться надо.”

Время, в которое привёл нам жизнь Господь, наимсумнейшее, — смущение, смятение и небрежность колеблют неколебимое, но это ещё не конец. Впереди пришёл ради грешников, чтобы их спасти, а нам, чтобы спастись, осталось только искренне осознать, что мы те самые грешники и есть. И ради наших грехов жизнь вокруг становится невыносимо тугой, и каяться надо.

Время, в которое привёл нам жизнь Господь, наимсумнейшее, — смущение, смятение и небрежность колеблют неколебимое, но это ещё не конец. Впереди пришёл ради грешников, чтобы их спасти, а нам, чтобы спастись, осталось только искренне осознать, что мы те самые грешники и есть. И ради наших грехов жизнь вокруг становится невыносимо тугой, и каяться надо.

Дорогие мои! Ищите Христа в жизни своей, не уставайте трудиться в этом единственно спасительном делании. Ищите и обрящите вечную радость о Господе. Ничего не бойтесь в мире, кроме греха, ибо верность Христу будет ходатайствовать за нас пред Богом и проведёт в радость Вечности сквозь бури жизни несокрушимыми.

Несокрушимой и легендарной, в боях снискавшую славу побед звали нашу армию. Несокрушимость воинства — гарантия крепости государства.

Каждому надо знать свой заветный живой остров. В душе, в вере. А хорошо бы и в пространствах Отечества.

Остров-крепость, остров-храм. ★

Борис КАРПОВ,

Иван ЧЕРНЫХ ПОСЛЕДНИЙ ШАГ

ПОВЕСТЬ*

КАЗАНЦЕВ

В голове неотступно вертелось слова вычитанного ещё в школьные годы стихотворения:
*Судьба играет человека,
Она изменчива всегда:
То вознесёт его высоко,
То бросит в бездну без следа...*
Он грустно усмехнулся: "То вознесёт... то бросит..." Будто про него.

Возвращаясь из Чечни, ждал награды, а ему – служебное несоответствие. За то, что ещё полгода назад не доложил о проступке подчинённого, который в расстроенных чувствах напился (ушла жена), устроил в кафе скандал и угрожал пистолетом официанту. Скандал тогда удалось замять, и Николай Иванович Казанцев, старший оперуполномоченный уголовного розыска, оставшийся за начальника, не стал докладывать по инстанции. А пока он гонялся за бандитами в Чечне, то давнее происшествие вдруг всплыло, и начальник, дабы отчитаться о принятых мерах, ничего умнее не придумал, как объявил капитану милиции Казанцеву служебное несоответствие. Правда, несколько позже разобрались, наказание отменили и за умелые действия в Чечне назначили Николая Казанцева начальником уголовного розыска, повысили в звании.

Не успел Николай Иванович войти как следует в новую должность, на его плечи свалилось грандиозное ЧП, такое, что, наверное, не случилось в авиации со дня её рождения: из центра управления полётами похитили совершенно секретные документы (планы полетов, летно-тактических учений, маршруты, высоты и коридоры полётов на случай непредвиденной обстановки, коды запасных аэродромов, позывные экипажей – в общем, всё, что

составляло военную тайну). При этом были убиты два охранника, а два дежурных по ЦУПу, находившихся на седьмом этаже здания, отравлены неизвестным химикатом, подмешанным в спиртное (их обнаружили в бессознательном состоянии). Ко всему тому из сейфа бухгалтерши похищен миллион двести тысяч рублей. Это делало непонятным цель самой акции: то ли за секретными документами охотились злоумышленники, то ли за деньгами, предназначенными для выплаты зарплат сотрудникам ЦУПа.

В группу расследования вошли сотрудник ФСБ старший лейтенант Качков, военный прокурор майор Лопатин, оперуполномоченный особого отдела, прикомандированного к части, в которой произошло происшествие, капитан Лидин и он, начальник уголовного розыска майор Николай Иванович Казанцев, старший группы.

После предварительного расследования, в котором было установлено, что двое дежурных ЦУПа устроили попойку (выпили, и скорее всего не одни, литр водки с сильной дозой снотворного), за основную версию приняли охоту за документами. Преступление было тщательно спланировано: следов присутствия посторонних не обнаружено – на столике стояли только два стакана, лежали две вилки и остатки пищи. Но то, что кто-то еще находился в комнате, не вызвало сомнения: оба сейфа, служебный и финансовый, вскрыты, документы и деньги похищены. Пропала и водочная тара. Вероятнее всего, злоумышленник пьянствовал с дежурными (точнее, изображал, что пьёт с ними), а когда те отключились, сделал свое чёрное дело. А вот почему охранники подпустили его к себе (выстрелы, как установила экспертиза, были произведены чуть ли не в упор: на одежде охранников остались частицы сгоревшего пороха)? Вопрос.

Преступник явно профессионал: отключил видеосъемку, уничтожил плёнку. Суммируя факты, группа пришла к выводу: в ЦУПе орудовал отнюдь не посторонний человек. Иначе как бы он поздним вечером проник в помещение? И пьянка, похоже, организована им. Происшествие случилось в ночь с пятницы на субботу, где-то в районе часа ночи. Полёты в пятницу закончились после обеда, на субботу не планировались, и в центре управления, кроме охранников и дежурных, никого не оставалось.

В крови охранников тоже обнаружили алкоголь, но в незначительной дозе и без снотворного.

Вероятнее всего, преступник убедил охранников, что ему надо подняться к дежурным, и те его пропустили. А вот когда он собрался уходить, встали у него на пути...

Как преступник открыл сейфы с шифрованными замками, только ему известно. Если бы очистил только финансовый, можно было бы заподозрить бухгалтершу, но вскрыт и сейф с секретными документами.

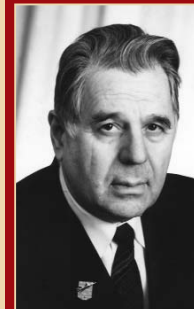
Сотрудники в ЦУПе сто сорок человек – попробуй с ходу вычисли злоумышленника. И всё же попробовали. С помощью оперуполномоченного перебрали всех и каждого. Остановились на пяти. Проверили их алиби, отбросили ещё двоих. В итоге под подозрением осталось трое. Вместе они не могли совершить преступление – слишком разные люди.

Наибольшие подозрения вызывал Василий Ниретин, сотрудник пожарной охраны, старший лейтенант. Был он холост, вёл довольно беспутный образ жизни. Балагур и выпивоха. В тот день находился на дежурстве. Под вечер проверил противопожарную систему и, якобы почувствовав себя плохо, ушёл домой отлежаться. Подтвердить, что он был дома, никто не мог. Врач, обследовавший Ниретина на другой день, никаких симптомов респираторного заболевания не обнаружил.

Второй попавший под подозрение – Артём Симонян, инженер-приборист, отвечающий за электронное оборудование ЦУПа, – тоже довольно непутёвый двадцативосьмилетний малый. Женат, живёт у тещи, растит пятилетнего сына.

Третий – капитан Торгачёв Владислав, штурман, частенько дежуривший в ЦУПе за дополнительную оплату. Хотя и женат, имеет двух малолетних детей, тоже не бросил молодых привычек. Любил погулять с друзьями, сходить "налево". Со многими, даже с начальниками, был на "ты", в

ОБ АВТОРЕ

Иван Васильевич ЧЕРНЫХ родился в 1927 году в Воронежской области. Окончил Балайское военное училище лётчиков дальней авиации, после которого десять лет летал на боевых самолётах. В те годы он попробовал свои силы в журналистике и прозе. С повестью "Мёртвая петля" поступил в Литературный институт им. А.М. Горького. Став профессиональным писателем, выпустил немало книг о жизни военных лётчиков, в том числе романы "Правый пеленг", "На острове нелётная погода", "Мгновенья вечный след", "Злой ветер афганец". Его перу принадлежат ряд детективных произведений, получивших заслуженное признание читателей: "Школа террористов", "Похищение", "Серые волки". Многие из них были опубликованы в нашем журнале. По повести "Тревожные высоты" сняты одноимённый документальный и художественный фильмы.

Нынешний год юбилейный для И.В. Черныха – год 80-летия. Мы от всей души поздравляем нашего давнего друга и автора с этой знаменательной датой, желаем ему крепкого здоровья и новых творческих удач!

общем, свой в доску парень. Женщины его обожали: высок, строг, обходителен, к тому же душа любой компании. Его жена Нонна Васильевна, симпатичная и компанейская особа, знала об увлечениях мужа, но относилась к его шалостям по-философски: "Пусть аппетит нагуливает, ужинать все равно домой придёт".

В ту ночь Торгачёв ужинать домой не пришёл, сказал, что дежурит. Жена поверила, так и объяснила Казанцеву. А сам капитан на вопрос начальника уголовного розыска, где находился с пятницы на субботу, ответил с ироничной усмешкой:

– У любимой женщины. Знаю, аморально, подло по отношению к жене, детям, но тут уж ничего с собой поделат не могу – влюбился как мальчишка. Кто она, думаю, значення не имеет, и марасть её имя не желаю.

Майору Казанцеву по делам службы не раз приходилось бывать у авиаторов и встречаться с Торгачёвым. Однажды даже довелось вместе отмечать День авиации. Праздник надолго остался в памяти: лётчики и их жёны показались ему такими милыми, дружными, будто одна крепкая семья. Торгачёв выступал в роли тамады и так остроумно, весело представлял тостующих, что все покатывались

* Журнальный вариант

со смеху. Словом, тогда капитан понравился ему. Да и теперь Николай Иванович не испытывал к нему недоверия. Взять его под подозрение настоял оперуполномоченный особого отдела: жене соврал; нам, где ночь провел, не говорит...

Всех подозреваемых решено было задержать немедленно, посадить в отдельные камеры и объявить каждому, что против него имеются неопровержимые улики, ну и добровольное признание будет рассматриваться как явка с повинной.

Однако никто из троих на приманку не клонул. И Николай Иванович, листая их объяснительные записки, по правде говоря, не знал, что делать дальше.

* * *

В кабинете, несмотря на то, что работал кондиционер, было душно. Из шкафа, заваленного бумагами, от стен с выцветшими обоями, с пожелтевшего потолка веяло затхлостью. Тянуло на улицу, на простор, на свежий ветер или еще лучше – куда-нибудь на речку – окунуться с головой, поплавать. Но... не до этого.

С Ниретиным и Симоняном ещё раз переговорил – без толку. С Торгачёвым – и встречаться нелегко. Вчера на вопрос Николая Ивановича: “Где ваша машина?” – капитан издевательски усмехнулся: “А я надеялся, вы знаете. Может, выпустите меня, и я быстрее на след преступников нападу”. – Выпустим, если скажете, где провели ночь с пятницы на субботу, – пообещал Казанцев.

– Скажу, когда найдёте машину и настоящих преступников, – в свою очередь парировал Торгачёв.

Казанцев встал, прошёлся по кабинету. Голова была тяжёлой и плохо соображала.

“Чайку согреть, что ли?” – подумал было, как в кабинет заглянул дежурный и доложил:

– К вам симпатичная женщина, товарищ майор. Просит принять.

– Ну, коль симпатичная, проси.

Он никак не ожидал увидеть бухгалтершу ЦУПа Людмилу Сергеевну Панину. Но это была она. Осторожно, даже как-то пугливо, вошла в кабинет, остановилась у двери.

– Здравствуйте, Николай Иванович, – сказала мягким, виноватым голосом. – Извините, что я не сразу... Поймите меня, такое положение... Не хотела я огласки.

– Проходите, садитесь, – указал на стул Казанцев, – и спокойно рассказывайте всё, что вы знаете. – У Николая Ивановича уже радостно забило сердце в предчувствии, что бухгалтерше что-то стало известно о похищении денег, а значит, и секретных документов.

Опустившись на краешек стула, Людмила Сергеевна шевелила беззвучно губами, никак не решаясь выложить главного. Казанцев терпеливо ждал, боясь сплутнуть намерение пришедшей.

– Дело в том, что Торгачёв в ту ночь был у меня, – опустил голову, виновато призналась Панина. – Он ни в чем не виноват... Я люблю его.

“Вот и тихоня!” – чертыхнулся про себя Казанцев, а вслух проговорил: – И когда он пришёл к вам в ту ночь?

– Да подвез меня до дому после работы, где-то около семи вечера. Зашёл ко мне, у меня и остался. А утром встал, выглянул в окно, а машины нет... Отпустите его, ему и без того не сладко...

Казанцев не знал, что и ответить. В невинности Тор-

гачёва он был почти уверен и без свидетельницы. Но отпустить его теперь...

– Разберёмся, – сухо сказал он Людмиле Сергеевне. – Не стоит беспокоиться. Скажите, у вас с ним серьезно?

Панина пожалла плечами:

– Я не собираюсь разрушать его семью. Так получилось. Мы любим друг друга.

– И давно это у вас?

– Чуть больше года. Мы познакомились, когда отдыхали в Сочи. Он приезжал без жены... Если можно, прошу вас, не посвящайте её в эту историю.

– Постараюсь. Но не знаю, как получится.

– Понимаю... Но, поверьте, это очень хороший человек. Я за него и жизни бы не пожалея.

– Вот даже как? И вы можете мне объяснить, почему?

Она задумчиво опустила голову, сосредоточилась. Казанцев засмотрелся на неё и будто увидел то, чего раньше не замечал: настоящая русская красавица, милая и обаятельная. Лицо чистое, бледновато-смуглое. Глаза большие, тёмно-карие, аккуратный прямой нос и очаровательный рисунок губ. Невысокого роста, стройная, худощавая. Одежда не броско, но модно. Такая не может не вскружить голову, тем более Торгачёву, влюбчивому и беспашашному.

А Людмила Сергеевна стала рассказывать, спокойно, неторопливо и так выразительно, что в его воображении рисовалась довольно яркая картина её прошлого...

Год назад она ехала в Сочи в профсоюзный санаторий. Попутчиками в купе оказалась пожилая пара и мужчина лет тридцати – интеллигентный, представительный. Он ненавязчиво, довольно корректно принимал ухаживать за Людмилей, даже предложил поужинать в ресторане, но она отказалась. Супружеская пара, перекусив вечером по-походному, улеглась спать. Их примеру последовала и Людмила. Проснувшись она от ахання и охання пожилой женщины у них похитили сумку с документами и деньгами. Людмила Сергеевна тут же сунула руку под подушку, её сумки тоже не было...

В общем, вышла Людмила Сергеевна на сочинский перрон без паспорта и без копеек денег. Стоит на платформе и никак не может унять льющиеся ручьём слёзы. Тут-то к ней и подошёл капитан в лётной форме. Спросил участливо: “Кто обидел красавицу? Назовите его, и я сейчас же набью ему морду”.

Он шутил, а ей было не до шуток. Она всхлинула ещё громче. Он по-отечески обнял её за плечи и сказал серьёзно: “Успокойтесь. Слезками горю не поможешь. Расскажите лучше, что произошло”. Выслушал. “Неприятный случай, но не смертельный”, – подвёл итог. – Идёмте в милицию, надо заявить”.

В привокзальном отделении Людмилу Сергеевну попросили написать заявление, обрисовать портрет предполагаемого похитителя и... сказали, чтобы зашла денюшка через два-три: “Если сумеем найти преступника, постараемся вернуть паспорт и деньги, разумеется, если он их еще не пропил...”

С тем и отпустили. А где и как жить эти два-три дня? Да и звонить домой некому: ни родителей, ни семьи, ни близких друзей...

Капитан предложил поехать вместе с ним в военный санаторий. “Попытаюсь устроить вас там”, – пообещал он. Но в санаторий её без документов, разумеется, не приняли.

– Тогда Владислав снял для меня комнату, – рассказывала Людмила Сергеевна, – хотя денег у него тоже оказалось не густо. Он в тот же день позвонил другу и попросил выслать пять тысяч. Потом ещё кому-то звонил. В общем, он

кормил меня и содержал. И ухаживал за мной так, как и мама с папой не умели. Понимаете моё положение. Но не только за чуткостью, отзывчивостью и доброту я полюбила его. С ним было интересно и весело, я просто забыла о своём несчастье... Домой мы вернулись вместе. И с того дня встречаемся два-три раза в неделю. На большее я не претендую. – Она с мольбой в глазах посмотрела на Николая Ивановича. – Отпустите его. Поверьте, он ни в чём не виноват.

– Зря вы беспокоитесь, Людмила Сергеевна, мы во всём разберёмся, невинного держать не станем. Скажите, я слышал, что капитан Торгачёв многим задолжал. Вы что-то знаете об этом?

– Да, знаю. И я пыталась помочь ему, откладывала из своей зарплаты. Но он категорически отказывался брать. Сказал, что рассчитается сам: не зря же, мол, берет дополнительные дежурства в ЦУПе. Вот такой это человек. И что-бы он пошёл на преступление – чушь какая-то!

– Понимаю ваше возмущение, – согласно кивнул Николай Иванович. – Но поймите и нас похищены секретные документы, крупная сумма денег... Проникнуть в ЦУП, тем более выпивать с дежурными, посторонний не мог. И ещё немаловажный вопрос: как преступник открыл сейфы? Ведь нужны ключи, знание кодов. Кстати, у вас не было на руках запасного ключа?

– Зачем он мне? Когда надо, я брала у дежурного. Так спокойней. Уходя – сдавала. И в тот день... – А не мог кто-то случайно снять отпечатки? Например, когда вы, будучи в ЦУПе, вдруг отлучились по каким-то делам.

– Не мог! Я никогда не оставляла ключ от сейфа без присмотра. Да и забрались не только в мой сейф. Значит, дело совсем не в деньгах. Тем более при чём капитан Торгачёв?

– Может, и ни при чём, – согласился Казанцев, провояжая её к двери.

* * *

Визит бухгалтерши зародил массу неясных, противоречивых мыслей. То, что капитан Торгачёв вряд ли причастен к чрезвычайному происшествию в ЦУПе, и до прихода Людмилы Сергеевны у майора не вызывало сомнений. А теперь вдруг всё внимание сосредоточилось именно на нём: случайное (случайное ли?) их знакомство в Сочи, ухаживание, дополнительные дежурства в ЦУПе... На первый взгляд и в этих дополнительных дежурствах ничего предосудительного нет: офицерская зарплата невелика, с нею не проживёшь на широкую ногу, и некоторые лётчики, пользуясь тем, что полёты редки, ищут подработку на стороне.

И все-таки что-то не складывалось, что-то не нравилось Казанцеву. Особенно – угон торгачёвского “мерса”. Понадеялся на противоугонную защиту? Возможно. Но показание соседки Людмилы Сергеевны вызвало определённое сомнение. Она-де с вечера уснула, а проснувшись около одиннадцати, не спала почти до четырёх утра. Где-то в третьем часу слышала, как к дому подъехала легковушка, пикнула – сработала сигнализация закрытия замков. Потом на лестнице вроде бы раздался шаг, щёлкнул замок соседской двери (то ли Людмилы Сергеевны, то ли Петра Петровича – этого она не поняла). Но семь вечера и три ночи – не одно и то же...

* * *

До утра Николай Иванович так и не уснул, а лишь забылся в зыбкой дреме и тут же проснулся. Встал с тяжёлой головой. Приехав на службу, решил ещё раз поговорить с Торгачёвым, вызвал к себе.

Капитан вошёл как ни в чем не бывало, поздоровался. Как всегда, он был чисто выбрит, подтянут. Высоко, строен, с правильными чертами лица, тёмной, волнистой шевелюрой. На подбородке ямочка – признак твёрдого, волевого характера.

– Неужто машина нашлась? – начал он, бесцеремонно усаживаясь напротив.

– К сожалению, порадовать вас пока нечем, – ответил Казанцев. – Надеюсь, найдём, если ещё не успели раскурочить. А вызвал я вас по другому поводу. Вы боялись опорочить имя девушки, а вот она не постыдилась, сама явилась, чтобы подтвердить ваше алиби.

Капитан нахмурился, сжал и без того тонкие губы.

– Похвально, что вам удалось завоевать любовь такой девушки. Вы когда с ней познакомились?

– Коль она приходила к вам, так всё, наверное, объяснила, – ответил Торгачёв. – Хотя зря она это... Разобрались бы как-нибудь и без неё.

Похоже, он усомнился в правдивости слов майора.

– Это вы скажете ей... Так когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Людмилой Сергеевной? – повторил вопрос Казанцев.

– В Сочи. Она приехала туда отдыхать, дорогой её обокрали. Вот и пришлось помочь.

– Похвально, если не считая дальнейшего. Ведь у вас симпатичная жена, двое детей...

– Жену надо беречь, – снова усмехнулся капитан. – Ни она, ни дети не пострадали от моего увлечения. Наоборот, любовь, если вам приходилось влюбляться, придает силы, поднимает жизненный тонус. Одним словом – окрыляет. “Если б я был султан, я б имел трёх жён” – так, кажется, пел Никулин...

– У султана другой доход. А вы, как я слышал, в долгах, как в шелках?

– Так вот почему вы меня подозревали. Можете не волноваться, эти проблемы я решу.

– Мне не хотелось бы расследовать ещё одно происшествие. Ведь вам уже угрожают, не так ли?

Торгачёв с усмешкой покрутил головой.

– Не плохо у вас работают осветователи. Что касается угроз, я их не боюсь и ту сумму, которую взял в долг, верну, а накрутку, то есть проценты, пусть берут с лохов.

– Понятно. Но давайте вернёмся к Людмиле Сергеевне. Разве до Сочи вы не были знакомы? Ведь она уже работала в ЦУПе, и вы не раз встречались с ней на дежурстве.

– Да, она работала в ЦУПе, устроилась с месяц до того. Я видел её пару раз, мельком. Вот и всё. Познакомились же только в Сочи. Да я и понятия не имел, кем она работает.

– Хорошо. А тринадцатого июля, в пятницу, вы когда уехали из ЦУПа?

– Около семи вечера, когда Людмила закончила свои дела. Я забрал её, и мы вместе отправились к ней.

– Кто-нибудь вас видел?

– Понятия не имею. Я лично видел Ниретина – он проверял противопожарную систему, Симоняна – он болтал о чём-то с охранниками. Другие, похоже, давно разбежались по хатам. Пятница – короткий день, многие спешат на фазенды – огурчики, помидорники, цветочки... А что касается

машины: вы уж постарайтесь найти, я ведь договорился продать её, чтобы расплатиться с долгами.

– Постараемся. Но сейчас, сами понимаете, не до неё – секретные документы похищены. И не чужой человек попался в ЦУП.

На том и расстались.

* * *

Да, тяжёлый случай. А бывают ли легкие в его службе? Казанцеву невольно вспомнилось первое расследование. Тогда, после окончания высшей школы милиции, он работал оперуполномоченным уголовного розыска на авиационном заводе. Предприятие режимное, куда без пропуска и попасть-то невозможно, и вдруг с новой, только что завезённой импортной электронной установки, которую собирались запустить утром, пропал главный силовой агрегат. Весь завод, все цеха, все входы и выходы были подключены к сигнализации; всюду имелась охрана. А агрегат исчез. Кому он понадобился, зачем? А без него электронную установку (которая и в стране-то пока в единственном экземпляре!) использовать невозможно. Значит, диверсия? Значит, на заводе орудует враг?

На место происшествия прибыло около сотни различных специалистов, работников органов госбезопасности. Стали разбираться: кто мог это сделать, как обманул охрану, где спрятал? Девять суток бились как рыба об лёд и никакой ниточки!

Можно сказать, не смыкал глаз и лейтенант Казанцев. Завод охраняли срочники. Некоторые из них принимали участие в строительстве. Николай Иванович с начала своей инспекторской деятельности (тогда оперуполномоченные назывались просто инспекторами) не чурался солдат, с наиболее толковыми любил поговорить на волнующие темы, чем завоевал доверие и расположение. Вот и на этот раз стал беседовать с ними. И – о удача! Один слышал, как старослужащий спрашивал у своего приятеля, кому бы загнать интересную вещь, которая стоит, наверное, приличную сумму.

Это была ниточка!

Подозреваемого тут же задержали, допросили. Он не стал отпираться: «Да, похитил, хотел перед дембелем загнать, прибахлится».

– Но как сумел пробрался в цех?

– Очень просто. По монтажным канавам. Я бывший шахтёр, да и в строительстве зато толк.

– Но почему именно этот агрегат похитили?

– Понравился. В нём, по-моему, использовано немало из золота, и серебра...

Что тут скажешь? Дурня судили. Дали три года...

А в ЦУПе действовал не дремучий, несознательный солдат.

КАЧКОВ

Старший лейтенант Качков чувствовал себя на седьмом небе: ему, молодому сотруднику ФСБ, доверили такое серьёзное расследование! Секретные документы – это вам не фальшивые баксы, в поисках которых он в своё время преуспел.

А случилось это год назад. Виталий Качков служил ещё в МВД оперуполномоченным утро. В городе обнаружили

три фальшивые стодоллоровые купюры. Их принес на обменный пункт заявившийся челночным бизнесом мужчина, коренной житель подмосковного Одинцова. Выяснилось, что ими расплатился с ним за джинсы один парень, с виду кавказец, срочно возвращавшийся по семейным обстоятельствам в Чечню.

Несколько дней спустя фальшивые доллары всплыли в посёлке Малые Вяземы, что в двух десятках километров от Одинцова.

В результате проведённых оперативно-розыскных мероприятий сотрудники управления по экономическим преступлениям подполковник милиции Пушкарёв и старший лейтенант Качков установили, что сбытом фальшивых банкнот в Подмоскovie занимаются Гагиев Жумалейла Муссаевич, уроженец Чеченской республики, ныне проживающий в Тверской области, и его брат Гагиев Магомед Муссаевич, прописанный в Малых Вяземах.

Задержать преступников с поличным труда не составляло. Однако работники УБЭП отлично понимали, что братья не главные фигуранты, они только сбытчики. А вот кто стоит за ними, кто их снабжает фальшивками, где станок?

Установили наблюдение. Однако ни в квартирах, где проживали чеченцы, ни у тех, с кем они встречались, обнаруживали технику для изготовления дензнаков не удалось.

Гагиевы действовали очень осторожно, на одном месте не засиживались, развезжали по Московской области и либо расплачивались фальшивыми долларами, ссылаясь на всякие обстоятельства, либо предлагали их выгодно купить. С каждой удачной сделкой аппетит у братьев разгорался.

Решили подsunуть Гагиевым хорошего покупателя, который сумел бы войти к ним в доверие. Приём старый, избитый, однако нового тут ничего не придумашь. Всё зависит от мастерства сторон – кто окажется хитрее, ловчее...

Рискованно? Конечно! Не один умный, опытный агент горел синим пламенем в подобных аферах. А братья Гагиевы, по всему было видно, тёртые ребята. И всё же старшему лейтенанту Качканову удалось их провести. На какое-то время он переквалифицировался в продавца импортного ширпотреба, и когда Гагиев-старший попытался расплатиться с ним фальшивкой, повертел купюру в руках и спокойно сказал:

– За эти джинсы ты дашь мне ещё три таких.

Жумалейла усмехнулся:

– Ты мне должен сдачу дать, а ты ещё требуешь.

Продавец протянул купюру обратно:

– Дело твоё. Как хочешь...

– Ты не веришь, что она настоящая?

– Иди своей дорогой, пока нас вместе не замели. Со мной такие штучки не проходят, – вновь серьёзно сказал продавец. – Я и сам умею показывать фокусы. Только ты разве не знаешь, что вор не ворует на улице, где живет?

– Ладно, – вздохнул Жумалейла. – Убедил. Но у меня только две подобные остались от командировки. Пшек в Гданьске всучил. Джинсы твои мне не нужны. А баксы, если хочешь, купи. Поедешь в Германию или Польшу, можешь по пути белорусам всучить.

Парень наклонил голову, задумался:

– И сколько ты хочешь?

– По двести рэ за такую бумажку.

Парень помолчал, затем решительно махнул рукой:

– Давай на пробу десяток штук. А там будет видно.

На городском рынке Жумалейла появился недели через две. Знакомого продавца приветствовал, как родного:

– Рад видеть тебя, – похлопал по плечу. – Как твои дела?

– Нормально. Два дня назад из Франкфурта вернулся, кое-что привёз.

– А как с моей “зеленью”? Удалось реализовать?

– Ещё как! Жаль, что мало было. Ты ещё не захватил?

– Нет. Вот братишка скоро из родных краёв прилетит, тогда...

– Тогда не забывай меня.

– А сколько возьмешь?

– Тысяч двадцать. Слабо?

– Почему слабо? Могу и больше предложить.

– Так в чём дело? Реализуем. У меня и в Польше есть надёжные друзья. Они иномарками промышляют. Для них штука баксов – не деньги.

– Хорошо, – сказал в раздумье Гагиев. – Могу предложить около двух тысяч стодоллоровых купюр. Расчёт не отходя от кассы. Курс прежний – один к трём. Потяните?

– Думаю, да. Возьмем оптом. Я поговорю с ребятами. Где встречаемся и когда?

– Давай завтра, в девять вечера, в гостинице “Москва”.

Учти, я буду не один.

– Так и мне с такой ношей самому...

– Но больше одного не приводи, – перебил Жумалейла.

– И вообще постарайся особо не распространяться.

– Само собой...

К удивлению Качкова, в гостинице “Москва” Жумалейла оказался один. С грустью убрал с глаз кожаный кейс.

– Дорога ментами забита, – отхлебнув коньяка, объяснил он ситуацию Виталию и его спутнику. – Проводят операцию “Вихрь-антитеррор”. Зачем рисковать? Давайте завтра поведемся в Голицыне. Там есть где уютно посидеть. Знаете кафе “Каприз”?

– Нет.

– Придете?

– А почему нет? Для джигиты сто верст – не расстояние...

Пушкарёв и Качков появились в Голицыне еще затемно и наблюдали, как Гагиевы готовились к встрече с покупателями, как загода расставили своих наблюдателей в укромных местах на случай появления милиции или рэкетиров, которых немало развелось в городах и всях, особенно в столице.

На встречу в кафе пришли трое кавказцев, накрыли стол. Шутили, смеялись, вели разговор о всякой чепухе, только не о деньгах. Наконец Жумалейла раскрыл карты: якобы курьер с долларами задержался в пути и перенёс сделку еще на один день, время назначил на двенадцать.

На двенадцать так на двенадцать.

На следующий день в кафе заявились пятеро: трое явных кавказцев и двое братьев русской наружности. К этому времени близлежащие строения были буквально напичкованы оперативниками. Имелись свои люди и в самом кафе. Торговались недолго. Каждая из сторон предъявила свой “товар”, туто упакованный в кейсах. Удостоверившись, что подвоха нет, и поблагодарив Жумалейлу, Качков подошел официанта и попросил бутылку “Путинки” на пососок. Это был условный сигнал. Мгновенно кафе заполнили сотрудники милиции. Оказывать вооружённое сопротивление или бежать было бесполезно.

При задержании у преступников было изъято тысяча восемьсот фальшивых стодоллоровых банкнот США. Магомед на первом же допросе рассказал, что фальшивые доллары привез из Ингушетии в специально оборудованном тайнике иномарки Жумалейла; он-де и раньше снабжал братца фальшивыми купюрами и заставлял их сбывать...

* * *

После блестяще проведённой операции Виталию Качкову и предложили перейти в ФСБ. Он согласился. Не только из-за того, что там выше зарплата – служба интереснее.

Он не ошибся. Первое же задание – и какое! Похищенные секретные документы, двое убиты, и ещё двоих никак не откачают врачи...

Из ста сорока авиаторов выделили троих. Ниретин, Симонян и Торгачёв не имели алиби.

О Ниретине Качков слышал, еще когда служил в милиции: из-за его жадности ушла жена. Жил один, друзей не имел ни по работе, ни по соседству. Верзился, под метр девяносто ростом и весом с центнер. Личность скользкая: приворовывал по мелочёвке: то сопрут у авиаторов стройматериалы, то моторное масло, то керосин. Но однажды зарвался и был строго предупреждён, что при малейшем замечании пойдёт под суд. Вроде бы образумился. Тогда на что собирается купить иномарку? Вопрос. В беседе с Качковым объяснял, что откладывает на машину приработок охранника в ЧОПе у Бескаравайного. Проверили. Не соврал. Только в ЧОПе стал подрабатывать второй месяц...

В день ЧП Ниретин дежурил в ЦУПе. В десять вечера, когда все разошлись, проверил, как и положено по инструкции, противопожарную систему, выключен ли в кабинетах свет, не брошены ли где окурки и возгорающиеся предметы; пожелал охранникам спокойной ночи и отбыл восвояси. Никогда якобы не заходил. Дома поужинал и лёг спать. Однако соседи поведали другое.

У пенсионера, проживающего напротив, вечером потёк на кухне кран. Дома разводного ключа не оказалось, и тот отправился к пожарнику. На часах – начало двенадцатого. Позвонил. Никто не отвечает. Еще раз. Снова молчок. Он и звонил, и стучал – тишина. Значит, Ниретина не было дома.

С краном провозился до половины второго. В это время услышал шаги на лестнице, щелчок замка и хлопнувшую дверь у соседа.

Вот такая картина. Где был Ниретин и почему соврал?

На очередной беседе пожарник снова стоял на своём: после десяти был дома, спал. Может, и звонили – не слышал. В общем, конкретных улик против него не было.

На вопрос, не видел ли, как и с кем выпивали охранники, категорично помотал головой: “Нет”. А ведь с тем явно кто-то выпивал – бутылку ниде обнаружил не удалось. Вероятно, собутельник унёс её с собой.

Немногом лучше выглядело досье инженера-электронщика Артема Аполотовича Симоняна. Тоже жаден, ворует, нечистоплотен в быту. Старший лейтенант-инженер запаса. Уволен за аморалку: путался с женой инженера эскадрильи.

Взяли его на службу в полк в связи с острой нехваткой кадров. Взяли как хорошего специалиста. Электронную технику ЦУПа он действительно содержал в образцовом состоянии. Но вот что удалось выявить Качкову: при малейшей неисправности он подавал заявку на новое оборудование. Ко времени его поступления ремонтировал старое, а новую технику продавал.

В ту злополучную ночь Симонян тоже задержался на службе позже обычного: до половины десятого отлаживал глассиду системы посадки. Так ли, нет ли – установить невозможно. Домой, как объяснила жена, явился в третьем

часу ночи; заранее предупреждал её, что задержится в ЦУ-Пе. На самом деле находился у любовницы. Маша Родичева, официантка столовой, подтвердила это.

Менее всех вызывал подозрение Качкова штурман Торгачёв, с которым работал майор Казанцев.

* * *

Вечером второго дня вся группа сыщиков собралась в кабинете начальника уголовного розыска для обсуждения результатов расследования. Каждый обстоятельно и подробно доложил о своих действиях.

Казанцев внимательно слушал каждого и, несмотря на оптимизм, содержащийся в докладах, с грустью приходил к убеждению: до раскрытия преступления еще ох как далеко. И когда в конце обсуждения старший лейтенант Качков внёс предложение произвести обыск на квартирах подозреваемых, поддержал его с небольшой оговоркой:

— Поскольку Торгачёва в ту ночь дома не было, не стоит беспокоить его семью.

Прокурор поначалу на обыск не соглашался, требовал более весомых улик, но в конце концов уступил.

Однако обыск ничего не дал, лишь еще больше усложнил ситуацию. По гарнизону со скоростью звука разлетелась молва о шпионе-террористе, который расстрелял сотрудников ЦУПа и похитил секретные документы и деньги. Если его нет среди подозреваемых, он теперь сделает всё, чтобы замести следы...

КАЗАНЦЕВ

Николай Иванович возвращался домой с неприятным осадком на сердце: завтра надо докладывать начальству о результатах расследования, а докладывать-то, по существу, и нечего. Не знал он толком и что предпринимать дальше. Видимо, что-то они упустили, недоучили, заиклившись на этой тройке. Закинули невод, а он, как это у Пушкина, пришёл с одною тиной морскою. Такого в практике Казанцева ещё не было.

Жена заметила подавленное состояние мужа, но расспрашивать не стала, тем более утешать. Умная, заботливая женщина. Более десятка лет прожили они, и ни разу она не опечалила его упреками, капризами, подозрениями. Хотя могла бы: частенько он заявляется домой далеко за полночь. Но верит ему, понимает его трудную службу. Вот и теперь:

— Мой руки и садись за стол, ужин я уже разогрела. Может, рюмочку налить?

— Нет, и без рюмки горько, — отмахнулся Николай Иванович. — Ничего пока не удалось узнать. Что завтра докладывать начальству — ума не приложу.

— Успокойся. Утро вечера мудренее. Глядишь, к утру и появятся мысли.

Они появились раньше...

Едва Казанцев взялся за ложку, как зазвонил телефон. Офицер дорожно-патрульной службы, проводивший проверку гаражей, сообщил, что "Мерседес" голубого цвета с номером 546 найден у некоего Павлушина, находящегося в длительной командировке в Германии.

— ... А в машине, в багажнике, мы обнаружили... даже представить себе не можем... — радостно тараторил ДПСник. — Пачки денег в банковской упаковке!

— Где?... По какому адресу? — От неожиданности горло Казанцеву сдавил спазм.

— На Садовой, у дома сто пятьдесят!

Николай Иванович бросил трубку и, не объяснив жене, что случилось, метнулся за дверь.

Когда он подъехал к гаражу, там уже топтались начальник дорожно-патрульной службы и двое пожилых мужчин, хозяева соседних гаражей, в присутствии которых производилось вскрытие гаража павлушинского кобеля.

— Мы еле его открыли, — рассказывал старший лейтенант ДПС. — Два замка — навесной и сейфовый. Измучились, хотя Митрич, — кивнул он на одного из мужчин, — уверял, что гараж пустой.

Николая Ивановича сейчас меньше всего интересовали эти подробности. Он подошёл к багажнику "мерса", и в глазах у него зарябило от увиденного: добрая половина багажника была завалена пачками сторублевых, пятистотых и тысячных ассигнаций в банковских лентах и полиэтиленовой спайке. "А где документы?" — пронеслась тревожная мысль. Нигде ни пачки, ни отдельных листов не видно.

Казанцев метнулся в салон, откинул крышку бардачка. И сердце от радости бойко застучало: вот она, пачка! Секретные документы найдены. Значит, найден и преступник! А ведь он меньше всего подозревал Торгачёва.

"А почему, собственно, Торгачёв? — вдруг возникло сомнение. — А если это тот, кто угнал машину? Реально? Вполне. Угнал — и к ЦУПу. Значит, все-таки свой? Несомненно. Ниретин или Симонян? Мог и тот и другой. Любому из них охранники открыли бы. Разделался с ними — и на седьмой этаж..."

— Кому еще сообщили о найденной машине? — спросил Казанцев у ДПСовца.

— Пока только вам.

— Отлично. И больше никому ни слова! Надо взять с поличным угонщика и вора. Я только пачку с документами заберу. А вы закрывайте машину и гараж.

— А деньги?! — изумлённо разом вскрикнули понятия.

— А деньги пусть остаются на месте.

* * *

Жена оказалась права — утро вечера действительно мудренее. Оно принесло еще одну радостную весть: в мусорном контейнере напротив ЦУПа обнаружена бутылка из-под водки с отпечатками пальцев одного из дежурных и... Ниретина. А ещё выяснилось, что портмоне, оказавшееся у Ниретина в кармане, принадлежало одному из охранников. Правда, на допросе Ниретин объяснял: мол, охранники попросили его купить им водки, дали портмоне с деньгами. Водку он принёс, а вернуть сдачу забыл, поскольку в портмоне оставались копейки.

Неплохо придумал, но ему, разумеется, не поверили...

Но как Ниретин открывал сейфы? Не взламывал, а именно открывал собственными ключами? То, что это происходило именно так, установила экспертиза...

* * *

Утром отпустили всех подозреваемых. Казанцев и Качков сидели в кабинете начальника уголовного розыска и ждали сообщений прежде всего из района гаража, где была

организована засада. Догадывались, что ждать, возможно, придётся долго. А чтобы время попусту не тратить, Николай Иванович решил ещё раз побеседовать с Людмилой Сергеевной и капитаном Торгачёвым.

— Зачем опять дергать Торгачёва? — спросил Качков.

— Для очистки совести, — пояснил майор.

Штурман явился будто на свидание: в новом костюме, белоснежной рубашке, чисто выбритый, надушенный. Вошёл, правда, не с улыбкой, а с ухмылкой на лице:

— Надеюсь, наконец-то пригласили с хорошей вестью, — сказал, вольготно развалившись в кресле напротив майора. — Неужто нашли машину?

— Увы, — возразил Николай Иванович. — Ищем. Надежды не теряем. А поговорить с вами мы хотели бы вот по какому поводу. Вы частенько дежурили в ЦУПе, может, замечали чей-то подозрительный интерес к сейфам управления или хотя бы излишне любопытный взгляд, когда секретчик или бухгалтерша открывали или закрывали их?

Торгачёв помолчал с минуту и отрицательно помотал головой:

— Не припомню. Да и зачем ключи, я слышал, есть такие специалисты, что любой замок женской шпилькой откроют.

— Это из области фантастики. Без ключей секретные документы и деньги вряд ли удалось бы похитить.

— Возможно, — согласился и Торгачёв. — Коль охранники и дежурные оказались такими лохами. Напились да еще под пули подставились...

— А вы откуда знаете? — спросил Казанцев.

— Так об этом весь гарнизон гудит.

— Но вы же только-только из-под ареста.

— Ну и что? Пока шёл домой, все уши прожужжали: убили, ограбили...

— Хорошо. Тогда еще вопрос. Людмила Сергеевна никогда не уносила домой ключи? Может быть, случайно?

— Что вы! Она человек дисциплинированный. Ни на минуту не оставит сейф открытым или с ключом в дверце. Даже выходя в туалет.

Едва Торгачёв ушел, Качков предложил:

— Давайте Ниретина вызовем. Нажмём на него и, я уверю, расколем.

— А я нет, — возразил Казанцев. — Подождём. Может, Людмила Сергеевна что-то прояснит...

* * *

Лицо бухгалтерши выражало беспокойство.

Николай Иванович тепло поздоровался с девушкой и предложил сесть напротив.

— Извините, что вынуждены побеспокоить вас, — начал он. — Сейчас командование ведёт переговоры с банком, чтобы субсидировать ЦУПу зную сумму для выплаты зарплаты. У вас не осталась черновик ведомости?

— Нет, — качнула головой Людмила Сергеевна. — Был, разумеется, но тоже в сейфе.

— А много вам потребуется времени, чтобы составить новый?

— Надо архив поднять, с налоговой инспекцией связаться...

— Понятно. Капитана Торгачёва не встретили по дороге?

— Нет. А вы отпустили его? — Лицо бухгалтерши заметно оживилось.

— Да. И вы нас извините, что пришлось брать под подозрение — работа наша такая.

— Я понимаю...

— Он любит вас. И очень беспокоится за вас.

— Я ж говорила, что он замечательный человек...

— А губа-то у Торгачёва не дура, — проводив женщину до дверей, заключил Качков.

— Да уж, — согласился Казанцев.

Они собрались идти на обед, когда поступило сообщение: "Паниной звонили на мобильник: "Будь осторожна, за тобой наверняка установлена слежка. Спрячь концы. Выбери время, оторвись. Машину брось. Билет возьми туда, где были. Сними комнату без прописки. Я тебя найду".

ЛЮДМИЛА СЕРГЕЕВНА

Панина умела держать себя в руках. День она провела на службе, ничем не выдавая признаков беспокойства: рылась в архивах, составляла новую раздаточную ведомость. Вечером закрыла кабинет на ключ и, сдав его под расписку охраннику, отправилась домой. Шла неторопливо, делая вид, что любуется клумбами, зеленой лип и тополей, а сама числяла того, кто мог за ней следить.

Улицы в этот час были многолюдны: попутно и навстречу шли молодые и старые, мужчины и женщины, попробуй определи, кто из них топтун, кто следует за тобой.

Дома приготовила ужин, поела, собрала сумки, дорожные и ценные вещи в рюкзаки и, выключив свет, прилегла на диван. Лежала и обдумывала дальнейшие действия.

Если за ней следят, то и ночью не спуская глаз. Она жила на третьем этаже. Высококово. Выйти из подъезда незамеченной не удастся. Но есть верёвка, хороший эластичный канат. А главное — деньги у нее в руках, основной барьер преодолен. И преодолен успешно!

С детства она мечтала о красивой жизни, всё делала для этого. Теперь осталось сделать последний шаг.

В то, что она красива и умна, уверовала ещё в школе. Училась на пятёрки, мальчишки с первого класса заглядывались на неё.

Как-то классе в третьем она прочитала об известной актрисе Вере Холодной. Ее судьба, игра на сцене и в жизни очаровали девочку. Она мечтала стать такой же, училась подражать ей и, кажется, кое-чего достигла: умела в нужный момент быть либо любезной, доброй и улыбчивой, либо строгой, серьезной, недоступной.

Дома жилось нелегко: отец, военный лётчик, погиб в Афганистане, когда Людочке едва исполнилось шесть лет, а её матери — двадцать восемь. Красивая, эlegantная, высокочившая замуж сразу после десятилетия и нигде никогда не работавшая, мать Людочка оказалась совершенно неприиспособленной к жизни. Пенсии, которую назначили после гибели кормильца, явно не хватало; пришлось осваивать профессию официантки в воинской части, в которой раньше служил муж. Стало легче. К тому же и поклонников у матери появилось немало. Частенько в их квартире устраивались вечеринки, дружеские застолья. Людочку в такие дни мать укладывала у соседки или уводила к знакомым.

Так она и росла. После окончания школы решила ехать в Москву поступать в университет, на экономический факультет.

Абитуриентам на время экзаменов предоставлялось общежитие. С прибывающими со всех концов страны юно-

шами и девушками предварительно беседовал декан факультета и решал, кому дать место в общежитии, и, стало быть, тому стоит рисковать на экзаменах, а кому следует сразу подыскивать другой вуз.

Декану было под пятьдесят. Высокий, интеллигентного вида, с густой копной тёмно-русых волос, чуть тронутых серебром, с приятным мягким голосом, он сразу понравился Людмиле. Декан долго и любезно беседовал с ней, интересуясь не только школьными успехами, но и делами родителей. Людмила тоже старалась отвечать раскованно и с улыбкой.

— Ну что ж, желаю вам успехов, — подвел итог Михаил Иосифович. — Хотя вы и закончили школу с медалью, первый экзамен придётся всё равно сдавать. Думаю, это вас особенно не обременит. — Он помолчал, сосредоточенно о чём-то подумал. — Кстати, как вы устроились? У вас есть родственники в Москве? Место в общежитии у вас непременно будет, но там ещё не закончен ремонт... Я могу предложить вам пожить у меня на даче, это недалеко, в Жаворонках. Там сейчас свободно: жена с дочкой укатили к Чёрному морю...

— Спасибо, — поблагодарила зардевшаяся девушка. Она почувствовала, как ее всю обдало жаром. — Нет, нет, я не хочу вас обременять.хлопот у вас, я думаю, и помимо меня предостаточно...

— Да нет. Вечером я свободен. А на каком вокзале вы оставили чемодан?

— На Павелецком.

— Ждите меня ровно в восемнадцать под часами...

Дача у декана оказалась шикарная, двухэтажная, с мансардой, просторной верандой, с тремя комнатами на нижнем этаже и двумя на втором. Газ, горячая вода, ванна и даже небольшой бассейн во дворе.

Михаил Иосифович покориЛ Людмилу не только своей внешностью, элегантностью, но и щедростью: он и потом давал ей деньги на питание, мелкие расходы...

Ах как здорово всё началось и какие радужные перспективы сулило! Она и мысли не допускала, что в один прекрасный день всё может кончиться...

Панина сдала уже зачёты и экзамены за первый семестр второго курса, когда в университет нагрянули сотрудники с Петровки. У Михаила Иосифовича нашли крупную сумму денег, купюры, помеченные специальным составом, — взятки за присем в университет и за сдачу экзаменов. Его, разумеется, из университета поперли, благо не посадили. Встлыла и его связь с Людмилой. Студентку Панину попросили написать заявление об уходе по собственному желанию...

Поначалу она растерялась, впаЛ в отчаяние. Но вовремя вспомнила напутствие матери: "Никогда, ни при каких невзгодах не падай духом, в жизни всегда есть выход". И она нашла его: узнала о наборе на курсы бухгалтеров. Её взяли без особых препятствий — снова сыграли свою роль красота и обаяние.

А тут еще увиденный кинофильм "Если наступит завтра", в котором героиня Трейси Уитни, тоже бухгалтерша, ловко и бесстрашно обводит вокруг пальца босса мафии, судью, адвоката и всех, кто охотился за ней. Людмила была в восторге от этой женщины и как-то сразу подумала: а чем я хуже? Разве не могу жить, как она?

Судьба бросает человека, как волны моря — то вверх, то вниз. Ну что ж, Людмила красива, умна, предусмотрительна, умеет располагать к себе людей, завоевывать у них доверие, так почему бы не воспользоваться случаем, который подметил не менее умный и предусмотрительный её новый друг — Влад Торгачёв?

Они тщательно продумали всё, правда, не рассчитывали, что в ход придётся пускать оружие. Но всего не предусмотреть. Главное, операция удалась. Панину, по сути, даже не допрашивали после ограбления, только побеседовали: что, да к чему, да кто помог ей устроиться на работу в ЦУП, кого она может подозревать...

Кого подозревать?.. Она только пожала плечами: я здесь без году неделя и плохо ещё знаю сотрудников. А кто помог устроиться на работу? Начальник финансовой части майор Калдырин, знавший её отца. К счастью, майора-финансиста перевели с повышением на Дальний Восток. А о её близких отношениях с капитаном Торгачёвым особенно не расспрашивали, и она радовалась этому...

Милый Влад! За него она готова жизнь отдать. Не думала и не гадала, что так может влюбиться.

Владислав стал для неё буквально всем — любовником, другом, братом, отцом. Она души в нём не чаяла и готова была ради него на всё.

Он добрый и бескорыстный: снял ей комнату, дал денег, не требуя ничего взамен. В знак благодарности она сама застлала его в постель. И какое испытала удовольствие! Он настоящий мужчина. Никто из прежних ни в чем не мог с ним сравниться. И как человек он был обаятелен, весел, неистощим на всякие шутки, шалости. И ловок, смел, находчив...

Вот и в Чечне, рассказывают, он показал себя лучшим штурманом, не раз выводил экипаж из гибельных ситуаций.

А разве так должно платить ему государство? Герой, а весь в долгах как в шелках, вынужден идти на подработку, чтобы жить более-менее по-человечески.

Теперь она и сама удивляется, как решилась предложить ему авантюрный, преступный план. Правда, Владислав и сам не раз шутил говорил: "Грабануть бы банк миллиончика на два".

А тогда... Тогда ей вспомнились любимая героиня из фильма "Если наступит завтра", и она вполне серьёзно ответила на его шутивное присловье:

— А что, это можно устроить.

И пошло, и поехало. Договорились. Страшновато, порой сердце будто ледяной корой сковывало или огнем обжигало. Но теперь отступать уже поздно, надо все силы, всю смекалку и волю на одном сосредоточить — как вырваться из расставленных сетей.

Влад — умница, в надежном месте спрятал машину. Но как незаметно выбраться за город?

* * *

В половине второго Людмила подошла к окну, осторожно раскрыла его. Прodela веревку под лямки рюкзака и, держа оба конца в руках, спустила его на землю. Затем вытянула веревку, просунула один конец под трубу отопительной батареи и, перебросив концы на землю, стала спускаться сама.

Руки вскоре заполыхали, она пожалела, что не надела перчатки, понадеявшись на то, что высота небольшая. Обладованно ощутила под ногами твердь. Выдернула веревку, сунула в рюкзак. Накинув лямки на плечи, тихонько, крадучись, скользнула в непроглядную тьму.

Ночь и в самом деле была воровская — даже угла дома не различить, хотя на противоположной стороне улицы в одном из окон мерцал огонёк. К тому же приближалась гроза. Зигзаги молний распарывали темноту, выхватывая на миг

дома, деревья, клумбы... И воздух наполнился дурманящим ароматом акации и сирени, запахами цветов.

К центральной клумбе Людмила и направилась. Влад — умный мужик, всё предусмотрел: сунул ей пистолет одного из охранников, выдернул из банковской упаковки пачку сотенных и велел припрятать на улице, лучше всего — в цветочной клумбе, что она и сделала. Спрячь это в квартире, деньги обязательно нашли бы...

Она без труда, почти на ощупь отыскала пистолет и деньги, завернутые в целлофановый пакет. Оружие сунула во внутренний карман куртки, деньги — в боковой и широко зашагала дворами к гаражам. Сторожа там не было, место это шло под застройку, и некоторые боксы вообще пустовали, чем и воспользовался Торгачёв.

Людмила, не смотря на то, что по дороге не встретила ни одной живой души, дважды возвращалась по своему следу, проверяя, нет ли толпуна. Начавшийся дождь разошёлся, и она промокла, но не пряталась под навесами, спешила.

Поравнявшись с железной дверью, на которой отчётливо значилась цифра "132", открыла замок, вошла внутрь и быстро забралась в кабину торгачёвского "мерса". С трудом попала ключом в замок зажигания.

За шумел генератор, но движок даже не чихнул. Что за чертовщина?! У Влада он заводился мгновенно.

Она выжала немного и снова повернула ключ. Тот же эффект. Нажала кнопку мобильного, вызывая Влада. По уговору перед выездом она должна была сообщить ему: "Ужин готов. Жду". Но теперь сердито выпалила:

— Движок не заводится!..

Тут же поняла свою оплошность, снова нажала кнопку телефона. Но добавить ничего не успела: сильные руки выдернули ее из кабины.

ДОПРОС

Она сидела перед майором, стыдливо опустив голову, и старалась не видеть его обескураженного, сочувственного лица.

— Как же такое могло случиться? — спросил Казанцев. — Я до сих пор не могу поверить, что это совершили вы. Как это произошло? Чем и как Торгачёв мог принудить вас пойти на такое преступление?

— Торгачёв тут ни при чем, — не поднимая головы, ответила она. — Это всё я придумала.

— Вы?.. Но зачем, почему?

— Разве его жизнь не стоит этого проклятого миллиона?

— О ком вы, о чём?

— О Торгачёве. Ему включили счётчик, и если через десять дней не вернет долг — пуля.

— Это он вам сказал?

— Не только. Я сама слышала разговор по телефону.

Казанцев в недоумении заходил по кабинету.

— Но вы-то при чем? У него своя голова на плечах, пусть бы выкручивался, в конце концов в милицию заявил.

— Никто бы ему не помог.

— Вот вы похитили деньги. И чтобы делали с ними?

— Уехали бы. Вначале я одна. Устроилась бы где-нибудь.

А потом и он приехал.

— Вы уверены?

— Вполне.

— Но он же служит, военный штурман.

— И что? Рискует каждый день, а получает копейки. Пой-

мите, мы не обворовали государство, просто взяли то, что нам недодало.

— И оставили сто сорок человек без зарплат, — грустно покачал головой Казанцев. — Разве вы не понимали этого?

— Понимала. Государство нашло бы этот миллион. Хотя у своих же олигархов. Те в казино за один вечер больше проигрывают. Откуда у них такие деньги? Может, зарабатывают непосильным трудом? Нет? Тогда не дурачите людей! Их-то вы почему-то не ловите, не арестовываете... — Закусив губу, она замолчала.

Казанцев ещё не видел ее такой — злой и сосредоточенной. Её лицо казалось еще красивее, мельком она бросала на него взгляд, и в глазах сверкнули молнии. Ему было жаль эту молодую женщину, безотчётно преданную своему избраннику.

— Но вас всё равно нашли бы.

— Нас обещали перебросить за бугор.

— Но у Торгачёва семья, дети. Разве вам не жаль их?

— Жаль. Но у Влада с женой давно нет никаких отношений. А дети... Мы бы помогли им.

Николай Иванович помотал головой:

— Неразумно это всё. На вас бы подали в международный розыск... Ну да не об этом речь. Представляете, что вас теперь ожидает?

Ответа Николай Иванович не расслышал, поскольку завопил телефон. Казанцев снял трубку.

— Торгачёв в ресторане "Витязь", — услышал он голос старшего лейтенанта Качкова.

ТОРГАЧЁВ

Владислав сидел в ресторане и пил коньяк, не чувствуя ни горечи, ни хмеля. На душе было чертовски пакостно, в голове вертелась одна и та же мысль: "А что дальше, что дальше?" Сердце колотилось от бессысходности, хотелось напиться и забыться, но здравый рассудок напоминал: тебя ждёт Людмила и длинная, опасная дорога.

На эстраде играл оркестр, симпатичная солистка чувственно выводила:

Меж высоких хлебов затерялся

Небогатое наше село.

Горе горькое по свету шлялось,

И на нас невзначай набрело...

Слова старинной песни били в самое сердце, на глаза наворачивались слёзы.

"Невзначай набрело..." Почему набрело? И почему на нас? Зачем он втянул в эту авантюру Людмилу?.. Зачем вообще заварил всю эту дурацкую кашу?

А ведь все в его жизни начиналось так прекрасно! Успешно закончил военно-авиационное штурманское училище, летал, как Бог, вовремя получал очередные звания, стал капитаном, штурманом отряда. В Чечне отличился, был представлен к ордену Мужества...

* * *

Боевое крещение состоялось в июне 95-го. На первый взгляд задание было пустяковое: проверить реконструкцию местности в долине, где планировалась проверка ау-

да, а заодно уточнить, чем там дышит население, нет ли боевиков, для чего предстояло высадить неподалёку группу спецназа.

Вылетели парой. Ведущий – экипаж капитана Авдеева, у которого штурманом старший лейтенант Торгачёв.

Вышли на долину.

– Нас обстреливают, – доложил ведомый.

– Понял. Засеки отсюда.

Вертолёт ушёл из долины, высадил группу и, взлетев, взял обратный курс.

– Помнишь, откуда стреляли? – спросил у ведомого Авдеев.

– Разумеется.

– Тогда выходи вперед и наноси удар.

Ведомый выполнил команду, долбавил реактивными снарядами, но, видимо, слишком волновался, а потому промазал.

При подходе к аулу уже и Торгачёв засёк, откуда ведётся стрельба.

– Делаем змейку и заходим сами для удара, – скомандовал Авдеев.

Владислав прицелился и нажал на гашетку, но чуть раньше услышал удар. Пламя полыхнуло в кабину – взорвался топливный бак. Осколками дюрали Торгачёву посекло лицо и руки. Кровь со лба натекла в глаза, мешая следить за показаниями приборов. Поначалу он даже принял заставшие стрелки за дефект зрения, но, когда увидел потоки керосина в кабине, понял, что перебита проводка. А тут еще началась сильная тряска.

В кабину сунулся десантник, крикнул в отчаянии:

– Горим!

Это и без него видели командир экипажа и штурман. Хорошо ещё, что высота полета была более пятисот метров. Авдеев бросил машину вниз, одновременно дернув аварийную ручку блистера – остекления кабины. Срываясь, тот зацепился за фишку радиопередатчика, лишив экипаж переговорного устройства.

А пламя уже бушевало вовсю.

Бортвой техник кинулся в грузовой отсек и открыл аварийный люк. Поток воздуха хлынул внутрь вертолёт и... – о счастье! – сбил огонь.

Владислав облегчённо вздохнул. Глянул вниз, и все тело снова обдало жаром: земля угрожающе неслась навстречу. Точнее, не земля, а каменные надолбы. Тут не сесть. Он стал помогать командиру, тянуть ручку “шаг-газа”, ни на что не надеясь. И опять повезло: вертолёт послушно стал выходить из пике. Выровняли его у самых камней. Правда, тряска усилилась, лететь дальше было нельзя: двигатели либо вспыхнут, либо разлетятся на куски. И садиться нельзя – не избежать аварии. К тому же рядом боевики.

Внизу промелькнула отара овец. Пастух в бурке с автоматом в руках проводил вертолёт любопытным взглядом. Но стрелять не стал, то ли побоялся, то ли не был воинственно настроен.

Владислав вспомнил, что утром из Ханкалы в Грозный должна была выйти колонна наших десантников. Дорога, по его приказкам, пролегла километрах в трех. Вот куда надо тянуть!

Ручку продольно-поперечного управления било как в лихорадке, и немалых усилий стоило её удерживать, чтобы вести вертолёт. Штурман с надеждой глянул на приборную доску, рассчитывая хоть что-то узнать о состоянии двигателей и аппаратуры. Но чуда на этот раз не произошло: стрелки безжизненно застыли.

Три километра – это минута лёту. Но она показалась вечностью. Глаза Владислава застилали пот и кровь, но не было возможности оторвать руки от рычагов управления, чтобы смахнуть пелену.

Дорога неожиданно вынырнула из-за нагромождения камней. Недалеке – та самая колонна десантников. Авдеев выбрал место у обочины и повел вертолёт на посадку. К нему сразу подкатили два бронетранспортёра. И десанту, и экипажу помогли выйти из дымящейся машины.

А не прошло и двух месяцев, как Владислав снова оказался на волоске от гибели. На этот раз летели в Ханкалу, перевозили два десятка молодых бойцов на замену уже отслужившим свой срок.

Стрелял одиночка, по всей видимости – снайпер: пуля угодила в движок. Начался помпак. От вибрации отскочил выхлопной патрубок и ударил в хвостовой винт. Тут же загорелась сигнальная лампочка: “Пожар в двигателе”. Пришлось его отключить. И снова началась вибрация, причём такая, что с трудом удавалось удерживать ручку продольно-поперечного управления.

Нужно было срочно садиться. Внизу – квадратик огорода. Людей не видно. Командир припечатал вертушку к земле, крикнул:

– Быстро из машины!

– Что случилось? – удивлённо спросил старший группы бойцов, даже не догадываясь, из-за чего совершена вынужденная посадка.

В ответ Авдеев кивнул на покорёженный хвостовой винт и будто обрубленный двигатель.

Это был уже второй звонок, третьего лучше не ждать. Командир полка, обнимая каждого, то ли приказал, то ли попросил:

– Завтра же оформляйте отпуска.

* * *

Неделю Влад отсыпался, играл с детьми, встречался с родственниками, друзьями. Спешил жить. Ведь судьба словно заявляла: ты прошёл ещё не все испытания. И действительно. Вскоре старший лейтенант Торгачёв был отозван из отпуска: четыре полковых экипажа направлялись в Мониинскую академию для освоения новой техники. А уже через три месяца, пройдя боевую практику на Ми-8 ППА – постановщике помех – он снова оказался в Чечне.

Время было непонятное: с одной стороны – шли переговоры с главарями бандформирований об условиях заморения, с другой – боевики, используя договоренность о взаимном прекращении огня, усилили диверсионно-террористическую деятельность. Масло в огонь подливали зарубежные спецслужбы, снабжавшие их деньгами и боевой техникой, вербовавшие в сопредельных странах добровольцев. По радио и в печати шел разнузданный накат на российские войска. Как никогда, требовалось вести разведку: все видеть и слышать, путать карты противнику. Наши самолёты и вертолёт, оснащённые спецаппаратурой, летали днем и ночью, добывая нужные сведения, мешая полем командира Дудова держать постоянную связь, договариваться о совместных действиях.

За успешные боевые действия капитану Авдееву и старшему лейтенанту Торгачёву были досрочно присвоены очередные воинские звания.

Южные ночи тёмные, особенно летом, и звёзды на небе горят, будто изумруды с подсветкой. А внизу – чернота, го-

ры, покрытые лесом. Смотри, пилот, в оба – и показания приборов не упускай из поля зрения (зевнёшь – полный рот земли), и умеи по радиолокационным всплескам на индикаторе обзора определить, где прячется враг. Не простое дело. Но Владислав овладел премудростями умной и чувствительной техники. Ведь как бандиты ни ловчат, но свои базы вынуждены создавать там, куда можно подъехать если не на машинах или мотоциклах, то на ишпаках. На себе ведь тяжёлое вооружение далеко не унесёшь. Значит, и искать их надо в местах проходимых.

Торгачёв изучил буквально каждую горушку, хожёные и малохожёные тропы. Маршрут полёта продумывал тщательно. Да и пеленги радиоперехватов кое-что подсказывали ему.

И вот с Авдеевым они обнаружили крупное становище бандитов. База была уничтожена нашей артиллерией, а командира и штурмана отличившегося экипажа представили к ордену Мужества. А через два дня случилось то, что и в кошмарном сне не приснится...

Экипаж возвращался из очередного вылета на разведку. Недалеко от Ханкалы, где их регулярно обстреливали, вновь замескали огоньки выстрелов.

– Командир, подверни-ка вон на ту мазанку, что на краю села, – попросил Торгачев. И, когда в прицеле оказалась черепичная крыша, выпустил ракету...

В боевом доносении все было подробно описано. А уже вечером по радио прошло сообщение, что экипаж российских ВВС нанёс ракетно-бомбовый удар по мирному населённому пункту. Погибла семья простого чеченца: муж с женой и их шестнадцатилетняя дочь.

На другой день в полк прибыла комиссия – подполковник и два майора юстиции. Торгачёва вызвали на допрос. Его объяснения сразу же взяли под сомнение, предъявив фотоснимок, на котором во дворе разрушенной хибары лежали три трупа.

– Ну и где тут оружие боевиков? – пристально глядя в глаза штурману, спросил подполковник.

Возмущённый самой процедурой допроса, Торгачёв вспылел:

– А вы ещё спросите у соседей. Может, те вам объяснят, причём исключительно правдиво.

– Не иронизируйте! – оборвал его подполковник. – Мы спрашивали.

– А они не сказали вам, что я прямо с вертолёт изнасиловал ту шестнадцатилетнюю девушку, которую мне сейчас показываете на снимке?

– Отвечайте по существу! – теперь уже вспылел следователь.

– Скажите, а Буданова случайно не вы допрашивали? – не отступал Торгачёв.

– А при чём тут Буданов?

– При том же! Если вы считаете, что я от нечего делать разрушаю аулы, вычеркивайте меня из списка военных штурманов.

Из списка военных штурманов его не вычеркнули – спасли прежние заслуги и письмом командира полка министру обороны. Но из боевой авиации отчислили и наградным лист отозвали.

А тут еще с женой начались всякие дрязги. И он запил.

Полёты в полку проводились редко – не хватало топлива, – свободного времени навалом. Если не напивался, не находил себе места. Сознание становилось расплывчатым, будто зыбкий туман застилал прошлое, заволакивал перспективы на будущее. Он ходил на службу, выполнял то, что ему поручали. Временами наступало просветление, и тогда

становилось страшно. Он вспоминал долги, которые надеялся сторяча, и снова занимал у кого только мог, и снова пропивал чужие, по существу, деньги.

Деньги, деньги, деньги – только они стояли перед глазами. “Где раздобыть их?” – одна идея нелепей другой сверлила воспалённый мозг. Пока наконец не остановилась на сейфе Людмилы и уже не отпускала, будто окончательно помрачив сознание.

Он не постеснялся поделиться этой идеей с Людой. И, откровенно, не ожидал, что она всерьёз примет её...

* * *

Наконец-то он с деньгами. Есть чем расплатиться с долгами, на что начать новую жизнь. Торгачёв будто пробудился от кошмарного сна, который почти два года туманил ему голову.

Да, деньги есть. А что дальше? О том, как достались, лучше не вспоминать. А как объяснить, откуда они? В противном случае – что это будет за жизнь?..

И обратного хода нет.

Люду ему сам Бог послал. Умна, верна, любит и готова с ним бежать хоть на край света.

* * *

Охранников ЦУПа убивать он не собирался, и дежурных хотел только подпоить. Но те то ли слишком много выпили, то ли зелье оказалось слишком сильным...

Когда дежурные отключились, он забрал деньги и секретные документы (чтобы пустить сыщиков по ложному следу). По верёвке спустил из окна мешок на улицу. Но провозился. Охранники, хоть были знакомые, прицепились:

– По какому праву находился в ЦУПе до сих пор без разрешения?

Никакие его объяснения, уговоры слушать не стали, грозили доложить командиру полка. Остальное вышло как-то само собой...

* * *

“Людмила, добрая душа. Как она там? Пора бы и позвонить. Всего лишь три слова, и он будет знать, что делать. – Торгачёв взглянул на часы: третий час ночи. – Неужто что-то случилось?”

Будто уловив его тревогу, ожил мобильник.

– Движок не заводится! – сердито выпалила Людмила вместо условной фразы. И замолчала.

То ли батарея разряжена, то ли... Надо срочно ехать к ней!.. Но за ним-то точно ведут слежку. Что же делать?..

Он допил коньяк, расплатился и, не в силах больше пребывать в неведении, пошел к выходу. Нащупал в кармане пистолет. Если что, никому в руки он не дастся, в тюрьму не пойдёт...

У двери дежурили два амбала.

– Привет, Влад, – сказал тот, что справа. – Не узнаёшь?

Он впервые видел этого человека. И понял всё. Сунул руку за “макаровым”, но в ту же секунду его стиснули с обеих сторон, заломили руки и зашлёпнули “железные браслеты”.

*О Виктории Лавриной красноречивее
всяких слов говорят строки:*

*Мы с тобой пережили ненастье
С этим именем страшным – война.*

Алию Губайдуллинку с внутренними войсками ничего, казалось бы, не связывает. Но она знает о журнале «На боевом посту», читает его. И вот решила прислать стихи. «У меня большой замес: написать поэму о ветеранах Великой Отечественной, – читаем в письме Али Рашидовны, – ведь один мой дед – Александр Петрович Зубов – служил офицером в 107-й стрелковой дивизии, был тяжело ранен под Ельней в боях за Москву. Второй – Гумар Набиудович Губайдуллин – служил рядовым бойцом. В 43-м его тоже тяжело ранило на фронте. Комиссовали, отправили домой, в Ташкент, где он вскорости и скончался от полученных ран». И еще в своем письме она говорит вот о чём: «Очень трудно быть начинающим поэтом без профессиональной помощи и отзывове читателей. В литературных кругах у меня нет никаких знакомств. Очень надеюсь на журнал, ваши советы и рекомендации». Что же, перуею поэтическую ласточку Али Губайдуллиной мы привели на своих страничках. Теперь дело за вашими отзывами.

А вот майор Сергей Шейкин из подмосковного посёлка Ватутинки уже не раз публиковался в нашем журнале. Причём пробовал свои силы и в "серьёзной" лирике, и в юмористическом жанре.

Мария Игнатьевна эстетик и служит в Иванове. Ещё будучи прапорщицей, участвовала в работе нескольких семинаров литераторов внутренних войск, издала четыре поэтические книжки, вступила в Союз писателей России. Последние годы майор внутренней службы Игнатьевна редактировала газету УИН Милиции России по Ивановской области "Зона судьбы".

Разные поэты, разные стихи, но все они, как это и положено весной, говорят о любви...

“ТЫ ПРИШЁЛ – И НАСТАЛА ВЕСНА”

**Виктория
ЛАВРИНА**

Где же встретить любовь,
На каком из земных
перекрёстков?
Как увидеть огонь,
А не просто
бумажные блёстки?
Как поверить в мечту,
Если веры уже не осталось?
Как найти ту черту,
За которой любовь
задержалась?
Как среди сотен имён
Угадать лишь то самое имя?
Как понять: это он,
И его не заменишь другим?
Как среди тысячи слов
Вдруг услышать
знакомые звуки?
Где же встретить любовь,
У которой не будет разлуки?

ПАМ'ЯТИ ОТЦА

Как прекрасен сегодня вечер:
В небе звезд зажигаются
 свечи,
Дуэт легкий прохладный
 ветер.
Но тебя больше нет на свете.

Без тебя пролетают зимы,
Льют весенние тёплые ливни
И цветы мне поют о лете.
Но тебя больше нет на свете.

Люди любят, мечтают,
 страдают,
То находят любовь, то теряют
И рожают новые дети.
Но тебя больше нет на свете.

Но я знаю, что ты
 где-то близко:
В моих чувствах, поступках
 и мыслях;
За какой-то невидимой
 дверцей
Ты живой.
Ты живешь в моём сердце.

* * *

Здравствуй, мой родной,
мой хороший!
Как же долго тебя я ждала.
Снег всю душу засыпал
 порошей,
Ты пришёл – и настала весна.

Здравствуй! Снова со мной
 моё счастье.
И другая судьба не нужна.
Мы с тобой пережили не-
настье
С этим именем страшным –
 война.

Здравствуй!
Обними меня нежно
И целуй до утра вновь и
вновь.
Выживать помогла нам
надежда.
Ну а жить пусть поможет
любовь.

Алия
ГУБАЙДУЛЛИНА

ОТРАДА

Спой ещё, моя отрада.
Отложу я все дела.
Уж лететь давно бы надо,
Да слеза вот не дала.

**Сколько ты, моя родная,
Дней в печали провела.
Нас судьбина непростая
Распалила – не сожгла!**

Выйди в поле, на просторе
Чистым голосом запой.
Наберу ромашек море
И пойду на голос твой.

Мы с судьбой не стали спорить.
Сердцу было нелегко.
По пригоркам наше горе
Отступает далеко.

Голос с голосом сольётся –
Мы с тобой одна струна.
Долгим эхом отзовется
Он в иные времена.

**Сергей
ШЕЙКИН**

Я прикоснулся к Вам
случайно
Сквозь тонкий ситец рукава,
И недосказанною тайной
Чуть закружилась голова.

Я прикоснулся к Вам
с опаской:
Вдруг Ваше тело не поймет,
Что недодаренная ласка
Душе покоя не дает.

В дождливый
августовский вечер,
Неуловимо для других,
Я прикоснулся к Вам
навечно,
А Вы подумали – на миг.

Село солнце. Съеден ужин.
Ночь на подоконнике.
Наяву мы просто дружим,
Лишь во сне – любовники.

Нет ни ревности, ни злости,
Нет и покаяния.
Днем мы ходим просто
в гости,
Ночью – на свидания.

Помечтаем и забудем,
Будут рады сплетники.
Наяву мы – просто люди,
Лишь во сне – волшебники.

Жизнь прошла.
Уж над крестами
Вороньё куражится...
Поменять бы всё местами,
Только поздно, кажется.

Дни проходят,
покой кончается,
Еще сутки, и навсегда
Он уедет, она останется –
Не супруга и не вдова.

И потянется в бесконечности
Нить разлуки и пустоты,
Как итог бесчеловечности
Человеческой теплоты.

**Мария
ИГНАТЬЕВА**

Океаны боли и печали –
Мне в лицо глаза его кричали.
Губы же потягивали пиво,
Дым пускали кольцами лениво.
Истово две бури темно-синих
Умояли, каляясь, грозили.
Губы же спокойно улыбались,
Как всегда, безмолвные оставались.

Встала,
мелком в зеркало взглянула,
Руку на прощание протянула.
Наконец-то подскочил с дивана:
"Вы уже уходите? Так рано?"
А цветы? Ну как же вы забыли!.."
Розы белым облачком поплыли.
Проводил к дверям,
слетка нагнулся –
Поцелуй руки моей коснулся...
Тут во мне душа заголосила:
"Господи, о том ли я просила!"
Что за радость –
распростишься снова,
О любви не проронив ни слова?!
Он признаться не готов,
но ты-то?"

Слишком поздно –
дверь уже открыта.
“Свидимся, надеюсь...
в воскресенье?”
И бесследно кануло мгновенье.

Мы говорим привычно
в светском тоне,
Но я, признаться,
смущена слегка:
Так странно слышать пульс
мужской ладони,
И так нежна горячая рука.
Соприкоснувшись
вроде бы случайно,
Ты пальцы не торопишься
разжать...

Как много –
на виду у всех и тайно –
Рукопожатье может рассказать.
О сколько в нём восторга
и желания,
И робости, и страсти, и стыда.
Подобного
безмолвного признания
Не делали мне в жизни никогда!
Уже и сердце стало чаще биться.
В твоих глазах опасный огонёк...
Как хорошо,
что нам пора проститься.
Рукопожатье...
...Кто б подумать мог?

Земная я,
капризная и грешная,
И плотскому нисколько
не чужда.
Не новость телу ночь любви
поспешная,
Но у души глубиннее нужда.
Прелестных мимолётностей
собрание
Её не привлекает новизной,
Ведь кроме откровенного
желания
Известен ей любви язык иной.
Упрямая, всё одиноко маюся,
Надеется, рассудку вопреки.
Да только собеседник
не встретается,
А лишь цитат расхожих знатоки.

**Григорий
ШУВАЛОВ**

МАТЬ-И-МАЧЕХА

Разминая ленивые ноги,
я гулял по Москве сколько мог
и сорвал у железной дороги
мать-и-мачехи жёлтый
цветок.

Бесконечно судьбе благодарен
за простую земную красу,
я возьму этот жёлтый фонарик
и в общагу его отнесу.

И пускай он под вечер завянет,
как завяли другие цветы.
Не печалься, светлее не станет,
если будешь печалиться ты.

нтология
рмейского
нектоа

Связист заходит в церковь и начинает молиться:
– Господи, ты меня слышишь? Раз... раз... раз! Приём!

Из объявления: "Нашедшему удостоверение личности на имя Петрова Ивана Ивановича просьба не смеяться над фотографией".

Начальник, заглянув в отдел, кричит:
– Я же предупреждал: не курить во время работы!
Один из подчиненных, вскочив с места, отвечает с удивлением:
– А кто работает-то?..

– А возможно ли ныне на службе нажить состояние?
– Запросто! Состояние шока, состояние депрессии, предынфарктное состояние...

– Пап, тебя в школу вызывают...
– Зачем?
– Да я стекло разбил...
– Опять?!
– Ага.
– Что за ерунда?! Не школа, а оранжевая какая-то...

Рисует Юрий КУМЫКОВ

Во время танца девушка спрашивает приглашенного ее военного:

– А кем вы работаете?
– Я сапёр.
– Ой как интересно! Такая редкая у вас специальность. Мне никогда ещё не встречались сапёры.
– Да уж... поразбросала нас жизнь...

В военкомате:
– Так кем, молодой человек, вы хотите служить?
– Генералом!
– Вы что, немножко того? – крутит у виска председатель приёмной комиссии.
– А это что, обязательное условие?

Конферансье в цирке объявляет звездной номер праздничной программы:
– А теперь... акробаты-матерщинники на колючей проволоке!

– Алло! Коммутатор? Соедините меня с моей женой!
– А какой у нее номер?
– Ты чего там?! У меня что, гарем, чтоб их нумеровать?

– Вот видишь, богатые тоже плачут, – говорит муж, переключая телевизор на спортивный канал.
– Согласна, – вздыхает жена. – Но плакать лучше в "Мерседесе", чем в трамвае.

– Все же странная это вещь – закон, – рассуждает осужденный. – Вот меня посадили за то, что я украл буханку хлеба. А теперь мне выдают по буханке в день бесплатно...

– Эх, надо было отца слушать, когда пацаном был. Надо было! Ая, дурак, не слушал... Эх, не слушал...
– А что он тебе говорил-то?
– А кто же его знает, я же не слушал...

Из советов стоматолога: помните, что ничто так не защищает круглосуточно ваши зубы, как уважительное отношение к окружающим!

"...ТО И НИКТО

(Фразы и фразочки)

Часовых подбирать по размеру валенок!

Дневальный должен стоять и подавать сигналы точного времени.

Вчера я прошёлся под вашими кроватями: мне не понятно, как вы там живёте.

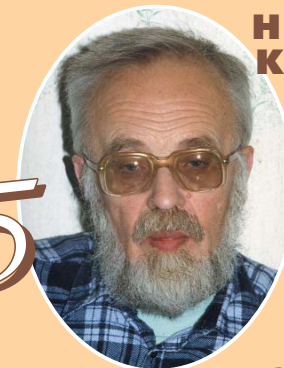
Что вы здесь стоите? Или нет языка, чтобы постучаться?

Дневальный не должен выходить за радиус своей тумбочки.

Дело добровольное – значит, добровольное, а не так: хочу – участвую, а не хочу – нет.

Николаю Николаевичу Карпову, давнему другу и автору нашего журнала, в нынешнем апреле исполняется 75!

Доброго вам здоровья, неиссякаемой жизнерадостности и огромных успехов в творении нетленки!

Николай
КАРПОВ

75
"ВОТ ПИШЕТ-ТО, ЗЛОДЕЙ!.."

НОСТАЛЬГИЯ

Ностальгия, поведаю вам,
У меня ограничена кругом:
По ушедшим из жизни друзьям
Да по вышедшим замуж подругам.

ОБИДА

Вы все забыли, может статья,
А я так помню всё горазд:
Когда я лез к Вам целоваться,
Вы мне сказали: "Бог подаст!"
И до сих пор мне это странно,
Что вы, приличная вполне,
Так поступили негуманно
По отношению ко мне!

ФОРМУЛА

В бессмертной формуле я прав,
Вот историческая справка:
Мужчина женщине – удав.
Мужчине женщина – удавка.

ШУТКА

Свершивши дело, явно чёрное,
Дал прохиндею я снотворное,
Но не одно, а со слабительным,
И результат был удивительным!

НЕДОСТАТОК

Я истины сейчас не изреку
И не сорву с себя покров
таинственный:
Люблю с утра я выпить кофейку,
Но это недостаток
мой единственный...

ВОПРОС

Недавно был я в Бангладеше.
Меня встречали по одежде,
А провожали по уму.
Как догадались – не пойму...

САМОРЕКЛАМА

Изящную словесность возлюбя,
Читать предпочитаю сам себя
И, просвещая опосля людей,
Им говорю: "Вот пишет-то, злодей!.."

НЕ ПРИУЧИТ!"

Твёрже пятку ставь на носок!

Военная тайна не в том, что вы изучаете, а в том, что изучаете именно вы!

Никто домой с пистолетом не ходит, жену не проверяет, с соседкой чай не пьёт.

Не мажь ворота солидолом и отходами ГСМ. Не позорь части!

Женщина в армии – предмет особый и разглашению не подлежит!

Прямо по фронту – кустарники, отдельные кустики и другие природные насаждения.

Если вы не приучите себя к работе, то и никто не приучит.

Быстро доклад мне о наличии расхода личного состава!

А как смочить повязку, если нет воды? Подумайте.

Так называется красочная книга, а точнее книга-альбом Т.Н. Ильина и А.Н. Кайгородцева (СПб.: ООО "Издательство "Атлант", 2006. – 288с: ил.), вышедшая в серии "Энциклопедия Русской Армии" и посвящённая полковым музеям России конца XIX – начала XX веков.

Большинство размещённых в ней рисунков и репродукций с живописных полотен публикуются впервые.

Было бы, наверное, полезным нынешним военным людям, и прежде всего офицерам, поучиться на опыте старших отношению к музейному, архивному, библиотечному делу. Ведь именно офицеры устраивали музеи своих частей, и устраивали на собственные средства при офицерских собраниях. В музеях бережно хра-

ВО ИМЯ ДОБЛЕСТИ, ДОБРА И КРАСОТЫ

нились полковые регалии, образцы военной формы, оружие, подарки высочайших особ, медали, знаки, жетоны, скульптура, фотографии, альбомы, подарки к юбилеям от других полков, произведения изобразительного искусства, рассказывающие о подвигах предков.

Любопытно перелистывать страницы этого богато иллюстрированного издания. Наряду с малоизвестными художниками здесь встречаются репродукции с картин всероссийски признанных мастеров, судьба которых так или иначе была связана с воинской службой.

Так, например, академик живописи Николай Николаевич Карзинин (1842-1908), оказывается, окончил 2-й Московский кадетский корпус, служил в Казанском драгунском полку. За отличие в боях при усмирении польского мятежа 1863-64гг. награждён орденом Святой Анны IV степени "За храбрость". Выйдя в отставку в 1865 году, два года учился в Академии художеств у знаменитого баталиста Б.П. Виллевальде. Затем поручиком 5-го Туркестанского линейного батальона принимал участие в походе против Бухарского ханства, заслужил орден Святого

Владимира IV степени с мечами и бантом, чин штабс-капитана и золотое оружие "За храбрость". Во время русско-турецкой войны 1877-78 гг. он опять не усидел в тылу, стал военным корреспондентом и своими фронтальными набросками с натуры пером, карандашом и акварелью получил широкую известность как талантливый рисовальщик. Его работы охотно печатали "Нива" – в то время самый популярный российский журнал. Что же касается полковых музеев, то они сохранили одну из картин Карзинина, изображающую эпизод войны с Турцией и два совершенно необычных произведения. Это расписанные художником муаровые ленты к букетам, которые были поднесены высочайшим особам от личного состава Лейб-гвардии Конно-гренадёрского полка в 1890 году и Лейб-гвардии Сапёрного батальона шестью годами позже.

В альбоме вы встретитесь с работами знаменитого мариниста Льва Феликсовича Лагорио; полотнами Николая Семёновича Самокиша – профессора батального класса Академии художеств, Франца Алексеевича Рубо – создателя всемирно известной панорамы "Бородинская битва".

КАЗАЧЕСТВО – ЩИТ ОТЕЧЕСТВА

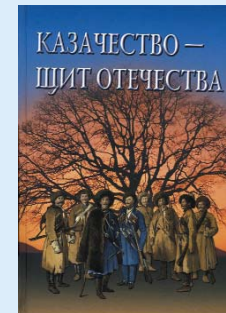
Немало книг по истории казачества появилось за последние годы. Однако эта, под общей редакцией Н.И. Чалых, изданная в Москве Издательским домом ТОНЧУ, думается, не затеряется в общем потоке. Объёмная, крупноформатная, богато иллюстрированная, она содержит массу интересных сведений о российском казачестве, начиная от седой старины и заканчивая, по сути дела, днём нынешним. Ее авторы не склонны давать исторические и политические оценки казачеству. Они предоставляют возможность читателю самому понять и оценить его заслуги как в прошлом, так и в настоящем, определить место и роль в решении конкретных задач, стоящих перед страной.

Открывая книгу, Верховный атаман Союза казаков России Александр Гаврилович Мартынов, доктор экономических наук, профессор, справедливо замечает, что "казаки никогда не чувствовали особой милости государей, сохраняли столетиями свою самобытность, были самодостаточны,

полностью обеспечивали себя продовольствием и имели собственное техническое оснащение, они в значительной степени сами поддерживали свою безопасность и боеготовность, но всегда помнили, что несут ответственность не только перед станичниками и войском, но и перед Россией".

В этом не трудно убедиться, читая книгу, рассматривая иллюстрации.

В том, что казакам нет равных в конном строю, в лихой кавалерийской атаке, наверняка заверять никого не надо. Не чужды были казаки и морскому делу, ибо на своих знаменитых стругах бесстрашно ходили не только по рекам, но и по Чёрному, Азовскому и Хвалынскому (ныне Каспийскому) морям. Громили прибрежные турецкие города и селения, смело шли на abordаж вражеских кораблей и топили их. Кроме захвата добычи, зачастую освобождали из плена христианских невольников, которые, возвращаясь на родину, пополняли казачьи ряды. Это все нам более или ме-

нее известно из исторических хроник, художественной литературы. А вот задумывался ли кто о том, чьими судами воспользовался Петр I в своем знаменитом походе на Азов? Внимательно ознакомившись с книгой "Казачество – щит Отечества", можно с полной определённоcтью сказать – казацкими! Таким образом, получается, что именно казаки заложили основу Российского флота на воронешских землях.

★
Полковник Евгений АРТИУХОВ,
заслуженный работник культуры